

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1887.

№ 9.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Новое покушеніе іезуитовъ противъ православія. (Критическій разборъ появившейся за-границею книги: „Исхожденіе Св. Духа и вселенское перво-священство“. Изданіе Сергѣя Асташкова) (продолженіе). Свящ. Т. Буткевича.	653—690
Православное и католическое духовенство въ западномъ краѣ Россіи. А. Шугаовскаго	691—736
Нѣсколько словъ о вновь найденныхъ письмахъ Юліана Отступника. А. Деревницкаго	737—748
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линницкаго	399—419
Очеркъ жизни философа Лейбница въ связи съ его богословскою дѣятель- ностію. К. Истомина:	420—444
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лазрція, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. Б.	445—450
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго комитета Право- славнаго миссіонерскаго общества (окончаніе).—Отъ правленія Харьковскаго духов- наго училища. — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ Хорошевскаго духовнаго пріюта. — Извѣстія и замѣтки.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1887.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885 и 1886 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено. цензурою. Харьковъ, Мая 15 дня 1887 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

НОВОЕ ПОКУШЕНІЕ ІЕЗУИТОВЪ ПРОТИВЪ ПРАВОСЛАВІЯ.

(Критическій разборъ появившейся за-границею книги: „Исхожденіе Св. Духа и вселенское первосвященство“. Изданіе Сергѣя Асташкова).

(Продолженіе *).

Единственное мѣсто изъ всѣхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, которое католическіе богословы стараются истолковать въ пользу своего лжеученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, это—слѣдующее изреченіе Спасителя, содержащееся въ Евангеліи отъ Іоанна (гл. XVI, ст. 13 и слѣд.): „Егда же придетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину: не отъ Себе бо глаголати имать, но елика аще услышитъ глаголати имать, и грядущая возвѣститъ вамъ. Вся елика имать Отецъ, Моя суть: сего ради рѣхъ, яко отъ Моего приметъ и возвѣститъ вамъ“¹⁾. Приведя это изреченіе Спасителя, авторъ разбираемой нами книги истолковываетъ его, какъ и всѣ, впрочемъ, другіе католическіе богословы, такимъ образомъ. „Когда рѣчь идетъ о Божествѣ,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1867 г. № 8.

¹⁾ Текстъ этотъ мы привели буквально, какъ онъ приведенъ въ разбираемой нами книгѣ. Дѣлаемъ эту оговорку въ виду того, что въ приведенномъ изреченіи Спасителя послѣ словъ: „возвѣститъ вамъ“ сдѣланъ пропускъ слѣдующаго мѣста: „Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моего приметъ, и возвѣститъ вамъ“.

говорить онъ (стр. 6), необходимо должно признать происходящимъ равнымъ образомъ какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына, т. е. какъ отъ единого источника и начала Того, Кто беретъ отъ Сына, и беретъ *потому именно*, что Сынъ имѣетъ *все сообща* съ Отцемъ общимъ источникомъ и началомъ. Но по приведеннымъ словамъ Христа, таковъ именно и есть Св. Духъ, слѣдовательно Св. Духъ всевѣчно ведетъ начало какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына, или, что тождественно, исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного и того же источника“.

Такое толкованіе приведеннаго текста, какъ мы сказали уже и выше, не есть толкованіе, принадлежащее исключительно автору разбираемой нами книги. Со временъ Θомы Аквината оно повторяется на разные лады *всѣми* защитниками католическаго лжедогмата, только излагается ими яснѣе и попятнѣе, чѣмъ у нашего противника. Вотъ почему на толкованіе это почти всегда обращаютъ вниманіе и богословы Православной Церкви. Такъ дѣлаетъ, между прочимъ, и нашъ ученый представитель православно-догматическаго богословія, покойный Макарій, бывшій митрополитъ московскій. Приведя въ своемъ „Православно-догматическомъ богословіи“ указанное мѣсто изъ Евангелія отъ Іоанна, онъ говоритъ: „Здѣсь останавливаются (католическіе богословы), во-первыхъ, на выраженіи: *отъ Моего приметъ*, и говорятъ: отъ Моего, т. е. отъ Меня, приметъ, т. е. происходитъ; а во-вторыхъ, на словахъ: *вся, елика имать Отець, Моя суть*, и умствуютъ: если все, что имѣетъ Отець, имѣетъ и Сынъ; а Отець, между прочимъ, имѣетъ то свойство, что отъ Него исходитъ Духъ Святой,—слѣдовательно Духъ Святой исходитъ и отъ Сына.—Но такое толкованіе и такое умствованіе: а) совершенно противны составу рѣчи. По составу рѣчи, смыслъ приведенныхъ словъ Спасителя, очевидно, слѣдующій: „Я еще не преподалъ вамъ многихъ истинъ: потому что вы неспособны нынѣ понять ихъ. Когда-же придетъ Духъ истины, котораго Я вамъ обѣторалъ, Онъ восполнитъ сей недостатокъ вмѣсто Меня и наставитъ васъ на всяку истину. Восполнитъ вмѣсто Меня: ибо Онъ будетъ препода-

вать не какое-нибудь свое, новое ученіе, отличное отъ Моего: не отъ себе бо глаголати имать, но елика аще услышите глаголати имать; напротивъ, будетъ продолжать то-же самое ученіе, какое преподавалъ Я: отъ Моего приметъ, и возвѣститъ вамъ. А такъ какъ Я прежде говорилъ вамъ, что Мое ученіе нѣсть Мое, но пославшаго Мя Отца (Іоан. 7, 16; снес. 14, 10 и др.), то, дабы настоящая моя рѣчь была вамъ понятною, прибавлю, что *вся, елика имать Отецъ, Моя суть*,—потому Я и сказалъ: *отъ Моего Духъ Святыи приметъ и возвѣститъ вамъ*". Слѣдовательно слова: *отъ Моего приметъ* и потомъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть*—относятся исключительно къ ученію, которое Сынъ, какъ приходившій на землю исполнить волю Отца для спасенія людей, принялъ отъ Отца, а Св. Духъ, какъ преемникъ Сына на землѣ въ томъ-же великомъ дѣлѣ, имѣлъ принять отъ Сына. И выраженіе: *отъ Моего приметъ и возвѣститъ вамъ*—не такъ надобно понимать: „отъ Меня позаимствуетъ Духъ Святыи то, чего прежде не зналъ и не имѣлъ“,—ибо Духъ, какъ Богъ, отъ вѣка все знаетъ и все имѣетъ; а такъ: „Онъ будетъ послѣ Меня продолжать Мое-же ученіе, а не какое-либо другое, Онъ *воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ* (Іоан. 14, 26), и восполнитъ, вмѣсто Меня, то, что Я имѣлъ-бы еще глаголати вамъ, но чего вы не можете носити нынѣ". Почему же? Потому что „Мы едино съ Нимъ по существу, имѣемъ одну и ту же мудрость и знаніе, одно и то же нераздѣльное дѣйствованіе“,—такъ изъяснили это древніе учителя Церкви. Если-же — б) нѣкоторые изъ нихъ въ словахъ: *отъ Моего приметъ* видѣли мысль о вѣчномъ исхожденіи Св. Духа, то понимали ее совсѣмъ не такъ, какъ хотятъ понимать нынѣ западные христіане. „Сказалъ (Христосъ): *отъ Моего приметъ*, т. е. отъ Моего Отца, пишетъ Св. Аѳанасій Великій,—ибо присовокупилъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть*: сего ради рѣхъ, яко отъ Моего приметъ и возвѣститъ вамъ". Еще яснѣе выражается блаженный Августинъ: „а что сказалъ (Христосъ) о Духѣ Святомъ, *отъ Моего приметъ*, Самъ рѣшаетъ вопросъ, дабы не подумали, будто Духъ какъ-бы чрезъ нѣкоторыя степени отъ Него есть, какъ Самъ Онъ отъ Отца,

когда Оба отъ Отца, одинъ раждается, другой происходитъ (cum ambo de Patre, ille nascatur, iste procedat). И такъ, говорю, дабы не подумали сего, Онъ непосредственно присовокупилъ: *вся, елика иматъ Отець, Моя суть: сего ради рѣхъ, яко отъ Моего прииметъ*. Онъ, безъ сомнѣнія, желалъ быть понимаемъ такъ, что Духъ отъ Отца происходитъ“. Это-же самое изъясненіе текста принимали потомъ—знаменитый на Западѣ Алкуинъ или Албинъ и другіе, какъ западные, такъ и восточные писатели. Низойдемъ теперь къ частностямъ. Если—в) выраженіе: *отъ Моего прииметъ*—значить: отъ Меня заимствуетъ вѣчное бытіе, отъ Меня исходитъ,—то спрашивается: зачѣмъ глаголь *прииметъ*—стоитъ въ будущемъ времени точно такъ, какъ непосредственно предъ нимъ — *прославитъ*, — и вслѣдъ за нимъ—*возвѣститъ*? Развѣ Духъ Святой еще не происходилъ отъ Сына въ то время, когда Онъ бесѣдовалъ съ Апостолами, а только имѣлъ произойти по вознесеніи Его на небеса? Утверждать, что глаголомъ—*прииметъ* выражается прошедшее или настоящее, значить утверждать, что и двумя другими глаголами, т. е. *прославитъ* и *возвѣститъ*, неразрывно съ нимъ связанными, выражается также прошедшее или настоящее; но это было-бы уже совершенное извращеніе смысла рѣчи. Если-же допустимъ, безъ всякаго впрочемъ основанія, что одинъ лишь глаголь—*прииметъ* означаетъ настоящее, а два другіе—будущее: тогда увидимъ новое искаженіе смысла рѣчи. Слова Спасителя надобно будетъ понимать такъ: „Духъ Святой Меня прославитъ, потому что отъ Меня происходитъ и возвѣститъ вамъ“. Что-же такое Онъ возвѣститъ? Еще къ большимъ несообразностямъ ведетъ—г) умствованіе иномыслящихъ, когда они, принимая безъ всякаго ограниченія слова Спасителя: *вся, елика иматъ Отець, Моя суть*, говорятъ: „но Отець имѣетъ то свойство, чтобы изводить Св. Духа, слѣдовательно—и Сынъ“. Ибо точно также можно умозаключать: „Отець имѣетъ и то свойство, чтобы быть нераждаемымъ, слѣдовательно и Сынъ; Отець имѣетъ и то свойство, чтобы раждать Сына, слѣдовательно—и Сынъ“... Съ другой стороны, такъ какъ Самъ Сынъ сказалъ Отцу: *вся Моя Твоя суть* (Іоан. 18, 10), а Сынъ имѣетъ свойство

раждаться отъ Отца, то надобно отсюда заключить, что тоже свойство имѣеть и Отецъ? Сыну принадлежитъ воплощеніе: значить—и Отцу?... Единственное средство устранить всѣ эти несообразности состоитъ въ томъ, чтобы слова Спасителя: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть*—принимать съ ограниченіемъ. Сынъ, дѣйствительно, имѣеть все, что имѣеть Отецъ по существу и божеству, равно какъ и Отецъ имѣеть все, что имѣеть Сынъ, но за исключеніемъ личныхъ свойствъ. Такъ именно понимали означенное изреченіе и древніе знаменитые учителя Церкви: они говорили, что этимъ изреченіемъ означается собственно единство природы Отца и Сына, означаются Ихъ существенныя свойства и вообще все, что есть общаго между Ними, но отнюдь не означаются Ихъ свойства особенныя. А потому рассуждали, что *вся, елика имать Отецъ*, имѣеть не только Сынъ, но имѣеть и Духъ Свят. Слѣдовательно вовсе не имѣли и не могли имѣть мысли выводить изъ этихъ словъ Спасителя, какъ то нынѣ дѣлается, заключенія о вѣчномъ исхожденіи Св. Духа; иначе надлежало-бы допустить, что Отцы думали, будто Онъ исходитъ и отъ Самого Себя“¹⁾.

Мы нарочито привели здѣсь полностью два вида толкованія вышеуказаннаго текста: римско-католическое, какъ оно изложено въ разбираемой нами книгѣ, и православное—въ Догматическомъ Богословіи митрополита Макарія, дабы читатели наши сами непосредственно могли судить о ихъ достоинствѣ, могли рѣшить вопросъ, на какой сторонѣ истина, которая раздѣляться не можетъ, и дабы никто не могъ сдѣлать намъ упрека въ пристрастномъ изложеніи одного и въ намѣренномъ искаженіи другаго изъ этихъ двухъ толкованій. Но этимъ мы вовсе не отнимаемъ у себя права высказать и свое личное мнѣніе. Намъ кажется, что выборъ между этими двумя толкованіями никого не поставитъ въ затрудненіе. Толкованіе римско-католическое, приведенное авторомъ разбираемой нами книги съ общаго голоса всѣхъ католическихъ богослововъ, отли-

¹⁾ Православно-догматическое Богословіе Макарія. Т. I. 1856. Стр. 209—213.

чается такую натянутостію, которая слишкомъ бросается въ глаза и сама обнаруживаетъ всю неистинность толкованія и очевидную неискренность толкователя. Все ясно говоритъ въ немъ, что авторъ нашъ идетъ тѣмъ именно путемъ, который онъ хочетъ осуждать въ своемъ противникѣ: разбираетъ этотъ вопросъ съ единственною „цѣлію во что бы ни стало, но только казаться правымъ“ (стр. 39). Евангельскій текстъ такъ простъ, что онъ доступенъ пониманію cadaго. И мы увѣрены, что каждый, прочтя его безъ предвзятой мысли, тотчасъ скажетъ, что слова „отъ Моего приметъ“ относятся исключительно къ дѣлу Христа, какъ Искупителя, продолженіе котораго на землѣ въ христіанской Церкви благоволилъ принять на Себя Святыи Духъ, а поэтому католическое толкованіе, стремящееся увидѣть въ нихъ мысль о вѣчномъ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, признаетъ ложнымъ и дѣланнымъ. Совершенно инымъ характеромъ отличается толкованіе православное, какъ оно приведено Макаріемъ; оно стоитъ на самомъ прочномъ основаніи во всѣхъ отношеніяхъ — экзегетическомъ, филологическомъ и патристическомъ; оно отличается не только полнымъ согласіемъ съ евангельскимъ текстомъ и непосредственною близостію къ нему, но и такою точностію, что положительно не знаешь, что можно было-бы къ нему прибавить или отнять отъ него, что можно было-бы вообще сказать противъ него.

Но не такъ разсуждаютъ о толкованіи Макарія ревностныя и изощренныя въ діалектикѣ сыны Лойолы! Авторъ разбираемой нами книги нашелъ что сказать и противъ толкованія Макарія. Мало того, критическому разбору доводовъ митрополита Макарія онъ посвятилъ цѣлыхъ 30 страницъ (отъ 14 до 44), т. е. почти четвертую часть всей своей книги. Что же? Несомнѣнно, что честный, серьезный, безпристрастный, однимъ словомъ — научный, критическій разборъ кромѣ пользы ничего не можетъ принести: онъ обнаруживаетъ ошибки, отмѣчаетъ увлеченія и односторонности, караетъ ложь и пристрастіе, возстановляетъ истину въ ея чистомъ видѣ и непосредственности. Благоразумный и добросовѣстный критикъ ни на одинъ шагъ не отступитъ

отъ законныхъ требованій научной критики: если пониманіе автора разбираемой имъ книги предъ его научнымъ судомъ окажется невѣрнымъ, онъ, не обинуясь, укажетъ, въ чемъ состоитъ его невѣрность, но укажетъ съ полнымъ приличіемъ, съ достоинствомъ безпристрастнаго судіи, безъ раздраженія, безъ оскорбленія, безъ площадной брани. Весь интересъ его въ истинѣ, которую онъ ищетъ съ любовію, а любовь, по слову Апостола, не раздражается, ни безчинствуется и лишь радуется объ истинѣ (1 Кор. 13, 5, 6). Въ особенности такія требованія имѣютъ безусловное значеніе для критика сочиненій, имѣющихъ своимъ содержаниемъ вопросы религіознаго общенія. Здѣсь критикъ не долженъ ограничиваться однимъ указаніемъ недостатковъ сочинителя, но долженъ и исправлять его духомъ кротости, безъ тщеславія, безъ раздраженія, безъ зависти. Это заповѣдь Апостола.

Но такова ли критика вышеприведеннаго толкованія Макарія у автора разбираемой нами книги? О, нѣтъ,—и къ сожалѣнію,—далеко—нѣтъ! Новый защитникъ католическаго лжеученія и подпольный критикъ нашего ученаго богослова—историка пренебрегъ требованіями научной критики, забылъ о заповѣди Апостола, оказалъ полное неуваженіе даже къ законамъ общепринятаго приличія и благопристойности. Въ отношеніи къ митрополиту Макарію авторъ разбираемой нами книги какъ бы поставилъ свою главную задачу въ томъ, чтобы безъ всякой причины осыпать его побольше площадною руганью, вмѣшивая по временамъ, конечно, въ насмѣшку, и такіе эпитеты, которые могутъ быть употребляемы только людьми, благоговѣющими къ памяти усопшаго святителя. „Высокопреосвященнѣйшій Макарій“, пользующійся „громкою извѣстностію между своими единовѣрцами, современностію своего труда, достохвальнымъ усердіемъ“, по словамъ нашего противника (стр. 14), „выражался на языкѣ мало извѣстномъ ученой европейской публикѣ, рассчитывалъ болѣе на то, что не вызоветъ отвѣта на свои, не всегда удачныя, мудрствованія и отчасти произвольныя умозаключенія, чѣмъ на строго научную, предметную защиту греко-россійскаго ученія“; „твердымъ креди-

томъ въ ограниченномъ околѣдѣ онъ удачно замѣнилъ отсутствіе наличнаго капитала“; съ самымъ вопросомъ объ исхожденіи Св. Духа знакомъ мало (стр. 15—16); его разсужденія — „простыя компиляціи“; онъ способенъ только „пуцать богословскій фейерверкъ исключительно на удивленіе отечественной публики“; у „ученаго Архипастыря“ повсюду господствуютъ однѣ „натяжки“, „которыми онъ льстился прикрыть несостоятельность защищаемаго имъ ученія“ (стр. 17); „на поприщѣ богословскомъ, какъ и критическомъ“, авторъ разбираемой нами книги „безъ труда уличаетъ будто-бы въ несостоятельности ученіе, діалектику, значеніе и даже православіе достойнаго Архипастыря“ (стр. 21); „бѣлоклубичному богослову“ (стр. 23) не по вкусу (стр. 21) возраженія католиковъ; „въ его понятіяхъ царитъ такая сбивчивость, которую по самымъ простымъ законамъ логики даже и молодые питомцы на скамьяхъ гимназій и семинарій въ состояніи обличить“; „геніальный ученый“ былъ однако-же не чуждъ будто-бы „недостатка прозорливости“, соединеннаго съ „внутреннимъ сознаніемъ о несостоятельности защищаемаго имъ, *по оффициальной только обязанности*, ученія“; его сужденія и доказательства, по словамъ автора разбираемой нами книги, суть „по истинѣ образцовая какологія“, „отборная галиматья, въ которой красуются сокровища всякаго рода: и богословское невѣжество, и поразительная грубость въ онтологическихъ понятіяхъ, и полное отрицаніе простѣйшихъ законовъ логики и, наконецъ, даже формальное лжесвидѣтельство“ (стр. 24—25); „почтенный“ и „достойный Архипастырь“ съ одной стороны будто-бы богатъ „такой своеобразной логикой, которая касается болѣе до патологіи, чѣмъ до богословія“, а съ другой стороны „чуждъ и первоначальныхъ законовъ логики“ (стр. 25). Авторъ разбираемой нами книги нашель у Макарія „такую варварскую богословскую терминологію, что каждое слово носитъ у него отпечатокъ грубости представленій и несвойственности выраженій“, „но каррикатурная фѣрма выраженія сама исчезаетъ передъ уродливою сущностью умствованія“; Макарій „не особенно (будто-бы)

привыкъ обращаться съ отвлеченными предметами созерцанія“ (стр. 26); и „съ первой же строки представляетъ примѣръ поразительной неспособности или нежеланія выразить свои мысли съ приличными научному языку точностію и опредѣлительностію (стр. 27); укрывающійся въ потаенныхъ мѣстахъ нашъ разъяренный противникъ не разъ упрекаетъ Макарія въ „недобросовѣстности заключеній, нелогичности выводовъ, неправильности толкованія“ и высказываетъ свое „сожалѣніе, что митрополитъ Макарій не жилъ во времена аріанъ“, такъ какъ изъ него могъ-бы выйти хорошій помощникъ Арія (стр. 29). „За неимѣніемъ лучшаго, попробовать прибѣгнуть къ какому нибудь полемическому фокусу, говорить авторъ разбираемой нами книги (стр. 30), никому не запрещено. Этой-то неблагодарной задачѣ и обрекъ себя, какъ надо было ожидать по *оффициальной обязанности* не повинный защитникъ греко-россійскаго толкованія. Говорю по *оффициальной обязанности*, поясняетъ новый „не повинный защитникъ“ римско-католическаго толкованія,—потому что какъ сейчасъ увидимъ по приемамъ митр. Макарія, *объ убѣжденіи едва-ли можетъ быть и рѣчь*“ (стр. 30). Митр. Макарій спорить съ католическими богословами будто-бы „не подъ вліяніемъ непреодолимаго убѣжденія, а только для исполненія возложеннаго людьми или обстоятельствами урочнаго труда“ (стр. 31); онъ придерживается будто-бы только одного „рецепта: отвѣчать кой-что, кой-какъ, но только отвѣчать“ (ibid). Нашъ противникъ „не сѣтуетъ, впрочемъ, на недостаточность богословской науки автора (т. е. Макарія)“, напротивъ даже благодаренъ ей, такъ какъ чрезъ это ему будто-бы „удалось не разъ уличить ученіе его (Макарія) въ совершенной несостоятельности“ (стр. 32). Если вѣрить автору разбираемой нами книги, то „по ученію русскаго митрополита (Макарія) третье лице Пресв. Троицы разомъ лишилось-бы всякаго *постояннаго* начала“ и было бы „незавиднымъ по-истинѣ Божествомъ“ (стр. 33). Вообще же новоявившійся противникъ и беспощадный судія нашего ученаго представителя православно-догматическаго богословія не находитъ для себя особеннаго труда вести борьбу съ русскимъ „бѣлокло-

бучнымъ ученымъ“, но „не слишкомъ прозорливымъ Архипастыремъ“ (стр. 36), такъ какъ „на каждомъ шагу офіціальный защитникъ какъ будто намѣренно опровергаетъ свои собственные доводы и нашептываетъ отвѣтъ противнику“ (стр. 33), „вопросы ставитъ безтолково“ (стр. 34) и „неудовлетворительно“ (стр. 35), отличается „безтолковымъ только пониманіемъ“ (стр. 36), „мѣряетъ совѣчность часами или секундами, а единство по существу въ Божескихъ Лицахъ опредѣляетъ аршинами, что ли, или пудами“, его „разумъ вращается въ омутѣ онтологическаго невѣжества“; „часто до такой степени все путаетъ, что договаривается прямо до безмыслія“ (стр. 37), страдаетъ „богословскими галлюцинаціями“; ему „недоступно даже и богословіе достославнѣйшихъ отцевъ и учителей своей собственной Церкви“ (стр. 38); „его пространнѣйшій, но во всякомъ случаѣ не серьезнѣйшій трудъ“ есть не что иное, какъ „безвредный наборъ, не выдерживающій даже поверхностнаго анализа, и доказывающій на каждой страницѣ истину и справедливость того, что имѣетъ въ виду опровергнуть“ (стр. 39) и т. д.

Но довольно! Оставляемъ не отмѣченными всѣ „прочіе безумные глаголы“ автора разбираемой нами книги, которыми онъ такъ щедро и обильно осыпаетъ „не по вкусу“ пришедшаго католіческаго богословію покойнаго митрополита Макарія. Для составленія правильнаго понятія о характерѣ его полемики достаточно и сказаннаго.

Но, благосклонный читатель! выше вы имѣли возможность прочесть полностью приведенное нами объясненіе Макарія того *единственнаго* евангельскаго текста, на который хочетъ опереться католіческое богословіе съ своимъ лжеученіемъ о вѣчномъ исхожденіи Св. Духа не только отъ Отца, но и отъ Сына. Прочтите же со вниманіемъ его еще разъ, отнеситесь къ нему со всею строгостію безпристрастнаго судіи и скажите,—есть ли въ немъ что-либо такое, за что-бы можно было осыпать Макарія такою площадною бранью, какою его осыпалъ іезуитъ? Но, можетъ быть, мы съ вами пристрастны къ покойному святителю; можетъ быть, мы съ вами такъ свыклись съ атмосферою православія, что не можемъ видѣть

„неправославія достойнаго Архипастыря“, можетъ быть, мы съ вами, читатель, живя „въ ограниченномъ окологдѣ“, вдали „отъ ученой европейской публики“, находимся на такой низкой степени развитія и такъ мало подготовлены школьными логиками, что въ Макаріевомъ „объясненіи“ евангельскаго текста, равно какъ и въ другихъ его сужденіяхъ мы не въ силахъ замѣтить „явныхъ натяжекъ“, „отсутствія логики“, „безтолковаго только пониманія“, „богословскихъ галлюцинацій“, „противорѣчія убѣжденіямъ“, „богословскаго фейерверка“ и т. п. Кто въ сочиненіяхъ Макарія усмотрѣлъ только „образцовую какологію“ да „отборную галиматью“,—что для такого критика можемъ составлять мы съ вами, читатель? Итакъ, скажи же намъ самъ ты, многоученый, прозорливый и всепобѣждающій іезуитъ, такъ мудро управляющій законами самой здоровой и неуязвимой логики,—за что ты такъ нещадно поносишь труды и личность преосвященнаго Макарія? Что въ нихъ нашель ты заслуживающимъ той уличной брани, на которую ты не поспешилъ въ своей книгѣ? Въ чемъ онъ допустилъ невѣрность, объясняя намъ съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ и достоинствомъ тотъ единственный текстъ Св. Евангелія, на который ты хочешь опереться, защищая лжеученіе римской церкви? Какое возраженіе ты можешь сдѣлать противъ этого толкованія? Чѣмъ и какъ ты можешь опровергнуть его?

А вотъ—видите—чѣмъ. Макарій, какъ человѣкъ, „не привыкшій обращаться съ отвлеченными предметами созерцанія“ и мало свѣдущій „въ онтологическихъ поиятіяхъ“, не зналъ того, что въ Божествѣ знаніе и существо тождественны и гдѣ рѣчь идетъ о знаніи Божества, тамъ несомнѣнно говорится уже и о существѣ Его. „Допуская (такъ просвѣщаетъ насъ іезуитъ на стр. 47 своей книги), что Христось говоря: „Онъ отъ Моего приметъ“, имѣлъ въ виду только знаніе ¹⁾, или

¹⁾ Замѣйте, читатель, что у Макарія нѣтъ слова *знаніе*, а *ученіе*, *дѣло Христа*, *спасеніе людей*. Мало того, Макарій даже прямо говоритъ (стр. 210): „выраженіе „отъ Моего приметъ и возыститъ самъ“—не такъ надобно понимать: „отъ Меня позаимствуетъ Духъ Святый то, чего прежде не зналъ и не имѣлъ“, ибо Духъ, какъ Богъ, отъ вѣка *все знаетъ* и *все имѣетъ*; а такъ: „Онъ

мудрость, изъ этого (т. е. изъ изложеннаго Макаріемъ) толкованія вытекаетъ заключеніе совершенно противное тому, которое греки (а вмѣстѣ съ ними и Макарій) выводятъ. Ибо, если Св. Духъ, т. е. Богъ пріемлетъ отъ Сына *знаніе* или *мудрость*, (?) слѣдов. не отъ Себя, а отъ Сына эту *мудрость*, это *знаніе* имѣеть; но въ Божествѣ *знаніе* или *мудрость*, и существо совершенно тождественны, и брать отъ Сына одно, непререкаемо значить брать тѣмъ самымъ и другое; слѣдов. Св. Духъ, пріемля отъ Сына *знаніе* или *мудрость*, тѣмъ самымъ пріемлетъ и существо, т. е. исхожденіе“. Вотъ единственный и самый главный аргументъ, который авторъ разбираемой нами книги приводитъ противъ объясненія Макарія!

Аргументъ этотъ не имѣеть за собою достоинствъ ни новизны, ни оригинальности. Авторъ разбираемой нами книги не первый изобрѣтатель его. „За неимѣніемъ ничего лучшаго“ имъ пользуются со временъ Аквината всѣ католическіе богословы ¹⁾. Макарій также имѣлъ его въ виду, но считалъ его настолько слабымъ и безосновательнымъ, что упомянулъ о немъ только въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаній ²⁾. Мысль о тождествѣ божественнаго существа и знанія или божественной мудрости католическіе богословы несомнѣнно позаимствовали изъ одностороннихъ идеалистическихъ системъ пантеистической философіи. Уже элейты стремились доказать *единство* бытія и мышленія. Декартъ *былъ близокъ* къ этому, когда, признавая за мышленіемъ ручательство нашего существованія, говорилъ: какъ-бы это могло быть, какимъ бы образомъ чрезъ мышленіе я удостовѣрялся въ собственномъ существованіи, еслибы мы-

будеть послѣ Меня продолжать *Мое* же *ученіе*, а не какое либо другое, Онъ *вспоманетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ* (Іоан. 14, 26), и восполнить, вмѣсто Меня, то, что Я имѣлъ бы еще глаголати вамъ, но чего вы не можете носить нишѣ“. Авторъ разбираемой нами книги конечно намѣренно искажаетъ православное толкованіе.

¹⁾ См. напр. у Фальковскаго *Christ. Orth. Theol. Compend.* 1802. Стр. 354. сар X—XI. Perrone, *Prael. Theolog.* vol. II стр. 431 и мн. др.

²⁾ Догмат. Богосл. ч. I. стр. 210.

шленіе не было неразрывно связано съ моимъ существованіемъ, т. е. еслибы въ мышленіи не заключалось собственное наше существо, сущность нашего бытія? Впрочемъ, у Декарта еще нѣтъ полнаго отождествленія бытія и мышленія; Декартъ призналъ мышленіе лишь необходимымъ предикатомъ *личнаго* бытія, — и съ полнымъ благоразуміемъ остановился на этомъ. Полное отождествленіе абсолютнаго бытія и абсолютнаго мышленія является всецѣло принципомъ философскихъ идеалистическихъ системъ новаго времени, какъ онъ выразился у пантеистическихъ философовъ—Фихте, Шеллинга и Гегеля. Здѣсь не мѣсто разбирать основанія этихъ системъ; мы указываемъ только на первоисточникъ философской премудрости нашего противника, хотя, быть можетъ, противникъ нашъ черпалъ свои доводы и не прямо изъ этого первоисточника, а вторилъ лишь за своими коллегами—всѣми другими католическими богословами. Къ системѣ Гегеля мы еще обратимся впоследствии; теперь же ставимъ лишь вопросъ: какую пользу изъ философіи Гегеля съ ея отождествленіемъ абсолютнаго бытія и мышленія извлекаютъ римско-католическіе богословы для истолкованія словъ Спасителя—„отъ *Моего* приметъ“ въ желательномъ для нихъ смыслѣ?

1. Допустимъ, хотя и безъ всякаго разумнаго основанія,— что признаваемое Гегелемъ тожество абсолютнаго бытія и абсолютнаго мышленія есть непререкаемая истина. Что-же изъ этого? Если-бы Макарій толковалъ, что слова Спасителя „отъ *Моего* приметъ“ относятся къ божественному мышленію, *всевѣдѣнію*, всей безотносительно премудрости Божіей, если-бы на основаніи приведенныхъ словъ Евангелія Макарій училъ, что Духъ Святый приметъ отъ Сына всѣ указанныя свойства существа Божія, а самаго существа отъ Сына не принимаетъ, тогда гегельянствующіе католическіе богословы дѣйствительно могли-бы трубить о своей побѣдѣ. Но вѣдь Макарій не утверждаетъ ничего подобнаго. Слова Спасителя—„отъ *Моего* приметъ“ онъ относитъ только и „исключительно только къ ученію, которое Сынъ, какъ приходившій на землю исполнить волю Отца для спасенія лю-

дей, принялъ отъ Отца, а Св. Духъ, какъ преемникъ Сына на землѣ въ томъ-же великомъ дѣлѣ, имѣлъ принять отъ Сына“¹⁾. Но преемство дѣла служенія спасенію людей не то же, что начальное полученіе божественнаго всевѣдѣнія или мышленія. И Гегель утверждаетъ не тожество евангельскаго ученія съ божественнымъ существомъ, а лишь тожество абсолютнаго мышленія съ абсолютнымъ бытіемъ. Поставленіе чрезъ Св. Духа пастырей Церкви, изліяніе на вѣрующихъ даровъ Св. Духа, и по Гегелю, не будутъ тожественными съ божественнымъ всевѣдѣніемъ. Все это, конечно, прекрасно зналъ и авторъ разбираемой нами книги, но онъ думалъ скрыть ложь католическаго толкованія подмѣною понятій.

2. Здравая логика требуетъ строгой послѣдовательности. Философія Гегеля, вышедшая изъ принципа тожества абсолютнаго бытія и мышленія, въ области религіозныхъ изслѣдованій, при логичности и послѣдовательности выводовъ, неминуемо ведетъ къ отрицанію всего христіанскаго вѣроученія, къ отрицанію даже бытія Божія, и приводитъ къ самому грубому атеизму. Доказательствомъ служатъ вѣрные и строго послѣдовательные ученики Гегеля: Фейербахъ, Штраусъ и др. Если авторъ разбираемой нами книги, „за неимѣніемъ лучшаго“ ухватившійся за гегельянскій принципъ тожества абсолютнаго бытія и мышленія, хочетъ остаться послѣдовательнымъ и вполнѣ вѣрнымъ самому себѣ, то и ему не остается ничего другаго, какъ только прогуляться по этой дорожкѣ.

Столько-же основательно возраженіе автора разбираемой нами книги и противъ указанія Макарія на несообразность католическаго толкованія словъ Спасителя „отъ Моего приметъ“ въ виду формы будущаго времени глагола „приметъ“. Повторяя общій отвѣтъ католическихъ богослововъ, подпольный критикъ трудовъ Макарія говоритъ (стр. 47—48) слѣдующее: „Относительно употребленія глагола въ будущемъ времени, въ словахъ: „отъ Моего приметъ“, необходимо имѣть

¹⁾ Макарія Православно-догм. Богословіе, стр. 210.

въ виду во-первыхъ, что въ Божеской вѣчности не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо временномъ отношеніи, и что относительно Бога вполне безразлично говорится: Онъ взялъ, беретъ или возьметъ; во-вторыхъ, что Христосъ, объясняя, какимъ образомъ *внѣшнее посольство* Св. Духа отъ Сына основано на *внутреннемъ Его исхожденіи* отъ Сына, *этими словами имѣлъ преимущественно въ виду это самое внѣшнее посольство*, которое тогда еще во времени не осуществилось, а потому и употребляетъ глаголъ въ будущей формѣ“. Неужели, читатель, вы думаете, что Макарій не имѣлъ въ виду этого толкованія, которое было высказано еще іезуитомъ Перроне въ 1839 году, или прошелъ его молчаніемъ, будучи не въ силахъ опровергнуть его? Нѣтъ, Макарій представилъ прекрасное опроверженіе этого толкованія, но вслѣдствіе незначительности католическаго возраженія помѣстилъ его въ числѣ подстрочныхъ примѣчаній, а авторъ разбираемой нами книги счелъ за лучшее скрыть его отъ своихъ читателей, предполагая (и можетъ быть, совершенно справедливо), что его книгою будутъ интересоваться только люди, бросающіеся на заграничныя изданія, какъ на плодъ запрещенный, и совершенно незнакомые съ учеными работами отечественныхъ богослововъ. Что-же говоритъ Макарій по поводу вышеприведеннаго возраженія или объясненія католическихъ богослововъ?—„Обыкновенно, говоритъ онъ ¹⁾, здѣсь замѣчаютъ иномыслящіе богословы, будто вѣчность въ Св. Писаніи выражается, безъ различія, временемъ—настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ (Perron. op. citat. vol. II. p. 431). Но это предположеніе давно опровергнуто однимъ изъ числа самихъ же иномыслящихъ писателей (*Lampre, Comment, in Ioan. T. III p. 321. Amstel. 1726*). Во-вторыхъ, говорятъ, Христосъ потому выразился въ будущемъ времени: *приметь*, что имѣлъ въ виду *преимущественно* (*potissimum*) внѣшнее исхожденіе Св. Духа, которое еще имѣло послѣдовать (Perrone *ibid*). Приятное сознаніе! Итакъ о внутреннемъ или вѣчномъ исхожденіи Св. Духа здѣсь говорится не прямо, а объ немъ на-

¹⁾ Православно-догм. Богосл. стр. 211—212; подстрочное примѣчаніе.

добно уже умозаключать потому только, что оно предполагается внѣшнимъ исхожденіемъ, на немъ основывающимся? Но мы видѣли уже, что внѣшнее исхожденіе или посольство въ міръ Св. Духа отъ Сына вовсе не предполагаетъ исхожденія вѣчнаго, и что между тѣмъ и другимъ исхожденіемъ существуетъ совершенное различіе. Слѣд. "...

Это краткое замѣчаніе митрополита Макарія предоставимъ самому читателю сравнить съ приведеннымъ выше сужденіемъ автора разбираемой нами книги. На чьей сторонѣ истина, — рѣшить, конечно, не трудно. Кромѣ двухъ приведенныхъ нами, какъ мы видѣли, слишкомъ поверхностныхъ и безосновательныхъ возраженій, авторъ разбираемой книги не нашелъ болѣе ничего, ни *единого слова*, которое-бы онъ могъ сказать противъ изложеннаго Макаріемъ толкованія словъ Спасителя: „отъ Моего пріиметъ“... Но я предполагаю удивленіе моихъ читателей. „Какъ?! Неужели онъ ничего не возразилъ даже и противъ ссылки Макарія на толкованіе этого текста у Аванасія Великаго, а тѣмъ болѣе — Августина, Алкуипа?“.. — „Ни *единого слова!*“ Да и какъ можно возражать противъ того, противъ чего возразить ничего нельзя!

Но еще нѣсколько словъ по поводу приведенныхъ выше бранчивыхъ отзывовъ о покойномъ святителѣ. Авторъ разбираемой нами книги, какъ мы видѣли, называетъ Макарія только „оффиціальнымъ защитникомъ греко-россійскаго толкованія“, „спорящимъ (съ католическими богословами) не подъ вліяніемъ непреодолимаго убѣжденія, а только для исполненія возложеннаго людьми или обстоятельствами урочнаго труда“, — мало того, — утверждаетъ даже, что „объ убѣжденіи (Макаріи) едва-ли можетъ быть и рѣчь“. Итакъ, вотъ до чего дошло дѣло! Тяжкій грѣхъ клевета вообще; клевета недостойна не только христіанина, но и язычника, если только онъ хочетъ остаться честнымъ человѣкомъ. Но что сказать о томъ человѣкѣ, который врывается въ тайникъ души человѣческой, кто бросаетъ грязью въ религіозныя убѣжденія человѣка, въ его вѣру въ Бога, искупленіе, пролитую кровь Христову?.. Вѣдь онъ сказалъ больше, чѣмъ *ракъ* или

уроде! А какая польза отъ этой брани? Неужели поноситель Макарія думаетъ серьезно, что одинъ только Макарій объясняетъ въ нежелательномъ для католиковъ смыслѣ текстъ Св. Евангелія? Въ такомъ случаѣ онъ глубоко ошибается. Толкованіе это принадлежитъ не Макарію; оно слишкомъ старо для него. Толкованіе это встрѣчается еще у Отцевъ Церкви и притомъ не только греческихъ, но и латинскихъ, жившихъ до появленія нынѣшняго католическаго лжедогмата. Для подтвержденія своихъ словъ приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ бесѣдѣ Златоуста (78) на Евангеліе отъ Іоанна мы читаемъ: „Говоритъ (Христосъ): *отъ Моего приметъ*, т. е., что говорилъ Я, тоже будетъ говорить и Онъ... Выраженіе *отъ Моего*, т. е. отъ благодати-ли, исходящей на мою плоть, или отъ того знанія, которое и Я имѣю,—приметъ не какъ нуждающійся или отъ другаго научаемый, а потому, что у насъ одно и тоже знаніе... Едино Мое и Его ученіе и о чемъ-бы Я имѣлъ еще глаголати вамъ, отъ того-же и Онъ будетъ говорить... И еще смотри на точность: не сказалъ *отъ Меня*, но *отъ Моего*, изъ того, что передалъ Мнѣ, приметъ низшедшій и пребывшій на Мнѣ“. Что-же и Златоустъ—только официальный защитникъ? и о его убѣжденіяхъ не можетъ быть рѣчи? Но въ духѣ Златоуста истолковываетъ тотъ же евангельскій текстъ Св. Иларій, отецъ западной Церкви, когда, противопоставляя исхожденію посольство, въ виду именно этого евангельскаго текста, говоритъ, что „Духъ истины отъ Отца исходитъ, отъ Сына посылается и отъ Сына принимаетъ“¹⁾ (т. е. есть преемникъ Сына въ совершеніи на землѣ дѣла спасенія людей);—ту-же самую мысль выражаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ²⁾: „отъ Отца исходитъ Духъ истины, но Сыномъ Онъ посылается отъ Отца“. Далѣе,—въ томъ-же самомъ духѣ, какъ и Златоустъ, изъясняютъ вышеприведенный евангельскій текстъ и другіе отцы, какъ, напри-

¹⁾ De trinit. lib. VIII, 26: „a Patre procedit Spiritus veritatis, a Filio mittitur et a Filio accipit“.

²⁾ ibid. n. 20.

мѣръ, Кирилль ¹⁾ и Дидимъ ²⁾ Александрійскіе, Амвросій Медиоланскій ³⁾, Евсевій кесарійскій ⁴⁾. Неужели и всѣ эти отцы были только „оффиціальными защитниками“ безъ соотвѣтствующаго убѣжденія?..

Мало того,—къ православному толкованію словъ Спасителя о Св. Духѣ „отъ Моего пріиметъ“, какъ свидѣтельствуетъ Макарій ⁵⁾, примыкаютъ и нѣкоторые изъ новѣйшихъ толкователей Св. Писанія, принадлежащихъ къ церквамъ римской и протестантской, которые, слѣдовательно, не имѣли побужденія объяснять спорное мѣсто въ нашу пользу, какъ-вы: Мальдонатъ, Лампе ⁶⁾ Нессельтъ ⁷⁾ Розенмиллеръ ⁸⁾ Люкке ⁹⁾ Кюнелъ ¹⁰⁾ и др. Неужели всѣ эти ученые западные комментаторы не имѣли никакихъ убѣжденій и были только оффиціальными защитниками греко-россійскаго толкованія?.. Впрочемъ, относительно толкованія Мальдоната авторъ разбираемой нами книги что-то какъ будто-бы хотѣлъ сказать, выполняя, очевидно, осуждаемое имъ въ другихъ правило: „отвѣчать хотя кое-что, хотя кое-какъ, но только отвѣчать“. Какъ извѣстно, Мальдонатъ, признавая, что въ словахъ Христа „отъ Моего пріиметъ“ рѣчь идетъ не о пріемствѣ существа, а лишь о преемствѣ и продолженіи дѣла Христова на землѣ, возставалъ противъ тѣхъ римскихъ толкователей, которые вмѣсто словъ Христа „отъ Моего пріиметъ“ хотѣли подставить будто-бы совершенно тождественное выраженіе: „отъ Меня пріиметъ“. И вотъ авторъ разбираемой нами книги думаетъ опровергнуть основательное разсужденіе Мальдоната такими доводами: „Что касается собственно до Мальдоната, говоритъ онъ (стр. 47), знаменитый Петавій неопровержимо

¹⁾ Твор. т. V, ч. I.

²⁾ lib. II de Spir. Sanct. in Opp. Hieronymi tom. VI. У Макарія, стр. 210.

³⁾ De Spir. Sanct. lib. II. cap. 12. У Макарія стр. 210.

⁴⁾ De eccles. Theolog. lib. III cap. 5. У Макарія стр. 210.

⁵⁾ Стр. 210. Подстрочное примѣчаніе.

⁶⁾ Comment. Evang. Ioann. T. III. Amstel. 1726.

⁷⁾ Opusc. fasc. II. p. 53, Hall. 1787.

⁸⁾ Schol. in Evang. Iohan. ad cap. XVI, vers. 13—15.

⁹⁾ Lukke, Commentar, über die Schrift. Iohan., Bonn 1820.

¹⁰⁾ Kuind', Comment. in Iohan. Lips. 1825.

доказалъ изъ ученія древнѣйшихъ толкователей (должно быть, изъ приведеннаго нами объясненія Златоуста?), что тождественное значеніе выраженій: „отъ Моего приметъ“ и „отъ Меня исходитъ“ не только правдоподобно, но вполнѣ неотрицаемо изъ всего содержанія Христовой рѣчи. Дѣйстви-тельно, если съ самимъ Мальдонатомъ необходимо признать, что слова: „вся, елика Моя суть“ означаютъ существо (замѣтьте, читатель,—существо, а не личныя свойства Божества!), не менѣе необходимо должно также признать, что когда Христосъ говоритъ: потому Духъ Св. „отъ Моего приметъ“, что „вся, елика имать Отець, Моя суть“, слова—„отъ Моего приметъ“ точно также должны относиться къ существу. Но брать отъ существа именно и значить *исходитъ*“. А разсуждать послѣдовательно въ этомъ-же направленіи далѣе,—прибавимъ мы отъ себя,—значить смѣшать личныя свойства Пресв. Троицы и впасть въ *савеліанизмъ*, какъ прекрасно показалъ это въ своемъ объясненіи и митрополитъ Макарій Съ другой стороны, вникнемъ поближе въ рѣчь нашего противника: все, что имѣетъ Отець, имѣетъ и Сынъ, потому что Сынъ съ Отцемъ одного существа; а Св. Духъ развѣ не одного существа съ Отцемъ и Сыномъ? Развѣ Духъ Святой не имѣетъ того, что принадлежитъ Отцу и Сыну? Въ разсужденіи нашего противника, очевидно, возникаетъ между Лицами Св. Троицы какое-то дѣленіе, отлучающее Св. Духа отъ равностепенныхъ соотношеній съ другими равночестными Ему Божественными Лицами и приписывается Отцу и Сыну какое-то болѣе близкое соотношеніе между собою для произведенія Св. Духа. Мальдонатъ, очевидно, ясно понялъ всѣ несообразности римско-католическаго толкованія; если изъ-за нихъ онъ рѣшился разойтись даже съ своею церковію въ объясненіи словъ Спасителя о Св. Духѣ; а на такой подвигъ рѣшаются не сразу!

Такъ какъ ссылкою на текстъ изъ Евангелія отъ Іоанна XVI, 12—15, который мы привели выше, авторъ разбираемой нами книги ограничиваетъ всю свою защиту католическаго лжеученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына со стороны указаній Св. Писанія, то и мы считали-бы до-

статочнымъ ограничиться сказаннымъ, потому что, какъ мы видѣли, нѣтъ рѣшительно никакого основанія приведенный текстъ понимать въ духѣ католическаго толкованія, которое— позволимъ себѣ выразиться языкомъ нашего противника— „ведетъ къ прямой и явной нелѣпости“ и находится „въ осязательномъ противорѣчїи съ первыми основаніями разума“. Другихъ-же мѣстъ Св. Писанія, которыя-бы хотя съ натяжками и какъ-нибудь можно было истолковать въ пользу католическаго лжеученія, нашъ противникъ указать не дерзнулъ. Но дѣло въ томъ, что цѣль книги, обратившей нынѣ на себя наше вниманіе, состоитъ не въ защитѣ только католическаго лжеученія, а и въ нападеніи—и это главное— на вѣроученіе Православной Церкви. Вотъ почему мы должны коснуться еще и этой стороны.

Какое-же основаніе имѣетъ Православная Восточная Церковь для того, чтобы вѣровать въ Духа Святаго Господа животворящаго, *уже отъ Отца исходящаго*?... То-же, какое имѣли отцы второго вселенскаго собора, а въ числѣ ихъ папскіе легаты и другіе западные епископы, присутствовавшіе на этомъ соборѣ и единогласно утвердившіе это вѣроопредѣленіе. Въ прощальной бесѣдѣ съ учениками Спаситель сказалъ: *егда прїидетъ Утѣшитель, его-же Азъ пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, уже отъ Отца исходитъ*—τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας, ὃ παρὰ τοῦ πατρὸς ἐκπορεύεται—*той свидѣтельствуетъ о Мнѣ* (Іоан. XV, 26). Вотъ прямое и въ высшей степени ясное свидѣтельство Св. Писанія о томъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца! Вотъ самое твердое основаніе для вѣроученія Православной Церкви съ первыхъ временъ ея существованія до нынѣ и для обнаруженія лжеученія церкви римско-католической. Не такъ, впрочемъ, разсуждаютъ объ этомъ католики. „Если-бы вселенская (читай: римско-католическая) церковь исповѣдывала, что Св. Духъ отъ Отца не исходитъ, говоритъ авторъ разбираемой нами книги (стр. 46), приведенный евангельскій текстъ, конечно, совершенно сокрушалъ-бы ее ¹⁾ ученіе. Напротивъ, такъ какъ изъ доказан-

¹⁾ Оставляемъ орфографію автора. Кстати замѣтить, что авторъ обнаруживаетъ вообще самую незначительную степень знакомства съ нашими орфогра-

наго (будто-бы, авторомъ) выше (впослѣдствіи мы увидимъ, что это за доказательства) неопровержимо (?) слѣдуетъ, что исхожденіе Св. Духа отъ Отца не можетъ безъ нелѣпости (какое отборное словцо!) не включатьъ въ себѣ и исхожденіе Его отъ Сына, слова Христа Спасителя *не отрицаютъ, а подтверждаютъ ея ученіе*“. Замѣчаете-ли, читатель, какой діалектической изворотъ дѣлаетъ нашъ противникъ? Вотъ его умозаключеніе: „Христосъ говоритъ о томъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца, а о томъ, исходитъ-ли Онъ въ тоже время и отъ Сына, какъ учитъ римская церковь, Христосъ никогда ничего не говорилъ; слѣдовательно, Онъ не только не отрицаетъ, а еще подтверждаетъ ученіе римской церкви“. Хороша логика? А что логика нашего противника дѣйствительно такова, это очевидно для каждаго. Да и самъ противникъ нашъ не скрываетъ этого. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 21), думая подорвать значеніе ссылки Макарія на то, что въ Св. Писаніи нѣтъ ни одного свидѣтельства о томъ, что Духъ Св. *исходитъ* отъ Сына, авторъ разбираемой нами книги ставитъ вопросъ въ свою очередь: „Есть-ли въ Св. Писаніи ясное и прямое свидѣтельство, что Духъ Св. *не исходитъ* отъ Сына?“ И торжественно отвѣчаетъ: „Нѣтъ ни одного!“ Логика также; поэтому нашъ противникъ совершенно напрасно самообольщается, думая, что такою постановкою вопроса, такимъ софистическимъ оборотомъ, онъ побѣдилъ Макарія. Дѣло въ томъ, что у Макарія рѣчь идетъ о *положительныхъ* признакахъ предмета („*исходитъ*“); положительные-же признаки могутъ быть исчисляемы и опредѣляемы уже потому, что они признаки *положительные*; поэтому митрополитъ Макарій и могъ ставить вопросъ о существованіи таковыхъ признаковъ: „Есть-ли въ Св. Писаніи прямое и ясное доказательство, что Духъ Св. *исходитъ* отъ Сына?“ Противникъ-же его ведетъ рѣчь объ *отрицательныхъ* признакахъ предмета („Есть-ли въ Св. Писаніи ясное и прямое свидѣ-

фическими правилами, а разстановка словъ у него настолько тяжела и не свойственна русскому языку, что невольно является предположеніе—не была-ли первоначально книга его написана на нѣмецкомъ или польскомъ языкѣ и уже потомъ для печати переведена на русскій языкъ?..

тельство, что Духъ Св. *не исходитъ* отъ Сына?“) о признакахъ, которые уже потому, что они *отрицательные*, что они должны заключать въ себѣ то, что *не* принадлежитъ предмету и что *не* имѣетъ къ нему никакого отношенія, совершенно неисчислимы; вотъ почему и возраженіе новаго защитника католическаго лжеученія совершенно неосновательно. Онъ хочетъ, чтобы Христосъ каждый разъ, говоря о Св. Духѣ, указывалъ не только то, что относится къ Его существу или Лицу, но и все то, что Ему не принадлежитъ и что не имѣетъ никакого отношенія къ Нему. Что исчислять можно только положительные признаки предмета, а не отрицательные,—это азбука человѣческой логики и съ нея-то намъ приходится знакомить „дерзкаго“ критика вѣроученія Православной Церкви. И такъ, ложь вышеприведеннаго умозаключенія, за которое ухватился нашъ противникъ „за неимѣніемъ ничего лучшаго“ заключается въ томъ, что въ *положеніи* (словахъ Христа) онъ усматриваетъ то, что въ немъ не содержится, и на основаніи отсутствія перечисленія всѣхъ отрицательныхъ признаковъ заключаетъ къ *положительнымъ*, которыхъ не содержитъ въ себѣ самое *положеніе*. Пояснимъ это нагляднымъ примѣромъ. Въ Св. Писаніи нигдѣ не сказано, что Духъ Святой исходитъ отъ архангела Гавріила; католическая логика однако-же не запрещаетъ утверждать, что Духъ Св. *исходитъ* отъ архангела Гавріила, такъ какъ въ св. Писаніи нигдѣ не сказано и того, что Духъ Св. *не исходитъ* отъ архангела Гавріила. Мы взяли этотъ примѣръ лишь для нагляднаго уясненія всей неосновательности католической логики.—„Но это—богохульство! могутъ сказать намъ защитники католическаго лжеученія. Здѣсь противорѣчіе здравому смыслу. Творецъ не можетъ исходить изъ творенія!“—Да,—все это совершенно справедливо: здѣсь богохульство; здѣсь противорѣчіе здравому разуму; но логика-то, милостивые государи,—ваша! По вашей логикѣ и вашею дорогою шли македоніапе, призвавшіе Св. Духа твореніемъ, по вашей логикѣ разсуждали разные Шлейермахеры, Штраусы, Бауры, признававшіе Св. Духа не личнымъ Существомъ, не Третьимъ Лицемъ Пресв. Троицы, а

только принципомъ христіанской жизни. Кто знаетъ?—Могутъ явиться лжеучители, которые, слѣдуя вашей логикѣ, будутъ разсуждать такъ: „Архангелъ Гавріиль, благовѣствуя Пресв. Дѣвѣ о рожденіи Спасителя, сказалъ: „Духъ Св. найдетъ на Тя“, но откуда найдетъ, не сказалъ. Между тѣмъ въ Св. Писаніи нигдѣ не сказано, что Духъ Св. не исходитъ отъ архангела Гавріила. Слѣдовательно и т. д. Слова же Христа: „Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ“ не отрицаютъ, а подтверждаютъ наше ученіе“... Католическая логика и есть именно та широкая дверь, чрезъ которую вторглись въ Церковь Христову всѣ ереси и всѣ лжеученія. Еретики въ своихъ ересяхъ также вѣдь думаютъ искать основанія въ Св. Писаніи, но бѣда въ томъ, что они усматриваютъ въ немъ болѣе, чѣмъ въ немъ содержится, или то, чего въ немъ совсѣмъ нѣтъ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что авторъ разбираемой нами книги въ данномъ случаѣ не представляетъ собою какого либо исключенія; не онъ первый прибѣгаетъ къ помощи вышеуказаннаго діалектическаго приема. Приемъ этотъ встрѣчается у всѣхъ католическихъ богослововъ, жившихъ ранѣе нашего противника, какъ, напримѣръ, у Беллярмина, Перроне и др. Мало того, еще на Флорентійскомъ соборѣ латиняне обращались къ помощи этого именно діалектическаго приема. Понятно, что и Макарій не могъ не обратить на него своего вниманія и не могъ не подвергнуть его критическому разбору. Въ виду нападокъ на этотъ разборъ со стороны автора разсматриваемаго нами подпольнаго изданія приводимъ его здѣсь полностію: „Говорятъ, что самыя слова: *иже отъ Отца исходитъ*,—такъ начинается Макарій ¹⁾ свой разборъ,—отнюдь не исключаютъ исхожденія Св. Духа и отъ Сына, напротивъ, даже заключаютъ въ себѣ эту мысль: потому что Отецъ и Сынъ едино по существу, и все, чтѣ имѣетъ Отецъ, имѣетъ и Сынъ. Можно-ли принять такое умствованіе? Рѣшительно нельзя: а) Отецъ и Сынъ, равно и Духъ Святой, точно, суть едино по существу; но

¹⁾ Православно-догм. Богосл. ч. I: стр. 205.

они отличаются между собою, какъ Лица, и все, что имѣетъ Отецъ, имѣетъ и Сынъ, имѣетъ и Духъ Святой; по за исключеніемъ личныхъ свойствъ, которыя несообщимы; иначе мы впадемъ въ савеліанизмъ, сольемъ Божескія Упостаси. А когда говорится, что Отецъ раждаетъ Сына и изводитъ Св. Духа: Отецъ разумѣется именно, какъ Лице съ своимъ личнымъ свойствомъ отличное и отъ Сына, и отъ Св. Духа. Слѣдовательно и когда говорится, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца: въ имени Отца никакъ нельзя подразумѣвать и Сына, который едино со Отцемъ по существу, но не по личности. Если—б) допустимъ, что словами *отъ Отца исходитъ* не исключается, напротивъ, предполагается исхожденіе Св. Духа и отъ Сына потому, что Сынъ едино со Отцемъ по существу, то должны будемъ допустить, что и словами: *отъ Отца рождается*—не исключается, напротивъ, предполагается рожденіе Сына отъ Св. Духа: ибо и Духъ едино со Отцемъ по существу. Мало того, должны будемъ допустить, что Сынъ, раждаясь отъ Отца, рождается и отъ Самого Себя, и Духъ Святой, исходя отъ Отца исходитъ и отъ Самого Себя: потому что Они едино со Отцемъ по существу, и притомъ всѣ совѣчны. Наконецъ—в) если всмотримся въ самый составъ рѣчи, въ которой находятся слова: *уже отъ Отца исходитъ*, то еще болѣе убѣдимся въ неосновательности разсматриваемаго умствования. Утѣшая учениковъ Своихъ предъ Своимъ вознесеніемъ на небеса, Спаситель даетъ имъ обѣтованіе ниспослать имъ, вмѣсто Себя Св. Духа, и это ниспосланіе приписываетъ какъ Отцу, такъ и Себѣ: *его же Азъ пошлю* (—15, 26; снес. 14, 26); но лишь только непосредственно затѣмъ начинаетъ говорить объ исхожденіи Св. Духа, уже указываетъ на одного Отца, а о Себѣ ни намека. Почему-же, спросимъ съ Маркомъ ефесскимъ, упомянувши такъ близко о Самомъ Себѣ, и приписавъ Себѣ и Отцу ниспосланіе Духа Святаго, Господь не сказалъ и объ исхожденіи: *уже отъ Насъ исходитъ?* Не ясно-ли, такимъ образомъ, Онъ полагаетъ различіе между тѣмъ, что принадлежитъ Имъ Обоимъ въ отношеніи къ Духу Святому, и тѣмъ, что принадлежитъ одному Отцу? Утверждать,

какъ и утверждаютъ, будто говоря: *иже отъ Отца исходитъ*, Христосъ разумѣлъ въ имени Отца и Себя, какъ Сына, совершенно произвольно: ибо почему-же въ той-же самой бесѣдѣ, говоря о ниспосланіи Св. Духа, Христосъ не ограничился подобнымъ оборотомъ рѣчи: напротивъ, раздѣльно сказалъ и объ Отцѣ: *его-же Отець пошетъ*, и о Себѣ: *его же Азъ послю?*“

Трудно, конечно, — противъ этихъ доводовъ представить какое-либо серьезное возраженіе. Истину опровергнуть невозможно. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, когда свои нападки на разсужденіе Макарія авторъ разбираемой нами книги ограничиваетъ пустою игрою діалектическихъ понятій и уличною бранью, къ которой, какъ извѣстно, только и можетъ обращаться безсильная злоба. Чтобы читатели наши видѣли, въ чемъ состоятъ эти нападки, мы предоставляемъ противнику Макарія говорить самому за себя, мы же будемъ дѣлать подѣ строкой лишь нѣкоторыя, но для пониманія и оцѣнки его сужденій совершенно необходимыя поясненія. Итакъ, приступаемъ къ дѣлу. „Митрополитъ Макарій,—говоритъ авторъ разбираемой нами книги (стр. 22),—возражая на доказательство исхожденія Св. Духа и отъ Сына, почерпнутое изъ единства существа Отца и Сына, соглашается ¹⁾ съ тѣмъ, что это единство дѣйствительно существуетъ, но, говоритъ онъ, за *исключеніемъ личныхъ свойствъ, которыя несообщимы: иначе мы впадемъ въ савеліанизмъ, сольемъ Божескія Упостаси*. На это позволю себѣ предварительно замѣтить, что выраженіе *личныя свойства* хотя и употребительно ²⁾, но *здѣсь* (въ рѣшеніи вопроса объ исхожденіи Св. Духа) *неумѣстно* ³⁾ Въ *діалектическомъ* препіи ⁴⁾ оно неточно и сбивчиво“ ⁵⁾. И такъ, читатель, предѣ

¹⁾ Не соглашается, а *положительно утверждаетъ*.

²⁾ Да, оно употребляется во *всѣхъ*, безъ исключенія, православныхъ, католическихъ и протестантскихъ догматикахъ и катехизисахъ.

³⁾ Отчего-же оно признается католическими богословами *умѣстнымъ* въ другихъ случаяхъ?

⁴⁾ Это такъ; похвальное самосознаніе!

⁵⁾ Т. е. сказать правду,—его трудно влести въ софистическій выводъ; что-же? можно найти что-либо болѣе подходящее.

вами начинается рядъ новыхъ открытій. Оказывается, что почти два тысячелѣтія христіанское ученіе о Богѣ сообщалось въ выраженіяхъ хотя и „употребительныхъ“, но тѣмъ не менѣе „неумѣстныхъ“, „неточныхъ“ и „сбивчивыхъ“. Мало того,—этого сбивчивостью выраженій было произведено даже и раздѣленіе церквей. Но пойдемъ далѣе. „Митрополитъ Макарій,—продолжаетъ нашъ противникъ—говоритъ здѣсь о свойствахъ только несообщимыхъ ¹⁾, и мы съ нимъ согласны ²⁾. Но въ такомъ случаѣ употребимъ выраженіе, строже опредѣляющее ³⁾ эту несообщимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея логическую (?) причину ⁴⁾ и восстановимъ предложеніе митрополита Макарія въ формѣ болѣе приличной научной точности ⁵⁾. И такъ, Отецъ и Сынъ *едино по существу*, но, дѣйствительно, за исключеніемъ свойствъ, включающихъ въ себѣ *взаимную несовмѣстность* ⁶⁾. Иными словами ⁷⁾, Сынъ имѣетъ *все*, что имѣетъ Отецъ, за исключеніемъ *только* взаимной несовмѣстности ⁸⁾ т. е. возможности быть вмѣстѣ и Отцемъ и Сыномъ, что была-бы

¹⁾ Да, именно о свойствахъ *только несообщимыхъ!*

²⁾ Еще-бы! Не согласиться съ этимъ—значитъ окончательно уже перестать быть христіаниномъ!

³⁾ Нѣтъ, достопочтеннѣйшій защитникъ латинскаго суемудрія, вы положительно не искренни; въ противномъ случаѣ вмѣсто выраженія: „строже опредѣляющее“ вы бы сказали прямо: „удобіе запутывающее“ или „болѣе подходящее къ софистическому выводу!“

⁴⁾ Т. е. причину несообщимости Лицъ Пресв. Троицы, причину личныхъ свойствъ Божіихъ. Вотъ, читатель, какую глубину непостижимой тайны обѣщаютъ раскрыть предъ нами!

⁵⁾ А на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ ниже,—лишь въ формѣ діалектической путаницы подставныхъ понятій.

⁶⁾ Обратите вниманіе, читатель, какъ хитро прокладывается путь къ софистической лазейкѣ: въ среднюю посылку вводится уже *общее* понятіе *несовмѣстности* при *единствѣ*, т. е. полной совмѣстности существа. Такимъ путемъ іезуитъ хочетъ навязать Макарію „нелѣпное представленіе *полной несовмѣстности* Божескихъ Лицъ при Ихъ *полной совмѣстности*“.

⁷⁾ Словами, дѣйствительно, иными, но за то и совершенно извращающими смыслъ словъ Макарія.

⁸⁾ Видите, читатель, рѣчь уже идетъ о взаимной несовмѣстности *безотносительной*, хотя у Макарія, да выше и у противника его несовмѣстность эта ограничивалась лишь однимъ *личными* свойствами Божества!

чистая *нелѣпность*“. Совершенно справедливо, что подобное заключеніе слѣдовало-бы назвать „нелѣпостью“. Но вопросъ въ томъ, къ кому нужно отнести эту нелѣпость—къ Макарію-ли или-же къ его критику. Макарій высказалъ положеніе, отъ котораго не откажется ни православная Церковь, ни католическая, именно, что Богъ единъ по существу, но троиченъ (не единъ) въ Лицахъ. Его противникъ замѣнилъ сначала выраженіе „личное свойство“ не вполне однозначущимъ словомъ—„несообщимость“, потомъ переименовалъ и это слово—„несообщимость“ въ слово „несовмѣстимость“, хотя все-таки имѣлъ еще въ виду *только* личныя свойства Отца и Сына, а въ концѣ концовъ сдѣлалъ уже выводъ о безотносительной вообще *несовмѣстности* (опять новое слово!) Отца и Сына и этотъ выводъ, который есть дѣйствительно *нелѣпность*, онъ приписалъ Макарію ¹⁾. Т. е. онъ хочетъ насъ увѣрить, будто-бы въ выписанномъ нами выше разсужденіи Макарій учитъ, что Богъ Отецъ и Богъ Сынъ едины по существу, но имѣютъ такія свойства, которыя разрушаютъ это единство во всѣхъ отношеніяхъ, *заклучаютъ въ себя взаимную несовмѣстность*, понятіе близкое къ полному отрицанію. И послѣ этого авторъ разбираемой нами книги еще ставитъ вопросы о достоинствѣ логики Макарія, его прозорливости, убѣжденіяхъ, а себя проситъ „не обвинять въ софистической попыткѣ“ за то, что онъ дѣйствовалъ противъ законовъ логики и „замѣнилъ слова: *личныя свойства* словами: *взаимная несовмѣстность*“ (стр. 23)... Совершенно непонимаемъ, къ чему эти вопросы, къ чему тутъ имя Макарія. Вѣдь Макарій ничего подобнаго и не думалъ говорить; его противникъ сражается только съ призраками своего собственнаго разстроеннаго воображенія... Предоставляемъ теперь самому читателю рѣшить вопросъ, основательно-ли опровергъ новый защитникъ католичества то положеніе Макарія, что слова Христа „*вся елика иматъ Отецъ Мой суть*“ нельзя понимать въ духѣ римскаго толкованія: Отецъ имѣетъ

¹⁾ На базарномъ жаргонѣ это называется „своровать на глазахъ на глазахъ и сбыть“.

свойство изводить Св. Духа, слѣдовательно, это свойство имѣеть и Сынъ?—Мы-же еще разъ напомнимъ только, что отождествленіе *личныхъ свойствъ* съ понятіемъ *несовмѣстности* есть непростительный грѣхъ противъ законовъ логики (стр. 23).

Противъ возраженія Макарія, что, по католической логикѣ, если выводить исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына на основаніи единства существа, то на томъ-же самомъ основаніи нужно думать, что и Богъ Сынъ раждается отъ Св. Духа,—авторъ разбираемой нами книги дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Еслибъ при созерцаніи Трисвятаго Таинства допускаема была улыбка, она неволью прокралась-бы на уста при прочтеніи подобнаго возраженія. Дѣйствительно отвѣтъ уже слишкомъ простъ. Неужели стоитъ объяснять *бллоклобучному* богослову, что возраженіе имѣло-бы какой нибудь смыслъ тогда,—но тогда только,—когда-бы Св. Духъ въ порядкѣ исхожденія былъ не вторымъ, а первымъ, а Сынъ не первымъ, а вторымъ. Какой-же чудовищный разсудокъ способенъ вмѣстить въ себѣ понятіе: что *первый* можетъ исходить отъ *второго!*“ Опять діалектическая игра одними словами. Въ одномъ мѣстѣ авторъ разбираемой нами книги хочетъ сдѣлать Макарію совершенно незаслуженный упрекъ за то, будто-бы онъ „измѣряетъ единство по существу Божескихъ Лицъ аршинами, что-ли, или пудами“ (стр. 37); а теперь самъ обращается за помощію,—если позволено будетъ такъ выразиться,—чуть-ли не къ метрическимъ записямъ,—строитъ свои выводы только на несовершенствѣ языка человѣческаго, который въ *отчужденности* вынужденъ вносить свою *временную* ограниченность. Хотѣлось-бы спросить нашего противника: откуда онъ получилъ такія точныя свѣдѣнія, что Сынъ есть *первый* въ порядкѣ *исхожденія* (у нашего противника Сынъ уже *исходитъ* отъ Отца), а Духъ Святой—*второй*. Въ Божественномъ Откровеніи объ этомъ вѣдь ничего не сказано; мало того, такъ какъ въ дѣйствіяхъ Божіихъ нѣтъ ничего случайнаго, то не потому-ли и въ словѣ Божіемъ личныя свойства обозначены различными именами (Сынъ *раждается*, Духъ *исходитъ*), что-бы мы не имѣли никакого основанія примѣнять человѣческаго сравненія къ Лицамъ Пресв.

Троицы ни въ формѣ порядка, ни въ формѣ пространства и времени?.. Впрочемъ, мы совершенно напрасно направляемъ эти замѣчанія по адресу автора разбираемой нами книги. Какъ выше, такъ и здѣсь, равно какъ и во всей своей книгѣ онъ является самымъ „неповиннымъ защитникомъ“ католическаго лжеученія; онъ повторяетъ всегда только чужое, давнымъ давно уже сказанное. Приведенное возраженіе находится и у Беллармина, и у Перроне; а еще раньше оно было высказано Томою Аквинатомъ и латинскими богословами, присутствовавшими на Флорентійскомъ соборѣ. Его имѣлъ въ виду и Макарій, но считалъ его настолько пустымъ и незначительнымъ, что даже не внесъ въ текстъ своей книги, а помѣстилъ въ числѣ подстрочныхъ примѣчаній. Не имѣя ничего возразить (и дѣйствительно, не возражая болѣе ни слова) противъ приведеннаго нами разсужденія Макарія, авторъ разбираемой нами книги все свое вниманіе обращаетъ теперь на это подстрочное примѣчаніе, выписывая его полностью. По необходимости слѣдуемъ за нимъ. На стр. 206 своего „Православно-догматическаго Богословія“ Макарій пишетъ слѣдующее: „Но Духъ Святой, говорятъ, въ порядкѣ Лицъ Божескихъ есть третій, и слѣд., въ порядкѣ исхожденія второй; а потому быть не можетъ, что-бы Духъ Святой раждалъ Сына, который по порядку и исхожденію *prejude Ipso* (qui ordine ac processione *anterior* est ipso) (Perrone, Prael. Theol. vol. II, p. 432). Жалкое защищеніе! Защитникъ—а., уклоняется отъ возраженія: рѣчь о томъ, что если Сынъ, какъ единый со Отцемъ по существу, изводитъ вмѣстѣ съ Нимъ Св. Духа, то и Духъ, также единый со Отцемъ по существу, раждаетъ вмѣстѣ съ Нимъ Сына: а защитникъ, оставляя единство существа Божескихъ Лицъ, обращается прямо къ тому, что Они различны, какъ Лица..; но—б) и здѣсь допускаетъ ложную мысль: развѣ изъ того, что Сынъ въ порядкѣ Лицъ Пресв. Троицы считается вторымъ, а Св. Духъ—третьимъ, слѣдуетъ, будто Сынъ и Духъ несовѣчны, будто Сынъ раждается отъ Отца прежде, а Духъ исходитъ послѣ, и будто потому-то Духъ и не можетъ участвовать вмѣстѣ съ Отцемъ въ рожденіи Сына? Нѣтъ, Сынъ и Духъ, какъ и

Отецъ совѣчны; Сынъ раждается отъ Отца и Духъ исходитъ отъ Отца равно отъ вѣка, и притомъ совмѣстно, а не такъ, чтобы одинъ прежде, а другой послѣ; и слѣд., если Сынъ можетъ участвовать, вмѣстѣ съ Отцемъ, въ исхожденіи Св. Духа,—то точно также и Св. Духъ можетъ участвовать въ рожденіи Сына“.—Вотъ разсужденіе Макарія. Что-же возражаетъ противъ него авторъ разбираемой книги?—Ничего. Всѣ свои возраженія онъ ограничиваетъ площадными ругательствами, клеветою и пустою болтовнею. Скучно повторять его словоизверженіе. Но насъ принуждаетъ къ этому желаніе избѣжать упрека въ пристрастіи или сокрытіи аргументовъ нашего противника.

„Приступая къ разбору этой, по-истинѣ *образцовой* *наколки*, говоритъ авторъ разбираемой нами книги (стр. 24), я вынужденъ предпослать необходимое заявленіе. Митрополитъ Макарій довольно щедро расточаетъ противникамъ, за недостаткомъ болѣе цѣлесообразныхъ доводовъ, эпитеты и названія сомнительнаго вкуса (нашъ противникъ клевететъ на Макарія!) Я не желаю слѣдовать его примѣру (а жаль; въ этомъ отношеніи Макарій заслуживаетъ полного подражанія, относясь къ своимъ противникамъ съ уваженіемъ)... Скажу напрямикъ, что въ этой *отборной галиматъ* красуются сокровища всякаго рода: *и богословское невѣжество*, *и поразительная грубость въ онтологическихъ понятіяхъ*, *и полное отрицаніе простѣйшихъ законовъ логики* и наконецъ даже *формальное лжесвидѣтельство*“. Читатель видѣлъ, что у Макарія нѣтъ ничего подобнаго. Онъ стоялъ выше такого словоизверженія. Мы понимаемъ, впрочемъ, раздраженіе нашего противника. Ему „не по вкусу“ доводы Макарія; опровергнуть ихъ онъ не въ силахъ. Что-же ему дѣлать?—А когда выругаешься,—говорятъ,—легче станетъ! Ну, вотъ онъ и выругался! Однако онъ предлагаетъ намъ выслушать „подробное доказательство этихъ обвиненій“. Что дѣлать?—нужно слушать.

„Полюбujemy сперва, говоритъ онъ (стр. 25), на превосходную онтологию автора (т. е. Макарія), *добродушно воображающаго, что необходимо оставить единство существа*, чтобы поразиться громадною *нелѣпостію* предложенія: что второе

лицо можетъ быть рождено *третьимъ*, и тѣмъ не менѣе однако продолжать *признаваться вторымъ*. Неужели авторъ находитъ, что стоило-бы только не терять изъ виду единство существа, чтобъ помириться съ такимъ бессмысліемъ: что третье лицо можетъ быть *въ дѣйствительности вторымъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ *признаваться третьимъ?!..* Если такъ, то конечно оставалось-бы только сердечно поздравить автора, и смиренно сознаться, что невозможно и возражать даже противъ такой своеобразной логики, очевидно, касающейся уже болѣе до патологіи, чѣмъ до богословія! "... Удивительно, какъ у людей противорѣчивы могутъ быть воззрѣнія! Авторъ разбираемой нами книги хочетъ поставить слово „патологія“ въ связь съ именемъ Макарія, а намъ кажется, что онъ самъ страдаетъ неизлѣчимымъ недугомъ, только не въ фізіологическомъ, а въ психическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ онъ хлопочетъ? Противъ кого онъ раздражается своею филиппикою? Макарій проводитъ мысль, что понятіе вѣчности исключаетъ всѣ предикаты времени: „прежде“, „послѣ“, „предшествующій“, „послѣдующій“, „первый“, „второй“, и нападаетъ на іезуита Перроне, что *онъ оставляетъ единство существа* Божескихъ Лицъ, чтобы приложить къ исхожденію Св. Духа предикатъ времени „*послѣ*“. Противникъ Макарія искажаетъ эту мысль, увѣряя насъ, будто-бы Макарій воображаетъ, что для доказательства его (Макарія) доводовъ, *необходимо оставить единство существа*, т. е. прямо клевететъ на Макарія. Если читатель нашъ внимательно прочтетъ приведенное нами разсужденіе Макарія, то онъ увидитъ, что клевета эта очевидна. Но какъ назвать того чловѣка, который, рисуя себѣ разныя чудовища и страшилища, съ запальчивостію и раздраженіемъ начинаетъ нападать на эти призраки собственнаго воображенія? Каково его патологическое состояніе? Какова его онтологія? Любоваться-ли ею, или-же пожалѣть о ней?

Отъ нападокъ на Макарія авторъ разбираемой нами книги переходитъ къ защитѣ своего „знаменитаго“ руководителя, іезуита Перроне, изъ словъ котораго будто-бы „буквально явствуется противоположное тому, что говоритъ митропо-

литъ Макарій. „Во-первыхъ, говоритъ онъ (стр. 25), Перроне такъ далекъ отъ мысли даже *оставлять единство существа Божескихъ Лицъ*, что прямо указываетъ на это единство, утверждая, что хотя всѣ три Упостаси по *существу едино*, но отъ того Сынъ не можетъ исходить отъ Духа, что совершенно *нелѣпо* было-бы допустить, будто Первая по порядку исхожденія Упостась могла исходить отъ Второй („Первая“, „Вторая“—и это не раздѣленіе!) Во-вторыхъ, Перроне даже и *не намекаетъ* на различіе Божескихъ Лицъ (даже и тогда когда утверждаетъ, что *Первая Упостась* не можетъ исходить отъ *Второй?*), а напротивъ *указываетъ единственно на различіе порядка исхожденія*. Правъ-ли я былъ, послѣ этого, утверждая, что авторъ чуждъ первоначальныхъ законовъ логики?“ Непонятно, какъ у человѣка можетъ доставать наглости ставить подобный вопросъ своимъ читателямъ. Во-первыхъ, если-бы мы даже допустили, что Макарій *невѣрно* передалъ мысль Перроне,—то о законахъ-ли логики здѣсь должна быть рѣчь? А во-вторыхъ, неужели противникъ Макарія самъ не замѣчаетъ того, какую медвѣжью услугу онъ оказываетъ своему руководителю Перроне, думая защищать его? Онъ говоритъ: „Перроне даже и не намекаетъ на различіе Божескихъ Лицъ, а *напротивъ*, указываетъ единственно на различіе порядка исхожденія“. Но посудите, читатель: можно-ли говорить о различіи порядка исхожденія Божескихъ Лицъ, не намекая даже на самыя Лица? Мало этого,—„неповинный“ защитникъ католичества употребляетъ слово „*напротивъ*“, какъ будто-бы въ *личныхъ свойствахъ* Божескихъ Лицъ есть нѣчто противное Божескимъ *Лицамъ*? Какая-же логика у подобнаго защитника?

Не лучше защищаетъ своего руководителя Перроне авторъ разбираемой нами книги и въ томъ случаѣ, когда нападаетъ на Макарія за то, что послѣдній въ словахъ Перроне находитъ *ложную мысль*, „будто Сынъ и Духъ несо-вѣчны, будто Сынъ ¹⁾ отъ Отца прежде, а Духъ исходитъ

¹⁾ Здѣсь намѣренно авторъ пропускаетъ слово „*раждается*“, которое въ Православно-догмат. Богосл. Макарія однако-же есть (см. ч. 1 стр. 206, примѣчаніе подстрочное 747).

послѣ. „Если-бы знаменитый римскій профессоръ (и не мнѣ знаменитый іезуитъ, добавимъ отъ себя) могъ встать изъ своей гробницы, говоритъ онъ (стр. 26), онъ вѣроятно отвернулся-бы съ отвращеніемъ отъ такой варварской богословской терминологіи, гдѣ каждое слово носитъ отпечатокъ грубости представленій и несвойственности выраженій.—Сынъ и Духъ *считаются!*.... Сынъ *исходитъ* прежде!... Духъ *исходитъ послѣ!*... Что-же это такое? О кустахъ овощей въ огородѣ или о Пресвятой Троицѣ рѣчь идетъ?“... Положительно недоумѣваемъ,—шутить-ли нашъ противникъ или говоритъ серьезно. Вѣдь эти вопросы должны быть предъявлены именно къ нему, да Перроне, но никакъ не къ Макарію. Макарій буквально приводитъ слова Перроне; но у него нѣтъ выраженія „Сынъ *исходитъ* прежде“ а „*раждается*“¹⁾. Противникъ нашъ, для искаженія словъ Макарія, намѣренно, конечно, опустилъ изъ нихъ слово „раждается“, къ Сыну и Духу отнесъ одно и то-же сказуемое „исходитъ“, самъ такимъ образомъ варварски поступилъ съ чужимъ текстомъ, и потомъ все это приписалъ Макарію. Хорошъ критикъ! А между тѣмъ у него самого, какъ мы отмѣтили и выше, нерѣдко идетъ рѣчь объ *исхожденіи* Сына. Въ чьемъ же теперь огородѣ эти овощи? Слова „*прежде*“ „*послѣ*“ „*исходитъ*“ или „*раждается*“ Макаріемъ буквально приведены изъ „теологіи“ Перроне, какъ и слѣдуетъ приводить чужія слова; слѣдовательно, упрекъ если дѣлать, то не Макарію, а „знаменитому профессору“—іезуиту. Выраженіе „*считаются*“ принадлежитъ и къ терминологіи самого порицателя (см. выше: „второе лице можетъ... продолжать *признаваться* вторымъ“... „третье лице можетъ... *признаваться* однако *третьимъ*“ и т. п. стр. 25). Такимъ образомъ, если за такую терминологию дѣлать упрекъ, то опять-таки не одному Макарію, а и его противнику. А что сказать о достоинствѣ самой защиты? Намъ кажется, что если-бы „знаменитый“ іезуитъ „могъ встать изъ своей гробницы“, то за такую защиту онъ не поблагодарилъ-бы автора разбираемой нами книги, даже „вѣроятно отвернулся-бы съ

¹⁾ „Сынъ *раждается* отъ Отца прежде, а Духъ *исходитъ послѣ*“, стр. 206:

отвращеніемъ“ отъ нея. Въ самомъ дѣлѣ, какая у Макарія ни была-бы „варварская богословская терминологія“,—что пользы отъ этого іезуиту Перроне? Его „ложная мысль“ не можетъ превратиться отъ этого въ мысль истинную...

Признавая, что въ терминологіи Макарія слово „*прежде*“—*anterior* дѣйствительно принадлежитъ терминологіи іезуита Перроне, авторъ разбираемой нами книги начинаетъ уличать Макарія въ нецривильности перевода этого слова. „По здравому разсудку, не менѣе какъ и по грамматикѣ, говоритъ онъ (стр. 26), *anterior* значитъ не *прежде*, а *предшествующій*“. Но какую пользу отъ такой поправки получилъ противникъ Макарія: и слово „предшествующій“ также оказывается несоединимо съ понятіемъ вѣчности, какъ и слово „*прежде*“. И преосвященный Макарій прямо отказался понять, какимъ образомъ у католическихъ богослововъ съ понятіемъ вѣчности Божества, предвѣчности рожденія отъ Отца Сына, предвѣчности исхожденія Св. Духа могутъ быть соединяемы понятія о Сынѣ, какъ *предшествующемъ* Св. Духу по своему предвѣчному рожденію отъ Отца, и о Св. Духѣ, какъ *послѣдующемъ* въ отношеніи къ Сыну по Своему предвѣчному исхожденію. Такая непонятливость Макарія крайне раздражаетъ нашего новаго онтолога. „Наконецъ, говоритъ онъ (стр. 26), позволю себѣ обратиться къ митрополиту Макарію съ вопросомъ. Предполагая даже, что онъ не особенно привыкъ обращаться съ отвлеченными предметами созерцанія,—хотя, конечно, подобное предположеніе нѣсколько подрываетъ кредитъ богослова,—но неужели его неспособность доросла до того, что ему недоступно *понятіе о логичномъ преимуществѣ въ порядкѣ исхожденія Божескихъ Лицъ, безъ грубой примѣси къ этому концепту какихъ-то часовъ, минутъ или секундъ?* И такъ, читатель, пока мы съ вами судили-рядили, да разсматривали разные „огороды съ овощами“, а понятіе вѣчности съ „предшествующими“ и „послѣдующими“ моментами въ рукахъ нашего хитраго противника уже превратилось въ какое-то „понятіе о логичномъ преимуществѣ въ порядкѣ исхожденія Божескихъ Лицъ, безъ грубой примѣси къ этому концепту

какихъ-то часовъ, минутъ или секундъ“ (стр. 27). Съ такими людьми—бѣда связываться. Посмотрите—вѣдь дѣло дошло уже и до *логичности* Божескихъ Лиць! Это не то, что логика Макарія. Но будемъ слушать дальше. „Въ такомъ случаѣ (т. е. вслѣдствіе непривычки Макарія обращаться съ отвлеченными предметами созерцанія), говоритъ авторъ разбираемой нами книги, да будетъ мнѣ дозволено попытаться разсѣять этотъ метафизическій туманъ посредствомъ очень простаго и всѣмъ доступнаго сравненія. Когда мысленно или матеріально мы заключаемъ неопредѣленное пространство въ чертежѣ, напримѣръ, треугольника, одновременно образуется нѣчто двойственное: одно—фигура изъ трехъ линій; другое—опредѣленное уже теперь пространство, между этими линіями заключающееся. Спрашивается: въ этомъ двойственномъ явленіи, которое изъ двухъ предшествуетъ другому? Съ одной стороны совершенно ясно, что это опредѣленное пространство произведено исключительно чертежемъ треугольника, и слѣдовательно, что включающее, т. е. треугольная фигура, *предшествуетъ* (?) включаемому, т. е. треугольному пространству, съ другой—не менѣе ясно, что оба предмета существуютъ совершенно *одновременно* (?), потому что въ то самое мгновеніе, какъ только существуетъ или мыслимъ чертежъ, образуется или мыслимо точно также мгновенно и заключенное въ немъ пространство. Если такъ легко доказать, что въ простой геометрической фигурѣ свойство *логически предшествовать* нисколько не противорѣчитъ свойству взаимно-одновременнаго (?) существованія, то неужели въ возвышенной сферѣ богословскихъ созерцаній эта истина была такъ недоступна для ученаго и прославленнаго представителя греко-россійской догматической науки!“...

Откровенно сознаюсь, что математику я не особенно любилъ еще и въ школѣ; рѣшая самыя трудныя ариметическія задачи, я зналъ, что считаю деньги только *чужія*; исписывая классную доску самыми сложными алгебраическими формулами, я никогда не былъ увѣренъ, что съ такими трудностями искомое мною a^2 не окажется равнымъ нулю. Не

люблю я и теперь, когда прилагаютъ математику будто-бы къ уясненію непостижимѣйшей тайны Божества, ибо напередъ я увѣренъ, что и это приложеніе въ концѣ-концовъ окажется равнымъ нулю. Неизмѣнно-глубокое значеніе несомнѣнно всегда будетъ имѣть классическое изреченіе Св. Григорія Богослова: „Ты слышишь о рожденіи (Бога Сына); не допытывайся знать, каковъ образъ этого рожденія. Слышишь, что Духъ исходитъ отъ Отца; не любопытствуй знать, какъ исходитъ... Впрочемъ, хочешь-ли, я скажу тебѣ, какъ родился (Сынъ). Такъ, какъ вѣдаютъ сіе родившій Отецъ и рожденный Сынъ“¹⁾. Геометрическая фигура треугольника издавна употребляется богословами для уясненія таинства Пресв. Троицы; на нее есть указаніе еще у Августина, Тома Аквината и др. Въ мистическую эпоху нынѣшняго вѣка у насъ, въ Россіи, даже въ университетской аудиторіи профессоръ математики, читая студентамъ лекцію о равенствѣ сторонъ и угловъ равносторонняго треугольника, считалъ своею обязанностію касаться вопроса объ отношеніи Божескихъ Лицъ или ученія о троичности Лицъ при единствѣ существа. Но какіе достигались отсюда результаты?—почти равные нулю; сравненіе еще не есть доказательство. Въ разбираемой нами книгѣ фигура треугольника взята съ цѣлію уяснить понятіе о логичномъ преимуществѣ въ порядкѣ исхожденія Божескихъ Лицъ или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, о свойствѣ логическаго предшествованія, соединеннаго съ свойствомъ взаимно-одновременнаго существованія. Что-же? уяснено-ли это понятіе?—Нисколько; да оно никогда и не можетъ быть уяснено, ибо по самому основанію своему оно заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе, т. е. уничтожаетъ само себя. Для достиженія своей цѣли авторъ стремится доказать два положенія: а) что въ геометрической фигурѣ треугольника треугольная фигура (т. е. три линіи соединенныя вмѣстѣ) *предшествуетъ*, включаемому треугольному пространству и б) что оба эти предмета—включающая треугольная фигура и включаемое треугольное пространство—въ тоже время *существуютъ одновременно*. При разсмо-

¹⁾ У Макарія, стр. 200.

трѣи этихъ двухъ положеній оказывается, что съ ограниченіемъ можетъ быть признано справедливымъ только второе положеніе. Что треугольная включающая фигура *не предшествуетъ* включаемому пространству,—эта истина слишкомъ очевидна. Заключаемое пространство не можетъ быть названо *послѣдующимъ* въ отношеніи къ заключающей его геометрической фигурѣ уже потому, что оно входитъ въ понятіе пространства вообще, а пространство вообще предполагается существующимъ прежде всякой фигуры; но его нельзя назвать и *предшествующимъ*, потому что всякая геометрическая фигура опредѣляется линіями, а линія, въ томъ числѣ и геометрическая, какъ величина, имѣющая измѣреніе, также входитъ въ понятіе пространства вообще. Что-же касается *опредѣленнаго* уже, т. е. включеннаго треугольнаго пространства и *опредѣленной* уже, т. е. включающей треугольной фигуры, то существованіе ихъ можетъ быть мыслимо *только одновременнымъ* и *совмѣстнымъ*. Представимъ себѣ листъ бумаги. Когда мы проведемъ на немъ линію, у насъ не получается еще ни треугольной фигуры, ни треугольнаго пространства. Когда мы эту линію пересѣкаемъ другою линіею, у насъ получается только фигура *угла* и *одноугольное* включенное въ него пространство. И только въ тотъ моментъ, когда эти двѣ пересѣченныя линіи мы пересѣкаемъ третьею линіею, у насъ *одновременно* и *совмѣстно* получаютъ и включающая треугольная фигура, и включенное въ нее треугольное пространство. Опредѣленное треугольное пространство немислимо безъ опредѣляющей его треугольной фигуры, но съ другой стороны и треугольная фигура немислива безъ заключеннаго въ нее треугольнаго пространства.

Обращаясь теперь къ своему противнику, мы должны сказать, что онъ даетъ намъ въ руки оружіе, которое можетъ быть обращено только противъ защищаемаго имъ ученія. Если геометрическимъ чертежемъ треугольника и въ особенности взаимоотношеніемъ пространства вообще, пространства включеннаго и пространства включающаго, и можно пользоваться для нѣкотораго уясненія, какъ отдаленнымъ сравненіемъ, то лишь ученія православной Церкви, но никакъ не римско-католической, такъ какъ, происходя изъ одного и

того-же пространства вообще, и имѣя, слѣдовательно, одну и ту-же пространственную природу, заключаемое треугольное пространство и заключающая треугольная фигура, какъ взаимно опредѣляющія другъ друга величины, не смѣшивающіяся однако-же между собою, могутъ быть мыслимы только *одновременно и совмѣстно* существующими. Но „всего лучше, говоритъ Григорій Богословъ, отступить отъ всѣхъ образовъ и тѣней, какъ обманчивыхъ и далеко не достигающихъ до истины, держаться-же образа мыслей болѣе благочестиваго, остановившись на немногихъ реченіяхъ, имѣть руководителемъ Духа, и какое озареніе получено отъ Него, то сохраняя до конца, съ нимъ, какъ съ искреннимъ сообщникомъ и собесѣдникомъ, проходить настоящей вѣкъ, а по мѣрѣ силъ и другихъ убѣждать, чтобъ поклонялись Отцу и Сыну и Святому Духу—единому Божеству и единой Силѣ“ ¹⁾.

Авторъ разбираемой нами книги, конечно, вполне и самъ сознавалъ все свое безсиліе—изреченіями Св. Писанія и относящимися къ нимъ софистическими соображеніями своихъ „знаменитыхъ“ предшественниковъ — руководителей — *Томы Аквината, Беллармина* и главнымъ образомъ *іезуита Перроне* защитить католическое лжеученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Вотъ почему онъ прекрасно дѣлаетъ, когда, по примѣру того-же *іезуита Перроне* и другихъ католическихъ богослововъ стараго времени, бросаетъ, наконецъ, свое собственное оружіе и обращается къ помощи *блаж. Августина*. Но объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе въ свое время.

Итакъ, послѣ сказаннаго ясно, что въ Св. Писаніи нѣтъ основаній для католическаго лжеученія. Трудъ автора разбираемой нами книги указать эти основанія оказывается совершенно напраснымъ. Но противникъ не ограничивается однимъ Св. Писаніемъ. Отъ ссылки на тексты Св. Писанія онъ переходитъ (вопреки данному имъ обѣщанію) къ свято-отеческимъ свидѣтельствамъ. Будемъ слѣдовать за нимъ.

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Слово 31, въ Твор. Св. Отц. III, стр. 131—133. У Макарія стр. 158.

ПРАВОСЛАВНОЕ И КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

ВЪ

ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РОССІИ.

I.

Существуетъ странная теорія, объясняющая происхожденіе религіи измышленіемъ человѣческаго ума. По этой теоріи всѣ идеи о Божествѣ, всѣ вѣрованія религіозныя и вся совокупность отношеній человѣка къ Божеству, созданныхъ вѣрой въ Него, являются не болѣе, какъ плодомъ мысли и фантазіи человѣка. Не вдаваясь въ подробный разборъ этого мнѣнія, достаточно обратиться къ исторіи христіанства, чтобы убѣдиться въ полной логической несостоятельности указанной теоріи.—Если-бы она была вѣрна, если-бы въ самомъ дѣлѣ человѣчество само по себѣ, собственнымъ умомъ, путемъ необходимой послѣдовательности дошло до сознанія, что всѣ люди—братья и дѣти одного небеснаго Отца, что всѣ они должны любить другъ друга также, какъ самихъ себя, то оно естественно, неизбѣжно, непременно примѣняло-бы эти великія идеи къ дѣлу, осуществляло-бы ихъ въ жизни. Что-же мы видимъ въ дѣйствительности?—Человѣчество не только далеко отъ полнаго и постояннаго примѣненія тѣхъ великихъ идей отъ осуществленія ихъ въ жизни, но даже ясно не сознаетъ ихъ во всемъ ихъ величественномъ объемѣ, не держится ихъ на своемъ жизненномъ пути, какъ путеводной звѣзды, не смотритъ на нихъ, какъ на

вѣчные идеалы жизни. Человѣчество какъ будто-бы не въ силахъ держаться на той нравственной высотѣ, къ которой влекутъ его указанныя идеи, и мы не знаемъ періода, не знаемъ момента въ исторіи христіанской Церкви послѣ Апостоловъ, когда-бы ученіе Иисуса Христа о всеобщей любви, братствѣ и единеніи было правиломъ жизни всѣхъ христіанъ. Только въ первое время Апостоловъ между христіанами царилъ братство и любовь. Но это потому, что Божественный Образъ Испытателя міра царилъ неограниченно въ душахъ, стоялъ живо въ памяти Его послѣдователей и въ ушахъ ихъ раздавался еще дивный голосъ Его, звучавшій безпредѣльною благостью и вѣщавшій великія слова любви и мира. Но вотъ прошло немного времени; люди, видѣвшіе Сына Божія въ земномъ образѣ, слышавшіе лично ученіе Богочеловѣка, перешли въ другую жизнь и немедленно произошла перемѣна: ученіе Спасителя перестало имѣть то неограниченное и неотразимое вліяніе на христіанъ второго поколѣнія, какое имѣло прежде и тѣмъ болѣе, когда распространилось за предѣлы земли Израильской. Явились секты и ереси, между ними завязалась борьба, вызывавшая взаимную ненависть и ожесточеніе. Идеалы, указанные Спасителемъ, казались на столько далекими отъ повседневной, обычной жизни христіанъ, что, повидимому, исчезли даже изъ ихъ сознанія и памяти. Глядя на тѣ жестокія, беспощадныя, кровавыя „*религіозныя*“ войны, въ которыхъ христіане истребляли другъ друга, воображая, что совершаютъ этимъ Богоугодный подвигъ, можно было подумать, что борющіеся не послѣдователи одного и того же христіанскаго ученія, проповѣдующаго братство и любовь, а совершенно различныхъ религій, взаимно противоположныхъ и внушающихъ своимъ послѣдователямъ истребленіе всего чуждаго имъ.

Возможно-ли было-бы все это, если-бы человѣчество само додумалось до высокихъ нравственныхъ понятій, отличающихъ религію христіанскую?—Очевидно нѣтъ. Если-бы оно само по себѣ достигло высокаго нравственнаго уровня этихъ понятій, то понятія эти быстро проникли-бы въ массу людскую, подчинили-бы ее себѣ всецѣло, сдѣлались-бы господ-

ствующими въ жизни и чѣмъ больше жило-бы челоѳчество, тѣмъ на большую нравственную высоту поднималось-бы оно, благодаря естественному закону постепеннаго роста и развитія. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ совершенно противоположное явленіе. Чѣмъ дальше отстоитъ извѣстный періодъ челоѳческой жизни отъ временъ Христа и Апостоловъ, тѣмъ больше исчезаетъ чистота ихъ ученія, затемняемая превратными толкованіями его съ свойственнымъ людямъ недомыслиемъ, тѣмъ меньше яснаго сознанія христіанскихъ идеаловъ, тѣмъ меньше общности и единства между различными христіанскими церквами или вѣроисповѣданіями. Не ясно-ли отсюда, что христіанскія идеи, безпредѣльно великія въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ, не были и не могли быть созданы самимъ челоѳчествомъ, не сумѣвшимъ удержаться на высотѣ ихъ даже и послѣ того, какъ онѣ внушены были ему свыше, съ разъясненіемъ при томъ благихъ результатовъ господства этихъ идей въ жизни.

Возьму близкій къ намъ примѣръ: борьбу католичества съ православіемъ, борьбу вѣковую, ожесточенную, непримиримую до сихъ поръ.

Трудно перечислить тѣ страшныя бѣдствія, которыя пережила не только Европа, но и весь такъ называемый Старый Свѣтъ въ этой тысячелѣтней борьбѣ. И она не только не прекращается, но даже не ослабѣваетъ и если въ настоящее время она не имѣетъ того кроваваго характера, которымъ отличалась въ средніе вѣка, то благодаря смягченію нравовъ подъ вліяніемъ просвѣщенія.

Кажется, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ представители православія и католицизма не сходятся такъ близко во время борьбы и нигдѣ борьба не ведется съ настолько равными силами, какъ въ нашемъ западно-русскомъ краѣ. Если на сторонѣ православія перевѣсъ въ численномъ и политическомъ отношеніяхъ, такъ какъ оно пользуется привилегіями вѣроисповѣданія господствующаго въ государствѣ, то въ замѣну этого на сторонѣ католицизма мы встрѣчаемъ перевѣсъ въ смыслѣ матеріальномъ или экономическомъ, ббльшую сплоченность участвующихъ въ борьбѣ и ббльшую подготовку къ ней.

Въ настоящее время, строго говоря, борьба идетъ почти исключительно, лишь между духовенствомъ обоихъ вѣроисповѣданій. На немъ мы и остановимся.

Говоря откровенно, надо признаться, что наше православное духовенство очень мало подготовлено къ борьбѣ съ католицизмомъ. Въ семинаріяхъ,—откуда набирается контингентъ священниковъ, конечно, знакомятъ воспитанниковъ съ ученіемъ католической церкви и съ католической пропагандой, но это ознакомленіе имѣетъ, насколько намъ извѣстно, чисто теоретическій характеръ. Будущимъ священникамъ во время научной подготовки ихъ къ общественной дѣятельности не дается полного и живаго представленія о дѣятельности католическаго духовенства, о способахъ его пропаганды, о наилучшихъ средствахъ противодѣйствовать ей. Полагаю даже, что я не ошибусь, если пойду еще дальше и скажу, что въ семинарскомъ воспитаніи и образованіи мисіонерскія задачи стоятъ на заднемъ планѣ, что возможность борьбы съ католицизмомъ почти опускается изъ виду, что въ воспитанникахъ очень мало развиваютъ идею долга *пастыря-борца* за православіе. Я много перевидалъ представителей православнаго духовенства въ Западной Россіи и долженъ, къ сожалѣнію, признаться, что не видѣлъ ни одного человѣка, который стремился-бы къ сану священника съ ясно намѣченной цѣлью и пылкимъ желаніемъ—стоять по мѣрѣ силъ на стражѣ православія и охранять его отъ противниковъ. Нѣкоторые вмѣняютъ даже въ заслугу нашему духовенству слабое развитіе въ немъ стремленія къ пропагандѣ и религіознаго энтузіазма. Не спору, что отсутствіе фанатизма въ нашемъ духовенствѣ несомнѣнное достоинство, что католическая религіозная пропаганда, не пренебрегающая никакими средствами и заботящаяся главнымъ образомъ о количествѣ прозелитовъ, а не о качествахъ ихъ, противна и духу христіанства, и нравственному чувству, и даже здравому смыслу и поэтому достойна не подражанія, а порицанія. Но это уже крайность; если-же мы будемъ имѣть въ виду распространеніе религіознаго ученія исключительно путемъ убѣжденія и особенно—охрану православія отъ псковныхъ и неусыпныхъ

его враговъ,—католическихъ ксендзовъ, то въ этомъ великомъ дѣлѣ нашему духовенству можно-бы порекомендовать побольше энергіи, настойчивости и умѣнья. Качества-же эти могутъ явиться и развиться лишь въ томъ случаѣ, если человекъ весь пропитается сознаніемъ долга и всецѣло отдастся исполненію его. Конечно, жизнь можетъ вызвать къ этому и человека мало подготовленнаго и сама разовьетъ въ немъ и силы и энергію; но бесспорно, что гораздо легче идти на борьбу предвидя ее, приготовившись и вооружившись къ ней, чѣмъ попасть въ ея разгаръ почти совсѣмъ неожиданно и недостаточно вооружившись. А въ такомъ именно положеніи находятся молодые священники, получившіе приходы въ западномъ краѣ и особенно въ его селахъ и мѣстечкахъ.

Здѣсь я считаю умѣстнымъ подробнѣе остановиться на размѣщеніи воспитанниковъ семинаріи по окончаніи ими курса и на порядкѣ раздачи приходовъ.

Еще съ 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія началось сильное и можно сказать неудержимое стремленіе воспитанниковъ семинарій въ медицинскую академію, въ университеты и другія высшія учебныя заведенія. Почти всѣ болѣе другихъ талантливые и трудолюбивые воспитанники по окончаніи семинарскаго курса не хотѣли имъ ограничиваться и искали высшаго образованія. Благодаря этому, священническія вакансіи замѣщались, за рѣдкими исключеніями, лишь второразрядными воспитанниками, т. е. людьми не обладавшими по большей части ни особенными способностями и знаніями, ни стремленіями къ какому-нибудь высшему цѣлямъ. Эти кандидаты на священническія мѣста дѣлились обыкновенно епархіальнымъ начальствомъ также на двѣ группы, состоявшія изъ болѣе и менѣе даровитыхъ; первые получали мѣста въ городахъ, а вторые въ мѣстечкахъ и селахъ. Въ послѣднія, благодаря такому способу раздачи священническихъ вакансій, попадали главнымъ образомъ самые посредственные, а иногда и просто неспособные и мало развитые люди, которые никогда и не задавали себѣ „задачъ жизни“, не „ломали головы“ надъ разрѣшеніемъ высшихъ вопросовъ,

а жили изо дня въ день какъ пришло. Обзавестись семьей, воспитать ее, дать ей какъ можно больше средствъ къ жизни, вообще добиться богатства или по крайней мѣрѣ матеріальной обезпеченности, получить должность благочиннаго и награды въ видѣ камилавки и наперснаго креста,—вотъ стремленія громаднаго большинства сельскаго духовенства въ Западной Россіи, вотъ всѣ цѣли его жизни. Но есть группа, и даже довольно многочисленная, сельскаго духовенства въ западномъ краѣ, стоящая еще ниже описаннаго большинства. Я говорю о лицахъ, дослужившихся до священническаго сана изъ діаконѣвъ и причетниковѣвъ. Умственный кругозоръ этихъ людей, обыкновенно не получившихъ никакого образованія и не имѣвшихъ возможности заняться саморазвитіемъ, бываетъ, конечно, еще ограниченнѣе описаннаго, а духовныя потребности и цѣли жизни еще ниже.

Таковъ, за небольшими исключеніями, составъ православнаго духовенства въ селахъ и мѣстечкахъ Западной Россіи. Между тѣмъ именно этому-то духовенству и приходится охранять православіе отъ католической пропаганды, въ виду того, что,—благодаря условіямъ мѣстной жизни,—католическое населеніе скопилось въ мѣстечкахъ и селахъ,—въ городахъ же католиковъ очень мало, а ксендзовъ послѣ возстанія 1863 года тамъ почти и вовсе нѣтъ, такъ какъ костелы и кляшторы (монастыри), въ городахъ западнаго края игравшіе роль революціонныхъ центровъ и очаговъ, послѣ означеннаго возстанія съ полнымъ основаніемъ были или закрыты, или обращены въ православныя церкви.

Перейду теперь къ характеристикѣ отношеній духовенства къ различнымъ сословіямъ русскаго, православнаго населенія. Объ отношеніяхъ его къ *русскимъ помѣщикамъ* я говорить не стану по весьма простой причинѣ: такихъ помѣщиковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. дворянъ, живущихъ въ деревнѣ и занимающихся сельскимъ хозяйствомъ въ собственныхъ имѣніяхъ, въ западномъ краѣ нѣтъ, или почти нѣтъ, такъ какъ во всемъ краѣ ихъ можно перечислить по пальцамъ. Всѣ усилія правительства обрусить край созданиемъ въ немъ дворянства русскаго, изъ русскихъ помѣ-

щиковъ, разбились, наткнувшись на явныя, а еще болѣе на скрытыя преграды и мины, устроенныя петербургскими и мѣстными дѣльцами, игравшими въ руку полякамъ и жидамъ. Сотни и тысячи quasi—русскихъ имѣній, несмотря на невѣроятныя льготы, съ которыми онѣ продавались ¹⁾ послѣ конфискаціи ихъ за участіе ихъ владѣльцевъ въ возстаніи, или при обязательномъ отчужденіи,—принадлежатъ въ дѣйствительности по прежнему полякамъ или, что еще хуже, новымъ помѣщикамъ изъ жидовъ. Здѣсь я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности для объясненія того, какъ русскіе люди помогали только что усмиреннымъ полякамъ, и явно имъ содѣйствовавшимъ жидамъ обманывать... Кого?—Свое-же русское правительство!... Это не будетъ отступленіемъ отъ избраннаго мною предмета, такъ какъ поднятый мною вопросъ касается и православнаго духовенства въ западномъ краѣ и, разрѣшая этотъ вопросъ, я долженъ буду указать на ту незавидную роль, которую пришлось играть нашему духовенству въ гнусной и позорной, отвратительной комедіи, поставленной на сценѣ западно-русскаго края, съ цѣлью отвести глаза правительству, продажными дѣльцами изъ русскихъ, изъ польскихъ пановъ и „поляковъ Моисеева вѣроисповѣданія“ ²⁾).

Завязка комедіи и планъ ея были очень несложны, но несомнѣнно ловко и практично придуманы. Главная роль, къ позору для русскаго имени, давалась русскому чиновнику, помѣщику или купцу, а нерѣдко и какому нибудь русскому подданному изъ остзейскихъ нѣмцевъ, считавшихся въ то время, по странному заблужденію нашей администраціи, годными и способными *обрусить* край! Жалкій герой, избранный для обмана, заявлялъ администраціи о своемъ желаніи приобрѣсти такое-то польское имѣніе. Послѣ удостоенія въ томъ, что онъ, русскій и православный,

¹⁾ Продавались имѣнія на 40 и 50% ниже дѣйствительной стоимости и сверхъ того давалась разсрочка въ уплатѣ покупной суммы.

²⁾ Такъ во время послѣдняго польскаго возстанія поляки стали называть евреевъ, для привлеченія ихъ на свою сторону, и евреи очень охотно присвоили себѣ это названіе.

или по крайней мѣрѣ не полякъ, ему продавалось избранное имъ помѣстье. Совершалась церемонія ввода во владѣніе купленнымъ имѣніемъ, и *de jure* покупатель дѣлался собственникомъ имѣнія, но *de facto* онъ не былъ владѣльцемъ ни одного мгновенія. Еще прежде заявленія о желаніи приобрѣсти имѣніе мнимый покупатель заранее передавалъ всѣ свои будущія права польскому пану, или жиновскому капиталисту. Онъ получалъ отъ нихъ деньги на покупку, а имъ передавалъ свои права на имѣніе цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ актовъ и сдѣлокъ, имѣвшихъ цѣлю обойти законъ и обмануть довѣрчивую администрацію. Выдавались и векселя отъ покупателя кредиторамъ на суммы, превышавшія стоимость имѣнія, совершались неустоечныя записи, обязывавшія покупателя платить огромную неустойку на случай неисправной уплаты по векселямъ; затѣмъ послѣ покупки имѣнія будущій урожай продавался кредиторамъ за нѣсколько лѣтъ впередъ и т. д. и т. д.

Въ концѣ концовъ фактическимъ владѣльцемъ оказывался полякъ или еврей, а мнимый покупатель, совершивъ обманъ и получивъ вознагражденіе за него, уѣзжалъ въ Петербургъ, откуда былъ вызванъ, или если и оставался въ купленномъ имѣніи, то лишь для дальнѣйшаго отвода глазъ администраціи, не принимая ни малѣйшаго участія во владѣніи и распоряженіи имѣніемъ.

Въ деревнѣ секретъ однако было трудно сохранить, но что за дѣло до этого фактическому владѣльцу-помѣщику? Кто укажетъ администраціи на обманъ? Не крестьяне-ли? Но объ этомъ и думать нельзя. Западно-русскій крестьянинъ и по натурѣ не подвиженъ, вялъ и не энергиченъ, и кромѣ того забитъ вѣковымъ рабствомъ въ рукахъ польскихъ пановъ и экономической кабалой въ рукахъ евреевъ. При томъ-же онъ и по освобожденіи изъ крѣпостной зависимости все-таки въ сильной матеріальной зависимости отъ помѣщиковъ. При освобожденіи крестьянъ мировые посредники въ западномъ краѣ, не знаю почему избравшіеся или изъ поляковъ, или изъ преданныхъ имъ чиновниковъ, употребили всѣ усилія, чтобы оставить крестьянъ въ экономи-

ческомъ рабствѣ у помѣщиковъ, и сохраняя букву закона (Положенія о крестьянахъ, имѣвшаго цѣлью дѣйствительно создать крестьянское благосостояніе) исказить и уничтожить его смыслъ. Дѣлалось это, конечно, не даромъ. Мнѣ лично пришлось слышать рассказъ одного поляка, какъ при надѣлѣ крестьянъ въ имѣніи его патрона-магната уѣздные дѣятели по осуществленію крестьянской реформы переманивались на помѣщичью сторону.— „Знаменитые погреба нашего графа, славившіеся „старкой“ (старая водка), венгерскимъ и другими винами, пережившими нѣсколько поколѣній и стоившими невѣроятныхъ суммъ, опустѣли до того, что экономія боялась даже открыть это графу, хотя за то графское имѣніе *округлено такъ, что лучшаго и желать нельзя*“. И это не было хвастовствомъ, а чистѣйшей правдой, и во имя этой правды я искренно желалъ-бы, чтобы правосудіе еще на землѣ покарало продажныхъ братопродателей, обиравшихъ бѣдняковъ и своихъ-же единовѣрцевъ и соотечественниковъ въ пользу польскаго магната, имѣвшаго и безъ того *полумиллионный ежегодный доходъ*. Нужно удивляться поразительной нравственной слѣпотѣ этихъ людей, не видѣвшихъ, что они творятъ. А творили они нѣчто невѣроятное. Крестьянская реформа, имѣвшая цѣлью полное благоустройство крестьянскаго быта и указывавшая всѣ средства къ этому, осуществлена была дѣятелими ея такъ, что цѣль реформы не только не достигалась, а прямо уничтожалась. Во многихъ мѣстахъ крестьянскіе земельные надѣлы оказались безъ выгоновъ для пастбища и безъ водопоевъ, а что касается лѣса, то въ западномъ краѣ его почти нигдѣ не дали крестьянамъ и громадное большинство крестьянъ очутилось безъ всякихъ матеріаловъ для топлива и построекъ. Понятно, въ какой сильной зависимости отъ пановъ при такихъ условіяхъ очутилось крестьянство. Приходилось многого и многого просить у пана, какъ милости, нужно было преклоняться передъ паномъ, заискивать у него. Гдѣ-же крестьянамъ при этихъ обстоятельствахъ было бороться съ панами и разоблачать ихъ продѣлки? Да и какимъ способомъ могли они разоблачить эти продѣлки? Къ

высшей администраціи они не имѣли и не знали доступа, и не чувствовали по отношеніи къ ней ничего, кромѣ страха, заставлявшаго ихъ держаться въ самомъ почтительномъ, т. е. въ возможно большемъ отдаленіи отъ нея. Что-же касается низшихъ административныхъ органовъ, на примѣръ уѣздныхъ чиновниковъ, то сколько намъ извѣстно, они чуть не поголовно находились въ рукахъ пановъ, и были покорнѣйшими и преданнѣйшими слугами гораздо больше для нихъ, чѣмъ для своего правительства и отечества. Поэтому если-бы крестьяне вздумали доносить подобнымъ чиновникамъ о томъ, что совершалось въ польскихъ имѣніяхъ, считавшихся русскими, то изъ этого не только не вышло-бы никакихъ дурныхъ послѣдствій для пановъ, но и самимъ доносителямъ пришлось-бы очень плохо. Крестьяне это знали по горькому опыту. Имъ приходилось расплачиваться собственной шкурой даже за то, что передъ возстаніемъ польскимъ, предвидя его, они различными способами старались довести о немъ до свѣдѣнія администраціи. Такимъ образомъ отъ крестьянъ нельзя было и ожидать обнаруженія продѣлокъ, практиковавшихся съ конфискованными имѣніями и приводившихъ къ тому, что западный край, предназначенный мѣрами правительства къ обрусенію, по прежнему систематически полонизировался.

Оставалось духовенство православное. Но могло-ли и оно противиться описаннымъ продѣлкамъ, слѣдить за ними и бороться съ ними, раскрывая глаза властямъ и обращая ихъ вниманіе на то, что совершалось въ незримой для нихъ деревенской глуши? — Отвѣчая на этотъ вопросъ, я долженъ коснуться такихъ возмутительныхъ фактовъ, что мнѣ, какъ русскому человѣку, тяжело, неприятно и больно даже и вспоминать о нихъ. Кровь кипитъ и сердце волнуется отъ негодованія при одномъ только представленіи вопіющихъ сценъ, въ которыхъ польское панство давило и топтало съ наглымъ издѣвательствомъ русскій людъ, не исключая и духовенства, бросаемаго къ ногамъ шляхты на позоръ и поруганіе... и кѣмъ-же бросаемаго? — Своими-же, русскими людьми, проявившими такъ мало патріотизма, что

исторія человѣчества едва-ли представляетъ подобное печальное явленіе.

Когда обнародованъ былъ великій актъ освобожденія крестьянъ изъ вѣковаго рабства, духовенство явилось въ деревняхъ первымъ провозгласителемъ и первымъ толкователемъ для народа смысла и подробностей Высочайшаго Манифеста отъ 19-го февраля 1861-го года. Для польскихъ пановъ освобожденіе крестьянъ было страшнымъ ударомъ, гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ для помѣщиковъ русскихъ. Между помѣщиками-поляками западнаго края и ихъ крестьянами русской національности (говоря точнѣе—малороссами и бѣлоруссами) не было никакой нравственной связи, а напротивъ, была полнѣйшая религіозная, національная и социальная рознь и вражда. Если прибавить къ этому тотъ несомнѣнный фактъ, что польскіе помѣщики, не чувствовавшіе къ народу ровно ничего, кромѣ презрѣнія, смотрѣвшіе на него, какъ на животныхъ, на рабочій скотъ, не могли возбуждать и въ народѣ никакого другаго чувства, кромѣ непримиримой ненависти,—то само собой становится понятнымъ, съ какимъ ужасомъ польскіе паны должны были смотрѣть на освобожденіе крестьянъ, отъ которыхъ они, судя по себѣ, ждали безпощадной кровавой расплаты за долгіе годы жестокаго гнета. Испуганное шляхетство стало придумывать всевозможные способы помочь бѣдѣ и остановилось на слѣдующемъ, крайне безнравственномъ, іезуитски—хитромъ и зато очень практичномъ планѣ. Прежде всего нужно было скрыть отъ крестьянской массы истинный смыслъ Положенія о крестьянахъ, держать народъ въ невѣдѣніи относительно его новыхъ правъ и готовить его къ освобожденію постепенно, держать его пока въ прежнемъ рабствѣ, а между тѣмъ черезъ управляющихъ, экономовъ, дворовыхъ, жидовъ-корчмарей и вообще людей преданныхъ помѣщикамъ внушать крестьянамъ, что они напрасно думаютъ, будто-бы они освобождены уже, и освобождены по волѣ и милости Царя; ихъ дескать—обманули, если объявили, что они уже свободны; русское правительство даже и не желаетъ ихъ освобожденія, а желаютъ сами помѣщики и они сдѣлаютъ это, если крестьяне будутъ

держаться смиренно и ограничатся полученіемъ тѣхъ надѣловъ, которые панамъ угодно будетъ дать имъ. Всѣ эти толки и слухи были, конечно, крайне нелѣпы; но паны знали, съ кѣмъ имѣли дѣло, и были увѣрены, что самая бессмысленная вѣсть, пущенная въ ходъ систематически, брошенная въ темную, слѣпую толпу, встрѣтитъ довѣріе, если она хотя нѣсколько находитъ себѣ подтвержденіе въ явленіяхъ дѣйствительной жизни. Этимъ невѣроятно-наглымъ и низкимъ планомъ польскіе паны думали достигнуть тройкой цѣли: во-первыхъ—продлить на нѣсколько времени блаженный вѣкъ господства надъ крестьянствомъ и высосать изъ крестьянъ еще хотя немного крови, въ видѣ бесплатнаго тяжкаго труда; во-вторыхъ путемъ обмана заставить крестьянъ принять лишь то изъ надѣла, что захочетъ дать самъ панъ, какъ милость, и такимъ образомъ сбыть крестьянамъ всю никуда негодную землю, да еще получить за нее отъ правительства изрядное вознагражденіе въ видѣ выкупной ссуды; въ третьихъ, наконецъ, увѣривши крестьянъ въ освобожденіи ихъ по доброй волѣ и великодушію самихъ помѣщиковъ, прекратить въ народѣ вражду къ шляхетству, вызвать въ немъ чувство благодарности и расположенности къ панамъ, очень нуждавшимся въ сочувствіи крестьянъ въ виду намѣченнаго и уже готовившагося возстанія для освобожденія „ойчины“.

Для осуществленія задуманнаго плана приняты были мѣры къ предупрежденію распространенія въ народѣ Высочайше утвержденнаго Положенія о крестьянахъ. Его почти изъяли изъ обращенія. Царскіе эконоы и прикащики по прежнему гоняли народъ на работы и по прежнему кнутомъ, какъ скоть, понуждали его къ большей энергіи при работѣ на панщинѣ. Народъ недоумѣвалъ, терялъ терпѣніе, приходилъ въ отчаяніе. Мысль его была въ какомъ-то туманѣ; да и какъ ей было выйти изъ этого тумана, когда заботливая рука закрывала отъ него тотъ свѣтъ, который разсѣялъ-бы туманъ и открылъ-бы ему истинное его положеніе. Съ одной стороны громко, всенародно да еще въ церкви священникъ прочиталъ передъ ними Царскую бумагу, въ которой онъ объявлялся вполне свободнымъ и притомъ съ правомъ на

полученіе участка земли; съ другой и пань, и жида и всѣ, съ кѣмъ онъ ни видится въ селѣ, твердятъ, что воли Царь не далъ, а дастъ лишь самъ панъ и дастъ только тѣмъ, кому самъ захочетъ, кто будетъ послушенъ ему во всемъ. Въ доказательство, что это—правда, что онъ не свободенъ, а еще крѣпостной, его требуютъ на работу къ пану и онъ долженъ идти, а иначе розги и кнутъ.... Кому-же и чему вѣрить? Гдѣ-же правда? Какъ ее узнать?—Лучше всего—отъ своего священника. Онъ хотя и стоитъ по своему быту ближе къ панамъ, чѣмъ къ крестьянамъ, но все-же онъ свой, православный. И притомъ онъ-же читалъ въ церкви бумагу, присланную отъ Царя на счетъ воли; значитъ, эта бумага есть у него и онъ можетъ еще разъ прочесть и растолковать ее. Результатомъ такихъ размышленій было обыкновенно появленіе цѣлой гурьбы крестьянъ въ домѣ священника. Крестьяне просятъ, умоляютъ его разъяснить имъ дѣйствительное ихъ положеніе по закону, объяснить имъ, свободны ли они или крѣпостные.—Положеніе священника было крайне печально. Онъ зналъ истинный смыслъ Царскаго Манифеста, зналъ что съ обнародованіемъ Положенія о крестьянахъ, всѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ въ западномъ краѣ сполна и немедленно прекращаются и крестьяне сразу становятся, должны становиться свободными собственниками ¹⁾. Онъ видѣлъ, что польскіе помѣщики и сочувствовавшіе, содѣйствовавшіе имъ мировые посредники, допускавшіе продолженіе крѣпостнаго права послѣ окончательной отмѣны его закономъ, совершаютъ тяжкое преступленіе. Онъ не могъ не возмутиться, какъ русскій человекъ, видѣвшій собственными глазами угнетеніе своихъ меньшихъ братьевъ чуждой національностью, дерзнувшей на злоупотребленіе своей властью даже и по уничтоженіи ея закономъ. Онъ не могъ не страдать нравственно, видя какъ сила преодолеваетъ право, какъ законъ остается безсильнымъ и по-

¹⁾ Въ западномъ краѣ законъ совсѣмъ не допустилъ положенія такъ называемыхъ „временно-обязанныхъ“. Тамъ по закону сразу прекратились крѣпостныя отношенія.

руганнымъ, съ какой наглою откровенностью совершается цѣлый рядъ преступленій надъ личностью и свободой крестьянина, по закону уже свободнаго, и какъ этотъ несчастный крестьянинъ задыхается въ тискахъ давящаго его, сильнаго, откормленнаго его-же кровью и неумолимаго, звѣрски-безжалостнаго польскаго шляхетства.—И національное чувство, и совѣсть, и долгъ пастыря требовали отъ него непосредственнаго, немедленнаго и живаго участія въ положеніи крестьянъ, заставляли его объяснить имъ законныя ихъ права и помочь осуществить ихъ. Но онъ сознавалъ свое крайнее безсиліе въ этомъ дѣлѣ, зналъ, что, вмѣшиваясь въ него, можетъ не только не улучшить, но даже ухудшить участь крестьянъ, а между тѣмъ рискуетъ цѣлою будущностью своею и семьей своей, подвергая себя мщенію грознаго въ то время панства.—Здѣсь я долженъ остановиться и объяснитьсь передъ читателемъ, который можетъ засыпать меня цѣлымъ градомъ вопросовъ.—Вѣроятно-ли, возможно-ли, чтобы помѣщики польскіе были тогда настолько сильны, что могли открыто противиться закону и, строго говоря, отмѣнять его? Куда-же смотрѣли мѣстныя власти, уѣздная и губернская администрація, состоявшая въ западномъ краѣ не изъ однихъ же поляковъ? Неужели даже и послѣ указанія, сдѣланнаго этой администраціи на преступное противодѣйствіе закону со стороны пановъ, противодѣйствіе это могло продолжаться? Что могъ сдѣлать помѣщикъ духовенству, если оно было совершенно право, указывая власти на такое серьезное преступленіе, какъ противозаконное продолженіе крѣпостническихъ порядковъ?—Я не стану оспаривать, что рассказываю я нѣчто невѣроятное, но тѣмъ не менѣе все это вѣрно. Описываемая мною эпоха тѣмъ и замѣчательна, что въ ней почти все невѣроятно, и невольно вызываетъ восклицаніе: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Для того, чтобы объяснить все, что творилось въ западномъ краѣ въ то время, нужно прійти только къ одному предположенію о всеобщемъ умственномъ затмѣніи у русскаго элемента въ краѣ. Гоголь правду сказалъ, что если Богъ захочетъ кого покарать, то прежде отниметъ разумъ. Промыслу угодно было испытать

Россію въ періодъ польскаго возстанія, и только временнымъ парализованіемъ умственныхъ силъ и ихъ дѣятельности у русскихъ людей въ западномъ краѣ можно объяснить возможность возстанія и предшествовавшихъ ему явленій. Чѣмъ другимъ, спрашиваю я, можно объяснить такія, напримѣръ, непонятныя, поразительныя явленія, какія мы увидимъ, если прослѣдимъ подробно ту исторію крестьянскаго освобожденія въ западномъ краѣ, которую мы начали выше рассказывать?

Мы оставили священника послѣ взволновавшей его бесѣды съ крестьянами въ раздумьѣ о томъ, что дѣлать, какъ помочь крестьянскому горю? Естественный отвѣтъ былъ одинъ: нужно разъяснить крестьянамъ, что, по Положенію о крестьянахъ, они свободны, не обязаны нести барщины и имѣютъ право получить поземельный надѣлъ, и не такой, какой вздумалось-бы дать помѣщику, а опредѣленный закономъ. Узнавши свои законныя права, крестьяне естественно отказывались отъ барщины и домогались надѣловъ. Помѣщикъ доносилъ полиціи, что крестьяне въ такомъ-то селѣ бунтуютъ; изъ полиціи донесеніе летѣло выше. Администрація била тревогу; двигались войска, для усмиренія мнимыхъ бунтовщиковъ. Съ ними ѣхала уѣздная или губернская власть для водворенія порядка. Власть и войско толпа крестьянъ встрѣчала колѣнопреклоненно и съ хлѣбомъ-солью. Несмотря на эти очевидныя проявленія покорности и добрыхъ чувствъ, начинались безобразныя сцены самой бессмысленной и несправедливой расправы. По распоряженію прибывшей съ солдатами власти,—иногда очень маленькой, но въ данномъ случаѣ съ наслажденіемъ изображавшей собою грозную Немезиду,—толпа крестьянъ оцѣплялась войскомъ и изъ нея по указанію помѣщика или его управляющаго, тоже, конечно, изъ ляховъ, отбирались „зачинщики“ „подстрекатели“ и „главные виновные“ и подвергались жестокому сѣченью розгами. Остальные наказывались „эксекуціей“, т. е. водвореніемъ въ ихъ домахъ прибывшихъ солдатъ или казаковъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Эти нежданые и непрошеные гости были очень разорительными постояльцами. Они быстро опустошали что называется —до тла хозяйскіе амбары и кладовыя, съѣдали послѣдняго поросенка,

послѣднюю курицу, вдобавокъ порядкомъ глумились надъ окончательно присмирѣвшимъ хозяиномъ, и когда они уходили населеніе долго не могло опомниться и поправиться послѣ ихъ опустошительнаго наѣзда.

Между тѣмъ зоркій и чуткій панъ, узнавши, что крестьяне обращались за совѣтами къ священнику, нашептывалъ прибывшей власти, что священникъ былъ подстрекателемъ крестьянъ къ волненію и бунту. И несчастный священникъ подвергался незаслуженной карѣ. Помѣщики польскіе до возстанія имѣли громадное вліяніе на уѣздную и губернскую администрацію въ краѣ. Болѣе крупные изъ нихъ, такъ называемые „магнаты“, были не безъ сильныхъ связей и съ высшими столичными сферами, а поэтому само собою понятно, что они имѣли полную возможность сдѣлать съ бѣднымъ деревенскимъ священникомъ все, что имъ было угодно.

Спрашивается теперь, была ли какая-нибудь возможность для православнаго духовенства, напуганнаго прошлымъ горькимъ опытомъ расплаты за вмѣшательство въ борьбу сильнаго со слабымъ, заявлять властямъ о фиктивности покупокъ русскими польскихъ имѣній и объ обратномъ переходѣ ихъ въ польскія руки? Это было тѣмъ болѣе небезопасно, что, къ удивленію, въ описанныхъ выше сдѣлкахъ принимали иногда участіе люди, занимавшіе довольно высокое положеніе въ бюрократическомъ мірѣ. Этого мало: по инициативѣ Московскихъ Вѣдомостей наша пресса въ свое время открыто указывала на тотъ чудовищный фактъ, что въ періодъ генералъ-губернаторства Потапова въ сѣверо-западномъ краѣ преобладаніе польскаго элемента надъ русскимъ находило видимую поддержку и въ мѣстной центральной администраціи. Что-же могло подѣлать православное духовенство, обреченное на молчаливое нравственное страданіе при видѣ того, какъ разбиваются и уничтожаются одинъ за другимъ намѣченные въ Бозѣ почившимъ Государемъ планы для правителей края, имѣвшіе цѣлью сдѣлать его дѣйствительно, а не по имени только русскимъ?... Впрочемъ, являлись одинокіе борцы за идею обрусенія, громко протестовавшіе противъ полонофильскаго направленія мѣстныхъ властей. Покойный Виленскій епископъ преосвященнѣй-

пшій Смарагдъ въ бытность свою еще іеромонахомъ и смотрителемъ Виленскаго духовнаго училища произнесъ въ 1868-мъ году проповѣдь, въ которой коснулся развѣдавшей въ то время край польско-католической язвы и отношеній къ ней администраціи. Испытанія, постигшія его за эту пастырскую патриотическую проповѣдь, были настолько необыкновенны, что познакомиться съ ними по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Литовскими Епархіальными Извѣстіями, весьма поучительно.

„Въ половинѣ апрѣля 1868 года, числа 17 или 18, часовъ въ 8 вечера, въ зданіе училища явился келейникъ бывшаго тогда митрополита Литовскаго, преосвященнаго Іосифа, и заявилъ, что митрополитъ требуетъ къ себѣ немедленно о. Смарагда. Это требованіе поразило все училище, начиная съ самаго начальника. Каждому было хорошо извѣстно, что въ такое „позднее время“ митрополитъ никого не беспокоилъ и не призывалъ къ себѣ даже по служебнымъ дѣламъ. Поэтому было ясно для всѣхъ, равно какъ и для самого зрителя, что это требованіе вызвано какими-то особенными обстоятельствами, какимъ-то особенно важнымъ дѣломъ, „нетерпящимъ отлагательства“. Не теряя ни минуты, о. Смарагдъ отправился къ митрополиту и, возвратившись черезъ полчаса, сообщилъ своему помощнику, „что его (о. Смарагда) телеграммою на имя митрополита, вызываютъ въ Петербургъ, куда онъ, по приказанію владыки, долженъ сейчасъ-же и отправиться, но когда оттуда придется возвратиться, и что его тамъ ожидаетъ, онъ не знаетъ и самъ митрополитъ ничего не сообщилъ ему объ этомъ“. Въ тотъ-же вечеръ, въ 11 часовъ, о. Смарагдъ былъ уже на желѣзной дорогѣ, такъ что „не успѣлъ даже передать формально дѣлъ училищнаго правленія, и лично для себя успѣлъ захватить самое лишь необходимое“. Уѣзжая изъ Вильны, о. Смарагдъ отклонилъ всякіе проводы, заявивъ, „что за нимъ, какъ ему кажется, будутъ наблюдать“.

Что было затѣмъ съ о. Смарагдомъ въ Петербургѣ, онъ рассказываетъ въ письмѣ на имя покойнаго митрополита Іосифа. Вотъ оно:

„Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

„Простите меня, ваше высокопреосвященство, что я не извѣстилъ васъ о моемъ положеніи вскорѣ по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ. Я подвергся здѣсь такому тяжелому испытанію, что, пораженный и смущенный, долго не могъ прійти въ себя: я не помнилъ, что со мной дѣлали. И теперь, когда я уже помѣщенъ въ Александро-Невской лаврѣ, нахожусь постоянно въ страхѣ. Переданный на руки отца намѣстника, я теперь остерегаюсь выходить изъ лавры, остерегаюсь встрѣчаться съ знакомыми, боюсь и принимать къ себѣ кого-либо. Даже недоумѣваю и о томъ, могу-ли я теперь писать къ вашему высокопреосвященству.... Но я долженъ писать. Смѣю-же просить васъ, милостивѣйшій архипастыръ, выслушать мой рассказъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ (въ 7¹/₂ час. веч.) я прямо поѣхалъ въ канцелярію оберъ-прокурора Св. Синода. Въ 10 уже часовъ позвалъ меня Юрій Васильевичъ Толстой. Не спросивъ моего формулярнаго списка, не потребовавъ моей проповѣди и не выслушавъ даже меня, онъ только укорялъ меня, зачѣмъ я произнесъ политическую проповѣдь. При этомъ онъ передалъ мнѣ содержаніе проповѣди, но, къ сожалѣнію, не въ тѣхъ выраженіяхъ и не въ томъ духѣ. Я молчалъ. Такъ мнѣ было больно! „Какъ вамъ не стыдно“, прибавилъ г. Толстой: „говорить такія проповѣди? Вы оскорбляете генераль-губернатора Потапова. Вы сейчасъ должны ѣхать въ III отдѣленіе“. Было 11 часовъ вечера, когда я на курьерскихъ съ дежурнымъ чиновникомъ поѣхалъ въ III отдѣленіе. Я былъ въ формѣ. Вотъ мы проѣхали въ темныя ворота, въ глухой дворъ. Затѣмъ повели меня какими-то довольно мрачными корридорами и, наконецъ, при бумагѣ отъ г. Толстого, меня передали на руки дежурнаго чиновника. При этой мрачной и при томъ полуночной обстановкѣ, при этихъ таинственныхъ лицахъ, съ виду ласковыхъ, не трудно вообразить себя дѣйствительнымъ государственнымъ преступникомъ. Простите меня, ваше высокопреосвященство, что я вхожу въ подробности моего рассказа. Я пишу, какъ было. Я былъ увѣренъ, что въ III отдѣленіи сдѣлаютъ мнѣ допросъ и скоро отпустятъ. Не такъ случилось: или въ это время обо мнѣ не докладывали, или-же самому начальнику штаба по корпусу жандармовъ ге-

нералу Мезенцеву не угодно было въ такое позднее время говорить со мною, не знаю,—только мнѣ предложили обождать до завтра. Что будетъ со мною? былъ мой вопросъ къ дежурному офицеру, когда я отправлялся въ его дежурную комнату для ночлега. Ни отвѣта, ни привѣта. Измученный, я бросился на диванъ и заплакалъ, какъ дитя. Мнѣ предложили тутъ даровой чай и ужинъ, какъ это дѣлаютъ съ арестованными лицами. Было далеко за полночь, когда я немного уснулъ. Черезъ 2 часа я пробудился, такъ что въ 6 часовъ утра я уже былъ на ногахъ. А вопросъ: скоро-ли будетъ конецъ этой мучительной неопредѣленности въ моемъ положеніи, тяжелѣе камня давилъ мою грудь. Жду. Въ 12 часовъ приходитъ ко мнѣ генералъ Мезенцевъ. Приказавъ подать мнѣ кушать и обратившись ко мнѣ, сказалъ: „не знаю, зачѣмъ васъ, о. Смарагдъ, прислали къ намъ. Это дѣло Юрія Васильевича. Я сію минуту поѣду къ нему, а вы все-таки подождите“. И вотъ уже въ 4 часа пополудни меня позвали къ начальнику. Что-же? Начальникъ Мезенцевъ, взявъ меня за руку, сказалъ только: „не тревожьтесь много. Вышли *нѣкоторыя недоразумѣнія*. Васъ, вѣроятно, переведутъ въ другую епархію. Поѣзжайте къ Юрію Васильевичу“. А экзекуторъ изъ канцеляріи оберъ-прокурора уже здѣсь. И вотъ я выѣхалъ на Божій свѣтъ и отъ избытка неопредѣленныхъ чувствъ опять уронилъ слезу. Въ 5 часовъ я былъ въ канцеляріи оберъ-прокурора. Такимъ образомъ, въ III отдѣленіи я пробылъ 17 часовъ. И не было никакого допроса! Въ канцеляріи оберъ-прокурора я ночевалъ. Утромъ, въ 9 часовъ (27 апрѣля) по предварительному распоряженію и докладу, я явился къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору, который милостиво выслушалъ мой короткій рассказъ и взялъ къ себѣ мою проповѣдь. Между прочимъ, мнѣ дали въ лаврѣ хорошую квартиру; питаюсь отъ монастырской братской трапезы. Долго-ли я проживу въ лаврѣ, и какую дадутъ мнѣ должность, я не знаю, и потому теперь скучаю, постоянно воспоминаю о ввѣренныхъ мнѣ вашимъ высокопреосвященствомъ воспитанникахъ училища. Я имѣлъ счастье пользоваться вашимъ архиастырскимъ милостивымъ вниманіемъ, служа покойно, съ любовію и усердіемъ подъ ва-

шимъ водительство. Мнѣ это дорого. Никогда не забуду. Теперь же падаю къ святительскимъ стопамъ вашимъ и умоляю, защитите меня отъ напасти, въ которой я нахожусь. Если я проповѣдывалъ неразумно, опрометчиво, накажите меня сами, но защитите отъ непризванныхъ. Въ заключеніе скажу, что есть слухи, что проповѣдь моя 1-го мая была читана въ Св. Синодѣ. Высокопреосвященнѣйшій Исидоръ говорилъ, что онъ въ проповѣди не находитъ ничего такого... Другіе члены — тоже, съ выраженіемъ негодованія на арестованіе меня. Протопресвитеръ Бажановъ взялъ эту проповѣдь къ себѣ. Простите за смѣлость писать къ вамъ.

Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, нижайшій послушникъ и богомолецъ іеромонахъ Смарагдъ. 3 мая 1868 г. С.-Петербургъ“.

Только благодаря тому счастливому обстоятельству, что въ судьбѣ о. Смарагда приняла участіе такія высокопоставленныя лица, какъ митрополиты Іосифъ и Исидоръ, а также вліятельный въ высшихъ сферахъ протопресвитеръ Бажановъ, взведенное на о. Смарагда серьезное обвиненіе въ политической неблаговадежности оказалось простымъ *недоразумѣніемъ* и о. Смарагдъ отдѣлался только арестомъ да вынужденнымъ путешествіемъ и вскорѣ даже получилъ видное мѣсто настоятеля русской посольской церкви въ Константинополь. Не будь у него такихъ высокихъ заступниковъ, его могла-бы ожидать весьма печальная участь. И однако скоро послѣ исторіи о. Смарагда само правительство, благодаря указаніямъ главнымъ образомъ Московскихъ Вѣдомостей, убѣдилось, на сколько правъ былъ сдержанный протестъ о. Смарагда противъ цолонофильства русской администраціи въ западномъ краѣ. Оказалось, что плоды усилій истинно-русскихъ людей, трудившихся надъ обрусеніемъ края въ первое время послѣ возстанія, старавшихся возстановить давно подавленные въ краѣ право, правду и православіе, мало по-малу стали исчезать, благодаря цанско-ксевдзовской интригѣ, находившей поддержку въ администраціи. Къ счастью для края, зло было пресѣчено въ самомъ корнѣ: высшіе представители мѣстной администраціи были отозваны и замѣнены людьми другаго направленія.

Прежнія отношенія православнаго западно-русскаго духовенства къ мѣстному *чиновничеству* мы уже видѣли отчасти при обзорѣ отношеній духовенства къ дворянству, къ помѣщикамъ. Остается сказать немного, чтобы охарактеризовать взглядъ чиновничьяго элемента на духовенство русское и ихъ взаимныя отношенія. Въ періодъ, предшествовавшій возстанію, служилый элементъ въ западномъ краѣ состоялъ почти исключительно изъ однихъ поляковъ. Русскіе люди въ этой сферѣ если и встрѣчались, то были настолько ополячены, что только по вѣроисповѣданію отличались отъ коренныхъ поляковъ. Слившись съ польскимъ населеніемъ и по складу понятій, и по внѣшнему быту, русскіе чиновники раздѣляли взглядъ поляковъ на православное духовенство и относились къ нему съ предубѣжденіемъ и свысока. Въ городахъ бывали, конечно, исключенія. Городское духовенство, среди котораго часто встрѣчались и люди съ высшимъ академическимъ образованіемъ, и по своему умственному уровню, и по образу жизни, и по матеріальнымъ средствамъ стояло если не выше, то во всякомъ случаѣ не ниже большинства мѣстныхъ чиновниковъ. Поэтому въ городахъ было больше общаго между духовенствомъ и чиновниками; было взаимное знакомство, было и нѣкоторое вліяніе духовенства на прихожанъ изъ чиновничьей среды. Надо сказать однако, что вліяніе это было скорѣе вліяніемъ добраго знакомаго, чѣмъ пастыря и духовнаго отца. Во всякомъ случаѣ городское духовенство, благодаря описаннымъ условіямъ, держалось съ бѣльшимъ достоинствомъ и независимостью относительно чиновниковъ, чѣмъ духовенство сельское. Это послѣднее рѣдко имѣло дѣло съ администраціей. Оно привыкло видѣть представителей власти лишь въ особенно важныхъ и исключительныхъ случаяхъ, когда все село было въ волненіи и страхѣ при видѣ, напримѣръ, исправника, прискакавшаго для дознанія о какомъ-нибудь крупномъ преступленіи, или становаго пристава, примчавшагося для вскрытія „мертвого тѣла“. Въ такихъ случаяхъ власть любила показать себя грозною и дѣйствительно наводила ужасъ на все мѣстное сельское населеніе. Общій страхъ уже и самъ по себѣ долженъ былъ отражаться на духовенствѣ; но помимо этого и са-

мыя отношенія чиновниковъ къ духовенству ничего кромѣ боязни и желанія держаться подалше отъ нихъ не могли вызвать. То было блаженное время для чиновниковъ гоголевскаго типа, стремившихся быть грозой для населенія, чтобы удобнѣе получать отъ него „кормленіе“ и „благодарность“. Общей участи подчинялось и духовенство. Чиновничество было необыкновенно остроумно въ изобрѣтеніи поводовъ къ тому, чтобы безнаказанно получить взятку. Умеръ, напримѣръ, человекъ. Смерть явилась вслѣдствіе какихъ-нибудь естественныхъ причинъ, но безъ продолжительной болѣзни. Дѣло происходитъ лѣтомъ и, въ виду начавшагося разложенія трупa, родственники умершаго просятъ похоронить его. Хоронится онъ, по установленному обычаю, на третій день послѣ смерти. Кажется, все сдѣлано правильно и законно; но не такъ смотритъ на этотъ случай становой приставъ. Приѣхавши въ село случайно-ли, или вслѣдствіе донесенія о скоростижной смерти, онъ начинаетъ „распекать“ священника за совершеніе погребенія безъ разрѣшенія его, стаповаго пристава. Начинаются угрозы, застрачиванія и перепуганный батюшка спѣшитъ умоливать разгнѣванную власть посильнымъ приношеніемъ, послѣ чего сразу дѣло принимаетъ другой оборотъ. Благодаря такимъ отношеніямъ, духовенство въ періодъ до послѣдняго возстанія всегда побаивалось чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, по большей части поляки, были совершенно чужды ему и относились къ нему съ большимъ „гоноромъ“. Послѣ возстанія отношенія нѣсколько измѣнились. Съ одной стороны, поляки-чиновники исчезли, уступивъ мѣста русскимъ, которые не могли не оцѣнить въ православномъ духовенствѣ патріотической роли защитниковъ русской народности въ краѣ, охваченномъ мятежнымъ движеніемъ. Эта роль, впрочемъ, была оцѣнена главнымъ образомъ высшею властью, а ея взгляду должны были слѣдовать и низшіе представители администраціи. Съ другой стороны, эта оцѣнка произвела подъемъ духа и въ самомъ духовенствѣ, вызвала въ немъ большее, сравнительно съ прежнимъ, сознаніе своего достоинства. При томъ-же, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, бытъ ихъ значительно улучшился и въ связи съ этимъ естественно улучшилось и матеріальное поло-

женіе духовенства, а съ приниженіемъ польскаго помѣщичьяго элемента, въ деревняхъ священникъ сталъ пользоваться гораздо высшимъ положеніемъ, переставъ зависѣть отъ помѣщиковъ въ матеріальномъ и другихъ отношеніяхъ. Все это вмѣстѣ привело къ тому, что теперь въ западномъ краѣ православное духовенство держится съ чиновничьимъ элементомъ независимѣе и самоувѣреннѣе сравнительно съ прежнимъ. Часто встрѣчаются и совершенно близкія, фамиллярныя отношенія между ними, неустанавливающія, однако, особеннаго вліянія духовенства. Здѣсь постоянно примѣняется пословица: „дружба дружбой, а служба службой“ и, къ сожалѣнію, не въ лучшемъ ея смыслѣ, т. е. не въ томъ, что никакія личныя отношенія не должны вліять на служебный долгъ, а въ худшемъ, именно въ томъ, что никакая дружба не заставитъ чиновника отказаться отъ своихъ личныхъ выгодъ, приносимыхъ службой. Такимъ образомъ напрасно вздумало-бы духовенство путемъ мирнаго, пастырскаго вліянія устранивать неприглядныя явленія въ дѣятельности чиновниковъ. Это было бы бесполезнымъ трудомъ. Еще печальнѣе бывали послѣдствія болѣе энергичнаго протеста со стороны духовенства противъ открытыхъ злоупотребленій разныхъ должностныхъ лицъ. Для лучшей иллюстраціи сказаннаго приведу два примѣра изъ своихъ личныхъ наблюденій. Приводимые факты очень рельефно характеризуютъ взаимныя отношенія чиновниковъ и духовенства въ западномъ краѣ.

Въ городѣ N строился соборъ и такъ какъ существовавшая до тѣхъ поръ въ городѣ *единственная деревянная церковь* пришла въ такую ветхость, что грозила паденіемъ, а средствъ на постройку новой церкви не давали ни городское управленіе, ни прихожане, то правительство отпустило на постройку около 100,000 руб. изъ казны. Взавшій на себя подрядъ по постройкѣ собора купецъ оказался несостоятельнымъ, и такъ какъ онъ выбралъ изъ церковно-строительнаго комитета не мало денегъ впередъ, то комитетъ распорядился отобрать въ пользу церкви находившіеся у него въ запасѣ строительныя матеріалы. Эти разнородныя матеріалы были сложены въ оградѣ строившейся церкви. Между тѣмъ самъ злополучный подрядчикъ сошелъ съ ума и былъ отданъ въ больницу, а надъ

имуществомъ его была учреждена опека и опекуномъ избранъ одинъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ. Евреи, давно разсмотрѣвшіе черезъ невысокую церковную ограду сложенные за ней матеріалы, поняли, что теперь самая благопріятная пора приобрести ихъ за безцѣнокъ. Они вошли въ очевидную сдѣлку съ опекуномъ надъ имуществомъ подрядчика, предъявили искъ къ нему по какой-то фиктивной претензіи, опекунъ поспѣшилъ признать искъ правильнымъ и онъ былъ удовлетворенъ. Получивши исполнительный листъ на взысканіе присужденной суммы, евреи передали его судебному приставу и просили описать и продать за долгъ указанные выше матеріалы, сложенные въ оградѣ строившагося собора. Нужно замѣтить, что судебный приставъ былъ членомъ церковнаго попечительства при соборной церкви и, кажется, даже и членомъ уѣзднаго церковно-строительнаго комитета, что поэтсму онъ очень хорошо зналъ, кому принадлежать строительные матеріалы, зналъ, что они давно уже составляютъ собственность церкви, а не подрядчика и наконецъ не могъ не знать, что за долгъ частнаго лица нельзя описывать имущество, находящееся въ фактическомъ владѣніи (не говоря уже о правѣ собственности) церкви. Но, какъ видно, евреи знали, съ кѣмъ имѣли дѣло, умѣли повліять на податливаго судебного пристава и онъ оказался очень услужливымъ исполнителемъ ихъ хищническихъ плановъ, пожертвовавъ для нихъ своимъ служебнымъ долгомъ. Опись церковнаго имущества произведена была такъ скрытно, что соборный протоіерей, причтъ и староста ничего о ней не знали. Объявленіе о продажѣ было выставлено гдѣ-то въ незамѣтномъ мѣстѣ, а самая продажа, благодаря предварительной стачкѣ участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ, произведена была по такой низкой цѣнѣ, что купившіе матеріалы евреи въ тотъ-же день перепродали ихъ съ громаднымъ барышомъ. Покупатели-евреи смѣло вошли въ церковную ограду и стали забирать купленные ими матеріалы. Въ это время около строившагося собора находился протоіерей. Увидя, что евреи распоряжаются церковнымъ имуществомъ какъ хозяева, онъ съ негодованіемъ хотѣлъ задержать имущество, требуя объясненій отъ евреевъ, какое право они имѣютъ на церков-

ную собственность. Евреи дерзко отвѣтили ему, что это не его дѣло, что они берутъ свои вещи, купленныя на торгахъ, и что онъ не смѣетъ препятствовать имъ. Взволнованный необъяснимымъ для него поведеніемъ евреевъ, оскорбленный ихъ грубымъ обращеніемъ, старикъ-протоіерей отправился къ предсѣдателю мирового съѣзда, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ и участковымъ мировымъ судьей, съ жалобой на неправильную продажу за чужой частный долгъ церковнаго имущества. Насколько мнѣ помнится, предсѣдатель съѣзда былъ, также какъ и судебный приставъ, членомъ и церковнаго попечительства, и церковно-строительнаго комитета и, слѣдовательно, не могъ не знать, что строительные матеріалы, сложенные въ церковной оградѣ, составляли безспорную собственность церкви. Съ другой стороны, изъ разказа протоіерея онъ могъ видѣть, что при описи и продажѣ церковнаго имущества былъ допущенъ цѣлый рядъ не только нарушеній закона, но явно умышленныхъ злоупотребленій. Не смотря на все это, онъ нашель дѣйствія судебного пристава совершенно правильными и законными и оставилъ безъ послѣдствій жалобу протоіерея. Люди, сочувствовавшіе положенію послѣдняго, посоветовали ему обратиться съ жалобой на расхищеніе церковнаго имущества къ губернатору, какъ къ предсѣдателю губернскаго церковно-строительнаго комитета. Губернаторъ потребовалъ свѣдѣній отъ предсѣдателя съѣзда, но тотъ оправдывалъ по прежнему образъ дѣйствій судебного пристава. Губернатору пришлось обратиться къ содѣйствію губернской прокуратуры и только благодаря ея настояніямъ виновный судебный приставъ былъ лишенъ должности; но все-же церковь осталась невознагражденною за убытки. Такъ отнеслись къ церкви и къ ея настоятелю, своему духовному отцу, его прихожане—чиновники, бывшіе съ нимъ по внѣшности въ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ....

Въ другомъ случаѣ самому священнику пришлось пострадать, когда онъ рѣшился постоять за правое дѣло, заступиться за несчастныхъ крестьянъ, эксплуатируемыхъ евреемъ. Въ приходѣ этого священника было имѣніе генерала, жившаго въ Петербургѣ и отдававшего свои земли въ аренду богачу-еврею. Еврей платилъ за имѣніе дороже нормальныхъ цѣнъ

и за это пользовался особенною расположенностію помѣщика, дорожившаго выгоднымъ арендаторомъ и покровительствовавшаго ему. Впрочемъ и самъ этотъ еврей, какъ крупный помѣщикъ и заводчикъ, имѣлъ большой вѣсъ и пользовался вліяніемъ на чиновниковъ, получавшихъ отъ него подарки въ видѣ сахара съ его завода, дровъ изъ его лѣсовъ и т. п. Въ его роскошномъ домѣ въ пріемной можно было встрѣтить немало просителей, которыхъ онъ принималъ сидя въ раззолоченномъ креслѣ, стоявшемъ на пьедесталѣ. На еврейской головѣ бросалась въ глаза шитая золотомъ „ермолка“, имѣвшая видъ короны. Словомъ, получалось такое впечатлѣніе, что предъ вами сидитъ на тронѣ какой нибудь владѣтельный князь. Въ арендуемомъ этимъ богатымъ евреемъ имѣніи былъ огромный прудъ съ плотиною, обязанность поддерживать ее въ исправности лежала на арендаторѣ. Въ одну весну сильное наводненіе размыло плотину. вмѣсто того, чтобы починить ее собственными средствами, арендаторъ попросилъ волостныхъ урядниковъ согнать для починки крестьянъ. Услужливые для еврея урядники, получившіе отъ него, конечно, хорошую подачку, согнали на работу цѣлыя сотни крестьянъ и эти бѣдняки въ горячее весеннее время, когда каждый день такъ дорогъ для сельскаго хозяина, должны были бесплатно нести тяжелую работу, не подозрѣвая даже, что трудъ ихъ эксплуатируется евреемъ, что возложенная на нихъ работа нисколько для нихъ не обязательна. Мѣстный священникъ, узнавши въ чемъ дѣло, былъ понятно возмущенъ этою безцеремонною продѣлкою волостныхъ чиновъ, содѣйствовавшихъ еврею въ безсердечной эксплуатаціи крестьянскаго труда. Въ газетѣ „Кіевлянинъ“ появилась корреспонденція, въ живыхъ краскахъ обрисовавшая возмутительный фактъ. Губериское начальство обратило вниманіе на корреспонденцію и поручило исправнику произвести дознаніе. По возвращеніи исправника послѣ дознанія я распросилъ его, что имъ обнаружено. Онъ началъ съ упрековъ священнику, который по разслѣдованію оказался авторомъ газетной статьи, да и самъ не скрывалъ этого. Исправникъ кипятился при одномъ воспоминаніи о священникѣ. „Это беспокойный человекъ,— рассказывалъ онъ

мнѣ, — кляузникъ, пишетъ вздорныя статьи, тревожитъ начальство, губернатора, заставилъ меня скакать за 35 верстъ“.... „Но позвольте, перебилъ я его, — развѣ извѣстія, сообщенныя священникомъ, оказались вздоромъ?“ — „Да положимъ, въ сущности они были вѣрны; какъ я дозналъ, дѣйствительно подводъ 300 было согнано для работъ и крестьяне работали бесплатно, хотя по арендному контракту починка плотины возложена на арендатора; но какое дѣло священнику-то до всего этого? Пусть онъ знаетъ свою службу и не кляузничаетъ. Ну, да это ему не пройдетъ даромъ“.— „Какъ, — спросилъ я, пораженный такими дикими взглядами, — вы сами признаете, что священникъ написалъ правду и вмѣсто того, чтобы благодарить его за разоблаченіе безобразій, дѣйствительно случившихся, вы его-же обвиняете! Что-же, по вашему, — онъ долженъ молчать, какіе-бы вопіющіе факты около него ни случались?“... — Къ сожалѣнію, подобныхъ господъ ничѣмъ не вразумишь. Но что особенно грустно и удивительно, высказанныя мнѣ нелѣпыя угрозы по адресу священника сбылись. Его дѣйствительно постигла незаслуженная, несправедливая кара: помнится мнѣ, его или совсѣмъ лишили мѣста, или перевели въ какой-то захолустный бѣдный приходъ. Очень можетъ быть, что этому содѣйствовало и донесеніе исправника, который могъ и въ оффиціальномъ рапортѣ аттестовать священника также, какъ и въ словесныхъ отзывахъ. Къ тому-же еврей, послѣ напечатанія корреспонденціи и пріѣзда исправника, повидимому, струсившій, поспѣшилъ увѣдомить о случившемся помѣщика-генерала. Изъ Петербурга прибылъ зять помѣщика, особа вліятельная и по тестю, и сама по себѣ лично. Благодаря ея участию и связямъ, дѣло сразу приняло совершенно неожиданный оборотъ: плотина, принадлежащая частному владѣльцу, волшебнымъ образомъ превратилась въ „транспортную дорогу“, обязанность арендатора чинить ее, признанная имъ самимъ по контракту, совершенно игнорирована и свалена на безропотныхъ крестьянъ, а изобличитель неправды обратился въ „кляузника“ и „лжедоносителя“; — словомъ произошла такая путаница ролей, такое смѣшеніе понятій и такое пораженіе правды неправдой, что самъ Ме-

фистофель остался-бы доволенъ.—Вѣдь вотъ и ве преданіе, и совсѣмъ недавнія событія и все-же вѣрится съ трудомъ! А между тѣмъ приведенные мною факты вовсе не являются исключеніемъ. Исслѣдователь западно-русскаго края можетъ встрѣтить подобныя явленія очень часто. Изученіе и разъясненіе причинъ такихъ ненормальныхъ до невѣроятности явлений завело-бы насъ очень далеко и отвлекло-бы отъ избранной нами задачи. Поэтому я ограничусь указаніемъ лишь на одну причину свойственную исключительно западному краю и породившую не мало зла. Когда произошло послѣднее польское возстаніе, высшая администрація западнаго края принялась за очищеніе служилаго элемента въ немъ отъ поляковъ. Но очищеніе происходило крайне своеобразно: полякъ принявшій православіе, оставался на мѣстѣ, какъ будто-бы онъ переставалъ быть полякомъ и дѣлался русскимъ, и какъ будто-бы уже самый переходъ въ православіе изъ за матеріальныхъ цѣлей не рекомендовалъ его съ очень дурной стороны какъ въ нравственномъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ. Въ результатѣ оказалось, что на службѣ уцѣлѣли едва-ли не самыя худшіе по принципамъ и направленію изъ чиновниковъ-поляковъ. Положимъ, осталось ихъ немного, но все таки вполнѣ достаточно, чтобы внести нравственную заразу въ ту новую чиновничью массу, которая бросилась цѣлыми толпами изъ Малороссіи и Великороссіи въ западный край на призывъ начальства по удаленіи отъ службы поляковъ-католиковъ. Теперь это уже общепризнанный фактъ, что значительное большинство чиновниковъ, отозвавшихся на призывъ, бросившихъ родину и промѣнявшихъ ее на сомнительныя выгоды, представлявшіяся на новомъ мѣстѣ служенія, стояло на очень невысокомъ уровнѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Да оно и понятно: лучшимъ чиновникамъ не дурно жилось и на родинѣ. Будь еще на новомъ мѣстѣ болѣе тщательный выборъ при опредѣленіи на должности, зло можно было-бы хотя уменьшить. Къ сожалѣнію и этого не было. Вдобавокъ неустойчивый въ нравственномъ отношеніи контингентъ новоприбывшихъ чиновниковъ русскихъ сразу подпалъ подъ вліяніе старыхъ чиновниковъ-поляковъ, уцѣлѣвшихъ благодаря

принятію православія, и они знакомили новыхъ товарищей съ такими тайнами чиновничьей дѣятельности, которыя собственно въ Россіи вывелись еще въ 50-хъ годахъ, но въ дореформенномъ западномъ краѣ царили еще неограниченно, въ видѣ отдачи слабаго и бѣднаго въ жертву сильному и богатому, въ видѣ продажи правосудія и т. д. Теперь, надѣюсь, понятно, почему такой человѣкъ, какъ священникъ, выступившій съ обличеніемъ неправды сильныхъ людей, ничего другаго кромѣ преслѣдованій не могъ ожидать даже и въ новѣйшее время, при болѣе самостоятельномъ отношеніи духовенства къ чиновничеству.

Мы видѣли до сихъ поръ, что въ жизни западно-русскаго края послѣднее польское возстаніе имѣло весьма важное значеніе въ томъ отношеніи, что вызвало цѣлый рядъ реформъ и перемѣнъ, чисто бытовыхъ, замѣтно измѣнившихъ жизнь мѣстнаго населенія и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. Во многихъ отношеніяхъ возстаніе было явленіемъ, рѣзко разграничивавшимъ два періода: до него и послѣ него. Особенно замѣтно отозвалось возстаніе на отношеніяхъ духовенства къ польскимъ помѣщикамъ и крестьянству составляющему, кажется, 95⁰/₀ мѣстнаго населенія.

До возстанія польскіе паны были почти неограниченными властителями края: имъ принадлежали почти всѣ безъ исключенія земли, фабрики и заводы, въ ихъ рукахъ были огромныя богатства; имъ же принадлежала и вся власть въ краѣ, такъ какъ должности административныя, судебныя и исполнительныя принадлежали почти исключительно имъ какъ въ службѣ по выборамъ, такъ и по назначенію отъ правительства. Въ деревняхъ полякъ-помѣщикъ былъ чѣмъ-то въ родѣ царька надъ цѣлой массой православныхъ крестьянъ и представлялъ солидную, грозную силу. Его боялись, его высоко почитали, предъ нимъ просто преклонялись. Общую участь раздѣляло и, говоря откровенно, даже и не могло не раздѣлять православное русское духовенство. При ничтожности содержанія (священники получали въ годъ жалованья отъ 90 до 120 руб. и только въ очень немногихъ приходахъ 140 р.; жалованье же діаконѣвъ и причетниковъ было ничтожно до

невѣроятности), духовенство всецѣло зависѣло отъ милости пана. Захочетъ онъ дать ему хлѣба, скота, лѣса, помочь крестьянскимъ трудомъ, и священникъ съ причтомъ будутъ сыты и обеспечены съ семьями; разсердился панъ на духовныхъ, запретилъ отпускать имъ изъ „экономіи“ разныя „бенефиціи“ (такъ по-польски называются подарки или пожертвованія помѣщиковъ), запретилъ пускать крестьянъ къ нимъ на работы, и священникъ съ причтомъ рискуютъ остаться впроголодь на всю зиму, такъ какъ имъ трудно будетъ даже засѣять свои ружныя поля и убрать хлѣбъ съ нихъ, скосить и свезти сѣно и т. д. Объ обеспеченіи семьи и воспитаніи дѣтей при панской немилости нечего и думать. Этого мало; самое существованіе духовенства на мѣстахъ зависѣло отъ пановъ, особенно отъ пановъ крупныхъ. Благодаря своимъ связямъ и вліянію, они имѣли полную возможность удалить съ прихода то или другое лицо подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. Епархіальное начальство всегда придаетъ значеніе просьбамъ цѣлаго общества прихожанъ, а въ данномъ случаѣ помѣщикъ могъ съ полнымъ основаніемъ сказать: „приходъ и прихожане это — я“ и отъ имени всѣхъ прихожанъ могъ исать и дѣлать все, чтѣ-бы ему ни вздумалось.

Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія русскаго православнаго духовенства было-то, что оно, скрѣпя сердце, должно было преклоняться предъ польскими помѣщиками, заискивать у нихъ, стараться угождать имъ всѣми способами. По своей національной нетерпимости, по своему польскому гонору и нескрываемому презрѣнію ко всему русскому, польскій панъ не выносилъ русской рѣчи, не зналъ и не хотѣлъ знать ея и вотъ русское духовенство волей неволей выучилось польскому языку и говорило на немъ несомнѣнно лучше и правильнѣе, чѣмъ на родномъ русскомъ языкѣ. Невѣроятно, но вѣрно! Жены и дѣти духовенства, допускавшіяся иногда изъ милости къ знакомству съ помѣщичьимъ семействомъ, но болѣе водившія знакомство съ семействами разныхъ „оффиціалистовъ“ (штатъ служащихъ въ помѣщичьей экономіи) и почти не слышавшія русской рѣчи, такъ какъ между оффиціалистами *никогда не бы-*

вало ни одного русскаго ¹⁾, весьма естественно разучивались и совсѣмъ говорить по-русски. Затѣмъ вращаясь постоянно въ польскомъ обществѣ, ставя жизнь этого общества своимъ идеаломъ по богатству и усвоенію всѣхъ плодовъ культуры, считая это общество выше себя и въ умственномъ отношеніи, русское духовенство постепенно воспринимало и усваивало себѣ самые взгляды и убѣжденія польскихъ помѣщиковъ, старалось подражать имъ по мѣрѣ возможности даже и во внѣшнемъ бытѣ и образѣ жизни. Подражаніе это бросалось замѣтно въ глаза какъ въ предметахъ важныхъ и серьезныхъ, такъ и въ мелочахъ. Въ православныхъ церквахъ и въ домахъ русскаго духовенства можно было видѣть католическія изображенія, особенно чтимыя поляками, Ченстоховской и Бердичевской Богоматери, Сердца Іисусова и т. п. Подражаніе отразилось и въ религіозныхъ обрядахъ: такъ при совершеніи таинства св. крещенія православный обрядъ погруженія крещаемого въ воду замѣнился во многихъ мѣстностяхъ обливаніемъ. Во внѣшнемъ быту духовенства русскаго подражаніе польскому шляхетству проявлялось чуть не на каждомъ шагу. Строилъ-ли священникъ себѣ домъ, заводилъ-ли домашнюю обстановку, покупалъ-ли книги и картины, заказывалъ-ли экипажъ или костюмы для семьи, во всемъ онъ старался, насколько позволяли средства,—копировать если не самого пана, иногда недосыгаемаго для него магната и богача, то, по крайней мѣрѣ, его главнаго „ржонцу“, т. е. главноуправляющаго. Въ то время, какъ священники старались подражать панамъ, высшее духовенство ставило своимъ идеаломъ разныхъ панскихъ „оффиціалистовъ“, экономовъ и т. п. и по мѣрѣ возможности не отставало отъ нихъ въ своей домашней жизни.

¹⁾ Не мѣшало-бы обратить вниманіе на это развитіе національнаго чувства у польскихъ помѣщиковъ нашимъ русскимъ помѣщикамъ. Въ то время какъ наши щеголюють своимъ космополитизмомъ, принимаютъ къ себѣ на службу всякій иностраннѣй въ томъ числѣ и польскій сбродъ, благодаря главнымъ образомъ иностранному его происхожденію, и не протянуть руки, чтобы помочь нуждающемуся въ работѣ изъ за куска хлѣба своему брату, русскому человѣку; польскіе помѣщики систематически даютъ мѣста своимъ братьямъ и отказываютъ русскимъ рабочимъ. Здѣсь достойна подражанія, конечно, не національная *исключительность*, а національная *самопомощь*.

Подражаніе нашего духовенства польскому панству *во вѣтъи-немъ бытъ* въ общемъ было скорѣе полезно, чѣмъ вредно, исключая, конечно, тѣ рѣдкіе случаи, когда желаніе не отста- вать по образу жизни отъ помѣщика доводило духовенство до разоренія. Благодаря польскому вліянію, православное духо- венство въ западномъ краѣ знакомилось съ европейской лите- ратурой; въ домахъ его часто встрѣчались фортепяно и другіе музыкальные инструменты; въ церковныхъ усадьбахъ разводились сады и цвѣточныя клумбы; улучшалось вообще хозяйство, благодаря посѣвамъ лучшихъ сортовъ сѣмянъ, усовершенство- ваніямъ въ обработкѣ хлѣба и т. д. Взаимныя отношенія чле- новъ семьи русскаго духовенства становились деликатнѣе, мягче, сдержаннѣе. Кулачная расправа, физическое насиліе въ семьѣ становились рѣдкимъ явленіемъ. Въ домашнюю жизнь духо- венства все болѣе и болѣе проникали чистоплотность, акку- ратность, опрятность.

Но это польское вліяніе имѣло и свои дурныя стороны, осо- бенно въ отношеніи нравственномъ. Характеристическія от- тѣнки польскаго шляхетства постепенно стали отражаться и въ характерѣ нашего духовенства. Преобладающая черта если не всей польской національности, то, по крайней мѣрѣ, боль- шей части шляхетскаго элемента, это—отсутствіе прямоты, простоты, искренности во взаимныхъ отношеніяхъ, притворство, хитрость, лукавство. Это далеко не симпатичное качество при- вилось мало по-малу и къ нашему западно-русскому духовен- ству, въ которомъ оно нашло весьма благодарную почву для своего развитія, благодаря особенностямъ положенія духовен- ства. Эти особенности заключались въ необходимости лавиро- вать между противоположными требованіями различныхъ сферъ, отъ которыхъ зависѣло духовенство и которыя имѣли на него свое особенное вліяніе. Представители высшей епархіальной власти въ западномъ краѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, назначались не изъ мѣстнаго западно-русскаго духовенства и поэтому были свободны отъ католическаго вліянія, господство- вавшаго въ краѣ, были вполне русскими и православными людьми. При первомъ-же обзорѣ своихъ епархій они замѣ- чали какъ въ народѣ, такъ и въ самомъ духовенствѣ, въ церк-

вахъ, въ религіозныхъ обрядахъ, въ бытѣ духовенства много польско-католическаго, остатковъ уніатства. Съ этими остатками они немедленно начинали борьбу, требовали искорененія ихъ.

Долгъ приходскаго духовенства требовалъ, конечно, исполненія воли начальства, опиравшейся на правила Церкви и на законы государственные; но духовенство, особенно сельское, хорошо сознавало, какъ неприятна будетъ помѣщику-поляку эта борьба противъ католицизма, а отъ этого помѣщика духовенство, какъ уже объяснено, очень и очень зависѣло. И вотъ приходское духовенство, принужденное плыть между Сциллой и Харибдой, волей-неволей пріучается искусно лавировать между ними, притворяться, хитрить, скрывать свои дѣйствительныя убѣжденія и казаться тѣмъ, чѣмъ выгоднѣе: ревностнымъ православнымъ въ глазахъ архіерея и полукатоликомъ въ глазахъ помѣщика.

Къ такому же незавидному результату приводило духовенство и то положеніе, въ которомъ оно стояло между помѣщиками съ одной стороны и крестьянами съ другой. Интересы тѣхъ и другихъ были до крайности противоположны; такими, по крайней мѣрѣ, постарались сдѣлать ихъ сами помѣщики, тогда какъ при болѣе справедливомъ и благоразумномъ отношеніи ихъ къ крестьянамъ противоположность интересовъ замѣнилась-бы полнѣйшею тождественностью. Къ сожалѣнію, этого не было; стремленія двухъ главнѣйшихъ элементовъ сельскаго населенія не имѣли между собою ничего общаго, постоянно сталкивались и эти столкновенія задѣвали и духовенство. Къ чему стремились польскіе помѣщики?— Богатѣть всѣми способами, наживаться на счетъ труда своихъ крѣпостныхъ, пользоваться всею ихъ мускульною силою, всѣми ихъ производительными способностями и въ тоже время ничего не давать или, по крайней мѣрѣ, давать какъ можно меньше съ своей стороны на поддержаніе этой рабочей силы. Глубоко ошибся-бы тотъ, кто вздумалъ-бы приравнять положеніе крестьянъ въ западномъ краѣ къ положенію рабочаго скота; говорю—ошибся, потому что положеніе крестьянъ было гораздо хуже и бѣдственнѣе положенія рабочаго скота. Всякій мало мальски порядочный хозяинъ заботится о своемъ скотѣ: поить, кормить его,

строить для него болѣе или менѣе удобное помѣщеніе, остерегается изнурять его работой свыше его силъ. Да это и понятно; скотъ съ избыткомъ вознаграждаетъ уходъ хозяйскій за нимъ; педаромъ крестьяне называютъ его „кормильцемъ и поильцемъ“. Точно также, только въ гораздо большей степени, и помѣщики обязаны были своимъ благосостояніемъ и богатствами крестьянскому труду; но что въ замѣну сами они давали крестьянамъ? Ничего или почти ничего. Если въ Велико-россиі и Малороссиі, гдѣ помѣщики связаны были съ крестьянами единствомъ національности и религіи, злоупотребленіе крѣпостнымъ правомъ было весьма частымъ явленіемъ, то въ западномъ краѣ,—гдѣ помѣщики и крестьяне принадлежали не только къ различнымъ, но и къ враждебнымъ національностямъ, и къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, не знающимъ мира, постоянно борющимся между собою,—крѣпостничество пораждало на каждомъ шагѣ самыя возмутительныя, безнравственныя проявленія помѣщичьей власти. Къ кому было обратиться обездоленному, угнетенному крестьянству за совѣтомъ, за помощью, за заступничествомъ, иногда просто изъ за потребности подѣлиться своимъ горемъ,—какъ не къ своему духовенству? Правда, какъ мы видѣли, духовенство тянулось больше къ панству, чѣмъ къ крестьянству. Къ панству влекли его всѣ низшіе инстинкты; тамъ былъ вѣншній блескъ; туда тянуль расчетъ, матеріальная выгода. Все это не могло однако заглушить совсѣмъ въ духовенствѣ религіознаго, нравственнаго и національнаго чувства, возмущавшагося при видѣ угнетенія русскаго крестьянина польскимъ паномъ, при жалобахъ крестьянъ на испытываемыя ими мученія. Духовенство очень хорошо сознавало, что выслушиваемыя ими жалобы крестьянъ на помѣщиковъ вполне справедливы, что если жалобамъ этимъ дать ходъ умѣлою рукою, то помѣщику придется, можетъ быть, и отвѣтить за свои злоупотребленія и тогда хотя нѣсколько улучшится положеніе крестьянъ. Но тоже духовенство вынесло изъ своего вѣковаго опыта убѣжденіе, что борьба съ сильнымъ панствомъ представляетъ вообще слишкомъ мало шансовъ на успѣхъ и что если эту борьбу оно затѣетъ, вступившись за крестьянъ, то чѣмъ-бы ни окон-

чилась эта борьба, а ему то во всякомъ случаѣ придется дорого расплатиться за нее. Къ такому безотрадному выводу должны были приходять даже лучшіе люди изъ духовенства, люди съ принципами и энергіей. У нихъ бессильно опускались руки. Другіе, послабѣе, даже и не задумывались надъ вопросомъ: „что дѣлать?“, а, пугаясь одной мысли идти противъ помѣщика, спѣшили внушить ропщущимъ крестьянамъ терпѣніе и непрекословное повиновеніе помѣщику.

Такое натянутое положеніе, необходимость скрывать и предъ крестьянами, и предъ помѣщиками свои дѣйствительныя мысли и ощущенія не мало содѣйствовали, въ числѣ другихъ причинъ, постепенному развитію въ западно-русскомъ духовенствѣ скрытности, лукавства, изворотливости. Дошло до того, что хитрость стала чуть не идеаломъ практичныхъ людей, стала отождествляться съ умомъ, съ талантливостью; а прямота въ характерѣ и дѣйствіяхъ сдѣлалась синонимомъ если не глупости, то, по крайней мѣрѣ, недоразвитости. Стремленіе къ практичности ослѣпило людей, забывшихъ, что прямота есть не что иное, какъ проявленіе правды, лучшей добродѣтели, возвышающей жизнь не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ народовъ; а хитрость—одна изъ варіацій лжи и обмана, надѣлавшихъ такъ много зла человѣчеству съ первыхъ-же временъ его существованія.

Другою характеристичною особенностью польскаго шляхетства съ полнымъ основаніемъ можно считать пресловутый „гоноръ“. Странное понятіе соединяется у поляковъ съ этимъ словомъ, означающимъ буквально: *честь*. Подъ словомъ „гоноръ“ они понимаютъ не чувство чести и человѣческаго достоинства, свойственное каждой личности, какъ человѣку, а тщеславіе своимъ положеніемъ предъ людьми, стоящими ниже. Въ золотыя для польскаго панства времена Рѣчи Посполитой, когда существовала масса чиновъ и должностей, придворныхъ, административныхъ и военныхъ, всякій, стоявшій на одной изъ ступеней этой служебной лѣстницы, гордо, „съ говоромъ“ поглядывалъ на всѣхъ занимавшихъ низшія ступени той-же лѣстницы. Тоже было и у поляковъ, состоявшихъ на русской службѣ. Говоря языкомъ нашей таблицы о рангахъ, какой-ни-

будь коллежскій совѣтникъ надменно относился къ коллежскимъ ассесорамъ, титулярнымъ совѣтникамъ и т. д. Въ помѣщичьемъ быту можно было на каждомъ шагу наблюдать такое-же явленіе: помѣщикъ титулованный или вовсе не хотѣлъ знаться съ нетитулованными, или-же если и снисходилъ до знакомства съ ними, то всякій разъ заставлялъ чувствовать его превосходство. Затѣмъ помѣщикъ болѣе богатый съ высококомѣріемъ относился къ менѣе богатымъ. Даже среди оффиціалистовъ, людей вполнѣ подначальныхъ, зависѣвшихъ отъ панской милости, гоноръ также проявлялся по своему: маленькая разница въ служебномъ положеніи, въ жалованьѣ давала уже поводъ къ тщеславію предъ низшими. Насколько такой гоноръ былъ далекъ отъ дѣйствительнаго чувства чести, видно изъ того, что рядомъ съ нимъ отлично уживались преклоненіе, льстивость, заискиваніе до самоуниженія предъ высшими въ томъ или другомъ отношеніи лицами.

Эта уродливая особенность польскаго шляхетства отразилась и въ жизни православнаго духовенства западнаго края, проявляясь особенно среди уѣзднаго и сельскаго духовенства, наиболѣе подвергшагося польскому вліянію. Здѣсь мы встрѣчаемъ явленія совершенно неизвѣстныя въ бытѣ духовенства великорусскаго и даже малороссійскаго, несмотря на сосѣдство Малороссіи съ западнымъ нашимъ краемъ. Явленія эти такого рода: прежде всего духовенство образовало изъ себя длиннѣйшую лѣствицу съ безконечнымъ числомъ ступенекъ, причемъ самая незначительная разница въ служебномъ, общественномъ или просто матеріальномъ отношеніи выдвигаетъ человѣка уже на особую ступень. Такимъ образомъ въ то время, какъ въ Великороссіи и Малороссіи уѣздное и сельское духовенство, начиная съ уѣзднаго соборнаго протоіерея и оканчивая любымъ сельскимъ священникомъ, представляетъ нѣчто сплошное цѣлое, группу почти совершенно однообразную, съ выдѣленіемъ изъ нея иногда лишь уѣзднаго протоіерея или законоучителя гимназій, — западно-русское духовенство въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ подѣлилось на множество группъ, рѣзко разнящихся между собою. Въ первой группѣ и, конечно, въ главѣ ея стоитъ соборный протоіерей, къ которому примыкаютъ

болѣе заслуженные городскіе священники, служащіе законоучителями, благочинными, имѣющіе ордена, или отличающіеся богатствомъ. Остальные городскіе священники составляютъ обыкновенно уже отдѣльную группу. Затѣмъ слѣдуетъ духовенство мѣстечекъ, занимающее обыкновенно должности благочинныхъ, скорѣе и щедрѣе сельскаго духовенства получающее награды и болѣе обеспеченное въ экономическомъ отношеніи. Далѣе идутъ сельскіе священники, имѣющіе ордена, наперстные кресты и камилавки, потомъ служащіе помощниками благочинныхъ, депутатами и т. д. и т. д. Трудно даже перечислить всѣ эти маленькія группы, потому что самая незначительная разница въ положеніи священниковъ, всякая переменна къ лучшему или худшему въ томъ или другомъ отношеніи служатъ поводомъ къ перемѣщенію изъ одной группы въ другую. При этомъ каждая выше стоящая группа относится къ низшей если не съ надменностью и гордостью, то во всякомъ случаѣ съ чувствомъ нескрываемаго превосходства своего — Низшая группа относится къ высшей съ почтеніемъ, доходимъ иногда до самоуниженія, и въ свою очередь обнаруживаетъ явное высокомеріе относительно группы еще ниже стоящей и т. д.

Діаконы и псаломщики, по крайней мѣрѣ тѣ изъ послѣднихъ, которые окончили семинарскій учебный курсъ, въ Великороссіи и Малороссіи обыкновенно стоятъ очень близко къ священникамъ и особенно въ селахъ находятся если не въ дружественныхъ и пріятельскихъ, то по крайней мѣрѣ въ фамиллярныхъ отношеніяхъ къ нимъ. Ничего подобнаго не встрѣчается среди западно-русскаго духовенства. Здѣсь діаконы и псаломщики, за весьма рѣдкими исключеніями, стоятъ совершенно особнякомъ отъ священниковъ и ихъ взаимныя отношенія ограничиваются чисто служебною сферой. Если и приходится встрѣтить діакона въ священническомъ домѣ, то вы сразу его отличите и безъ представленія: онъ держится слишкомъ скромно, смиренно и видимо чувствуетъ себя не въ своей сферѣ, въ чуждомъ обществѣ.

О псаломщикахъ нечего и говорить. Тѣ совершенно отрѣзаны отъ священническаго кружка и ведутъ знакомства и пріят-

тельскія отношенія изъ среды духовенства только между собою да съ діаконами. Кромѣ указаннаго уже „гонора“ священниковъ это объясняется и большою разницею въ матеріальномъ положеніи съ одной стороны ихъ, а съ другой діаконовъ и псаломщиковъ. Въ жизни населенія западно-русскаго края, благодаря преобладанію польско-жидовскаго корыстолюбиваго элемента, деньги и вообще матеріальныя средства играютъ огромную и несомнѣнно гораздо большую роль, чѣмъ въ остальной Россіи, поэтому значительная разница въ матеріальномъ положеніи отдѣльныхъ группъ духовенства не могла не отразиться на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ какъ православное духовенство, заимствуя отъ польской шляхты ея типичныя особенности, заразилось отъ нея и преклоненіемъ предъ богатствомъ.

Страсть къ наживѣ рѣзко отличаетъ польскихъ помѣщиковъ отъ помѣщиковъ русскихъ. Въ то время, какъ наши русскіе, благодаря широкой натурѣ, избалованной крѣпостнымъ правомъ, спускаютъ послѣдніе куски отцовскаго и дѣдовскаго достоянія, закладывая и продавая разнымъ кулакамъ не только земли, но и родные дома свои, среди польскихъ помѣщиковъ вы почти не встрѣтите разорившихся и разоряющихся. Напротивъ, каждый внимательный изслѣдователь ихъ быта можетъ замѣтить, какъ они все больше и больше наживаются. Я думаю, что это объясняется тремя причинами: вѣковою связью польскихъ помѣщиковъ съ самымъ корыстолюбивымъ въ мірѣ народомъ,—евреями, сосредоточеніемъ дѣятельности помѣщиковъ исключительно на хозяйствѣ, и мечтами объ освобожденіи „ойчизны“ и о необходимости запасть средствами для этого. Вліяніе первой причины очевидно. Въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій евреи являются усердными поклонниками золотого тельца, жертвующими ему всѣмъ высокимъ, всѣмъ святымъ. Послѣдовательное и неуклонное стремленіе цѣлыхъ десятковъ еврейскихъ поколѣній къ одной и той-же завѣтной цѣли, наживѣ какими-бы то ни было путями и средствами, не могло остаться безъ результатовъ. И они явились въ видѣ накопленія у многихъ евреевъ громаднхъ богатствъ, которыя, переходя къ наслѣдникамъ богачей, не только не растрочи-

ваются, а все больше и больше растут. Имѣя постоянно предъ глазами богачей-евреевъ, видя, какую силу получаетъ капиталъ въ ихъ рукахъ, польскіе помѣщики вдохновляются соревнованіемъ въ наживѣ и всѣми силами стремятся къ ней. Этому стремленію содѣйствуетъ и то обстоятельство, что послѣ возстанія польскіе помѣщики были устранены отъ государственной и общественной службы и посвятили себя исключительно хозяйственной дѣятельности. Наконецъ, такъ какъ во время послѣдняго возстанія поляки убѣдились, что для него необходимы большія денежныя средства, то, мечтая и теперь въ глубинѣ души о политической свободѣ, поляки имѣютъ завѣтную цѣль, для которой нужно пріобрѣтать матеріальныя средства.

Примѣръ поляковъ заразилъ, къ сожалѣнію, и наше православное духовенство; его также охватила страсть къ обогащенію. Рѣдкое лицо изъ духовенства западно-русскаго не ставитъ обогащенія главною цѣлью своей жизни. Доходы духовенства получаютъ изъ трехъ источниковъ: изъ жалованья—въ количествѣ 500 руб. въ городахъ и 300 руб. въ мѣстечкахъ и селахъ,—сельскаго хозяйства и платы отъ прихожанъ за требоисправленія. Такъ какъ таксы для послѣдней платы не существуетъ, и всѣ попытки относительно введенія ея ни къ чему не приводили, то при каждой требѣ обыкновенно ведется торгъ между духовенствомъ и прихожанами. Такое явленіе уже само по себѣ дурно и печально, но еще хуже то, что во время торга духовенство запрашиваетъ, откровенно говоря, такія высокія цѣны за свой трудъ, что бѣднымъ прихожанамъ онѣ положительно не по силамъ. Я лично знаю, что въ селахъ западнаго края съ крестьянъ, даже далеко не пользующихся благосостояніемъ, берутъ по 25 руб. за бракъ, а съ людей зажиточныхъ и еще больше. Это несоразмѣрное поднятіе цѣнъ за требы, это стараніе духовенства обогатиться на счетъ прихожанъ было одною изъ причинъ озлобленія крестьянъ противъ духовенства и легкаго совращенія ихъ въ штундизмъ, освобождавшій ихъ совершенно отъ всякихъ обязательныхъ платежей за бракъ, крещеніе и т. д.—Какъ на связь распространенія штундизма съ вымогательствомъ духовенства,

укажу на лично мною замѣченный фактъ: въ селахъ, гдѣ священники были не корыстолюбивы и обнаруживали пастырскую любовь къ прихожанамъ, штундизмъ не распространялся.

Выше я сказалъ, что послѣднее польское возстаніе и вызванныя имъ реформы въ западномъ краѣ во многомъ измѣнили отношенія православнаго духовенства къ помѣщичьему и крестьянскому населенію края. Польскіе помѣщики, подвергшіеся совершенно справедливо репрессаліямъ со стороны правительства, лишенные правъ государственной и общественной службы въ краѣ, сразу утратили то огромное вліяніе, которое они имѣли на все мѣстное населеніе, а въ томъ числѣ и на духовенство. Теперь не только участь духовенства не зависѣла вовсе отъ помѣщиковъ, но наоборотъ—сами помѣщики, особенно въ первое время послѣ возстанія, стали заискивать расположенность у нашего духовенства и хорошаго мнѣнія, которое иногда было для нихъ очень важно, такъ какъ администрація, слѣдившая за настроеніемъ помѣщиковъ, нерѣдко собирала свѣдѣнія о нихъ у православнаго духовенства. Кромѣ того, принятыя правительствомъ мѣры къ улучшенію быта духовенства, именно—постройка для него домовъ, обязательно отнесенныя на счетъ помѣщиковъ, и значительное увеличеніе жалованья освободили духовенство и отъ экономическаго вліянія помѣщиковъ. Духовенство наше перестало пресмыкаться у ногъ польскихъ помѣщиковъ. Польскій языкъ сталъ забываться и исчезать въ средѣ духовенства. Уменьшилось и рабское подражаніе особенностямъ польскаго быта. Въ религіозной сферѣ остатки униатства также начали постепенно уничтожаться. Къ сожалѣнію, нельзя того-же сказать о нравственныхъ качествахъ, усвоенныхъ духовенствомъ нашимъ отъ поляковъ. Скрытность и хитрость, униженіе и лесть предъ высшими, высокомеріе и заисчивость предъ низшими, преклоненіе предъ богатствомъ и погоня за нимъ, по прежнему характеризуютъ большинство православнаго западно-русскаго духовенства.

Перемѣны, вызванныя въ западномъ краѣ послѣднимъ польскимъ возстаніемъ, отразившись на православномъ духовенствѣ, не могли не отразиться и на крестьянской массѣ и на

отношеніяхъ ея къ духовенству. Мы видѣли то ужасное положеніе, въ которомъ находились крестьяне западнаго края во время крѣпостной зависимости; видѣли ихъ полную безпомощность въ то время,—такъ какъ единственный естественный защитникъ ихъ, православный священникъ, въ то время былъ вполне безсиленъ и зависѣлъ отъ того-же пана, отъ котораго ему приходилось отстаивать свою угнетенную паству. Это безсиліе духовенства, это отсутствіе съ его стороны дѣятельной защиты крестьянъ послѣдніе часто объясняли преданностью вашего духовенства польскому панству. Вѣшность вполне говорила въ пользу такого предположенія. Какъ я уже объяснилъ, духовенство наше волей-неволей льнуло тогда къ польскому панству, искало его милости, подражало ему въ чемъ только могло. Какъ-же крестьянамъ, сознававшимъ все это и видѣвшимъ молчаніе, бездѣйствіе, индифферентное по вѣшности отношеніе духовенства къ злоупотребленіямъ крѣпостнаго права, возможно было не заподозрить полную солидарность „батюшки“ съ „паномъ“ и не чувствовать къ первому если не той ненависти, какую питалъ онъ къ пану, то, по крайней мѣрѣ, сильнаго предубѣжденія, на которое духовенство отвѣчало гордымъ презрѣніемъ.

Возстаніе сразу измѣнило взаимныя отношенія духовенства и крестьянъ. Общая опасность отрезвила и сблизила двухъ естественныхъ союзниковъ. Борьба противъ общаго врага вызвала въ обоихъ подъемъ религіознаго, національнаго и патріотическаго духа, заставила забыть обоюдныя предубѣжденія и оставить взаимное недоброжелательство.

Извѣстно, что успѣхъ правительства въ подавленіи возстанія, принявшаго громадныя и опасныя размѣры, во многомъ зависѣлъ отъ содѣйствія ему со стороны крестьянскаго населенія, слѣдившаго за движеніемъ повстанцевъ и дававшаго знать о немъ военнымъ властямъ, служившаго проводниками для нашихъ войскъ въ болотистыхъ и лѣсныхъ трущобахъ, и нерѣдко участвовавшаго и въ битвахъ съ повстанцами. Въ этой патріотической, полной самопожертвованія дѣятельности крестьянской массы она встрѣчала энергическую помощь, содѣйствіе и руководство со стороны нашего духовенства. Это об-

щее участіе въ усмиреніи опаснаго и ненавистнаго врага заставило духовенство и крестьянъ уважать другъ друга. Съ одной стороны, духовенство увидѣло, что крестьяне вовсе не то тупое, безсмысленное и способное только къ физической работѣ „быдло“ (скотъ), которымъ оно сообщая съ польскимъ панствомъ привыкло прежде считать его, а люди хотя и задавленные вѣковымъ рабствомъ, но далеко не отупѣвшіе и весьма способные къ быстрому развитію, а въ нравственномъ отношеніи стоящіе даже гораздо выше своихъ бывшихъ повелителей. Съ другой стороны, и крестьяне увидѣли, что они сильно ошибались, отождествляя православное духовенство съ польской шляхтой и считая его преданнымъ панству тѣломъ и духомъ. При первыхъ признакахъ возстанія духовенство какъ-то само собою поняло или скорѣе почувствовало свою великую задачу—охранять православную Русь отъ дерзкихъ покушеній ляховъ-католиковъ, руководимыхъ ксендзами. Вліяніе шляхетнаго панства быстро исчезло; заговорили русская кровь и религіозное чувство и указали ему дѣйствительно близкихъ людей въ православныхъ крестьянахъ-малороссахъ, а не въ польскихъ помѣщикахъ-католикахъ. Отпугнувшись отъ послѣднихъ, какъ отъ явныхъ враговъ, духовенство заговорило съ крестьянами другимъ языкомъ и другимъ тономъ, обваруживая и другія чувства. Крестьяне отлично сознавали, что „панъ-отецъ“ (прежнее названіе священниковъ въ западномъ краѣ) становится просто „батюшкой“ и изъ какого-то „полупанка“ дѣлается настоящимъ православнымъ священникомъ, и не могли не оцѣнить по достоинству этой желанной для нихъ перемѣны.

Замѣнѣ прежняго предубѣжденія крестьянъ противъ духовенства новымъ чувствомъ почтенія къ нему содѣйствовали и еще нѣкоторыя обстоятельства, послѣдовавшія за возстаніемъ.— Я уже упоминалъ, что высшая администрація края признала тѣ высокія заслуги, какія оказало ей духовенство во время усмиренія возстанія и измѣнила свои отношенія къ нему, удостоивая его бѣльшаго сравнительно съ прежнимъ вниманія, уваженія и довѣрія. Тоже должны были сдѣлать и низшія, уѣздныя власти, отчасти по примѣру начальства, а отчасти и по собственнымъ побужденіямъ. Результатомъ этого были со-

вершено иныя, болѣе близкія и фамиллярныя отношенія между духовенствомъ и уѣздными властями. Къ священникамъ стали заѣзжать мировой посредникъ, и судебный слѣдователь, исправникъ и становой приставъ уже не только по дѣлу, но и просто какъ знакомые. Народъ видѣлъ это и не могъ не проникаться почтеніемъ къ своему „батюшкѣ“, у котораго и исправникъ, и посредникъ и всякое начальство — „свои люди“. Далѣе, улучшеніе послѣ возстанія матеріальнаго положенія духовенства вызвало въ немъ и большее стремленіе къ умственному развитію, чему не мало, впрочемъ, содѣйствовало повсемѣстное направленіе нашего общества въ эпоху 60-хъ годовъ. Духовенство стало больше заботиться о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей и не только сыновей, но и дочерей. Въ домахъ священниковъ и болѣе зажиточныхъ діаконъ и псаломщиковъ стали чаще прежняго появляться газеты, журналы и книги научнаго содержанія. Въ семействахъ духовенства часто можно было встрѣтить сыновей, — студентовъ университетовъ, и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и эти студенты не могли не имѣть просвѣтительнаго вліянія на всю семью.

На священника и его семейство крестьяне стали смотрѣть какъ на умныхъ людей, съ которыми можно о чемъ угодно потолковать, посоветываться, у которыхъ въ случаѣ какой-нибудь напасти, на примѣръ, продѣлокъ старшины или писаря, можно найти и защиту. Наконецъ крестьяне въ западномъ краѣ еще издавна привыкли смотрѣть если не на всѣ дома духовенства, то по крайней мѣрѣ на дома священниковъ, какъ на какое-то сочетаніе лечебницы для проходящихъ съ аптечнымъ складомъ. Тамъ давали и медицинскіе совѣты по всевозможнымъ болѣзнямъ и отпускали самыя лекарства или бесплатно, или въ обмѣнъ на какіе-нибудь сельско-хозяйственные продукты. Такъ велось издавна. Послѣ возстанія же, когда, съ одной стороны, нѣсколько улучшилось экономическое положеніе духовенства, а съ другой увеличеніе знаній заставило его относиться съ болѣшимъ вниманіемъ и участіемъ къ положенію беспомощныхъ больныхъ въ деревняхъ, — духовенство болѣе серьезно и болѣе рационально принялось за медицинскую помощь, вызывая этимъ чувство признательности со стороны крестьянъ.

Наконецъ въ эпоху, слѣдовавшую за польскимъ возстаніемъ и за освобожденіемъ крестьянъ и совершенно справедливо названную просвѣтительною, быстро стали появляться въ западномъ краѣ массы школъ. Ихъ открывало или само-же духовенство подъ именемъ церковно-приходскихъ, или правительство подъ именемъ министерскихъ. Въ тѣхъ и другихъ духовенство обязательно участвовало въ преподаваніи въ видѣ или учителей всѣхъ предметовъ начальнаго обученія, или по крайней мѣрѣ, преподавателей Закона Божія. Все это весьма сближало прихожанъ съ духовенствомъ. Выросли цѣлыя поколѣнія, прошедшія школьную науку подъ руководствомъ „батюшки“ или „отца діакона“ и отчасти по прежнему дѣтскому чувству, отчасти сознательно питавшія почтеніе къ своимъ учителямъ.

Всѣ эти условія, благопріятно вліявшія на отношенія крестьянъ къ духовенству, постепенно привели-бы ихъ къ вполне нормальному взаимному положенію паствы и пастыря, если-бы не то печальное явленіе, о которомъ я уже упоминалъ, именно если-бы не вымогательства со стороны духовенства высокой платы отъ крестьянъ за требоисправленіе. Эти вымогательства тѣмъ болѣе не извинительны для духовенства западно-русскаго, что они объясняются и вызываются вовсе не бѣдностью и нуждой его, а только страстнымъ стремленіемъ къ обогащенію. Матеріальное положеніе духовенства въ западномъ краѣ гораздо лучше, чѣмъ въ остальной Россіи, за исключеніемъ развѣ столицъ и большихъ губернскихъ городовъ. Выше я уже говорилъ объ источникахъ доходовъ духовенства и останавлиюсь теперь подробнѣе на двухъ послѣднихъ изъ нихъ: на доходѣ съ земли и на платѣ отъ прихожанъ, такъ какъ размѣры жалованья точно опредѣлены и не измѣняются.

Въ пользу причта каждой церкви западнаго края предоставлено отъ 33 до 50 и болѣе десятинъ такъ называемой „ружной“ земли. Кромѣ этихъ ружныхъ земель во многихъ приходяхъ духовенство пользуется еще и частью спеціально церковныхъ земель, главный доходъ съ которыхъ поступаетъ въ пользу церквей, а нѣкоторая доля его предоставляется при-

ходскому духовенству. Земли сѣверо-западнаго края не отличаются плодородіемъ и поэтому доставляютъ духовенству не очень большой доходъ, который, впрочемъ, при лучшемъ удобреніи земель могъ-бы значительно возвыситься. За то въ юго-западномъ краѣ земли почти вездѣ весьма плодородны и даютъ духовенству очень значительный доходъ среднимъ числомъ около 1000 руб., а иногда доходящій до 1500—2000 рублей и болѣе. Кто знаетъ условія веденія сельскаго хозяйства въ быту духовенства западно-русскаго, тому покажутся слишкомъ преувеличенными указанныя мною суммы дохода; но кому знакомы означенныя условія, тотъ ни на минуту ни усомнится признать исчисленныя мною цифры вполне правильными.

Издержки духовенства на обработку полей, посѣвъ, уборку, молотьбу и помолъ хлѣба, а также на уборку и перевозку сѣва весьма ничтожны, благодаря бесплатной помощи прихожанъ-крестьянъ. Эта помощь оказывается иногда вполне добровольно, только за сытное угощеніе, а иногда по необходимости, по принужденію. Крестьянинъ хочетъ обвѣнчаться; при торгѣ объ условіяхъ вѣнчанья священникъ, кромѣ платы наличными, выговариваетъ себѣ еще и бесплатное исполненіе въ его пользу какой нибудь работы, напримѣръ, вспашку нѣсколькихъ десятинъ поля, или перевозку сѣна, смотря по времени года. Тоже бываетъ и при другихъ требахъ.

Плата за требы взимается вообще въ довольно высокомъ, а мѣстами и въ весьма высокомъ размѣрѣ и вносится какъ наличными деньгами, такъ и разными предметами сельскаго хозяйства. Кромѣ хлѣба разнаго рода, духовенство получаетъ плату за требы живностью всякихъ видовъ и кромѣ того водкой. Последняя приносится въ такомъ количествѣ, что ее съ избыткомъ хватаетъ на угощеніе даровыхъ работниковъ изъ прихожанъ.

Кромѣ платы деньгами и натурой при каждой отдѣльной требѣ, духовенство производитъ еще въ извѣстные періоды общій сборъ продуктовъ и живности съ cadaго двора, а если въ дворѣ живетъ нѣсколько семействъ, то и съ каждой семьи отдѣльно. Доходность этихъ сборовъ не мало зависитъ отъ искусства сборщиковъ, которыми являются не только свя-

щенники и причетвики, но и жены ихъ. Вообще сборы эти составляютъ непослѣднюю статью дохода въ бюджетѣ духовенства.

А между тѣмъ тѣ средства духовенства, которыя я перечислилъ и къ которымъ еще нужно прибавить законоучительское жалованье, получаемое почти всѣми священниками, болѣе чѣмъ достаточны для обеспеченнаго, безбѣднаго существованія. Пусть само духовенство скажетъ, гдѣ, въ какой средѣ люди, получившіе лишь среднее образованіе и не знающіе тяжелаго, изнурительнаго труда, физическаго или умственнаго, имѣютъ бѣльшее содержаніе, чѣмъ оно? Такой среды не найдется. Духовенству западно-русскому съ полнымъ основаніемъ можно посоветовать прекратить вымогательства усиленной платы отъ прихожанъ. Оно проживетъ обеспеченно и безъ вымогательствъ. Но горе въ томъ, что большинство духовенства западно-русскаго заботится не только о необходимомъ, но и о богатствѣ, о приобрѣтеніи капиталовъ. И оно дѣйствительно наживаетъ ихъ. Большинство духовенства располагаетъ весьма значительными суммами, которыми оно весьма практично распоряжается. Въ деревняхъ, какъ извѣстно, кредита почти нѣтъ, а потребность въ немъ велика и вотъ, благодаря этому, духовенство пускаетъ въ оборотъ свои деньги на такихъ условіяхъ, что въ 3—4 года капиталъ удваивается. Займы дѣлаются съ платежемъ 2-хъ и 3-хъ процентовъ въ мѣсяцъ, долгъ обезпечивается кромѣ того условіемъ объ уплатѣ неустойки при неисправномъ взносѣ занятой суммы. Немудрено поэтому, что обладатель небольшого капитала въ 4 или 5 тысячъ рублей чрезъ 10 лѣтъ становится деревенскимъ Крезомъ, разживаясь на чужой счетъ ¹⁾. Печально это, но вѣрно и истинно, русскому православному человѣку нельзя не пожалѣть о существованіи такого грустнаго явленія и не пожелать отъ души, чтобы оно исчезло и чтобы наше западно-русское духовенство сознательнѣе и правильнѣе взглянуло на свои задачи и на свои отношенія къ народу.

А. Музатовскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Эти свѣдѣнія Редакція оставляетъ на отвѣтственности автора.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ВНОВЬ НАЙДЕННЫХЪ ПИСЬМАХЪ ЮЛІАНА ОТСТУПНИКА.

Въ первой книжкѣ нѣмецкаго филологическаго журнала „Rheinisches Museum“ за текущей годъ опубликованы шесть новыхъ писемъ Юліана Отступника, найденныхъ не такъ давно г. Пападопуло-Керамевсомъ въ одной изъ греческихъ монастырскихъ библиотекъ. Эта находка была сдѣлана совершенно случайнымъ образомъ. Занятый составленіемъ такъ называемой Маврокордатовой библиотекы, имѣющей цѣлью описаніе разсыянныхъ по разнымъ мѣстамъ старинныхъ греческихъ рукописей, г. Пападопуло-Керамевсъ посѣтилъ между прочимъ зимою 1884 года и маленькій островокъ Халки (древній Халкитисъ), расположенный веподалеку отъ Константинополя. Здѣсь, на этомъ островкѣ, находятся два старинные греческіе монастыря, изъ которыхъ одинъ, выстроенный во имя Св. Троицы (τῆς ἁγίας Τριάδος), съ давнихъ поръ уже превращенъ въ высшую теологическую школу, — нѣчто въ родѣ нашихъ духовныхъ академій, — а другой, воздвигнутый въ честь Пресвятыя Богородицы (μονὴ τῆς Θεοτόκου), съ 1831 года имѣетъ при себѣ коммерческое училище и классическую гимназію. Оба они извѣстны своими библиотеками, въ которыхъ собрано не мало цѣнныхъ манускриптовъ преимущественно богословскаго и церковно-историческаго содержанія, и оттого охотно посѣщаются учеными изслѣдователями. Такъ, напримѣръ, здѣсь въ недавнее время архимандри-

томъ Василиемъ Георгіадисомъ отыскано слово римскаго епископа Ипполита о пророкѣ Даниилѣ, напечатанное въ духовномъ греческомъ журналѣ *Ἐκκλησιαστικὴ Ἀληθεῖα* за 1885 г.; Дороеемъ Эвелпидисомъ открыта переписка монаха Григорія Кардамиса съ патриархомъ Фотіемъ и проч. Г. Пападопуло-Керамевсъ отправился въ Халки съ тѣмъ, чтобы составить подробный каталогъ рукописей, хранящихся въ Богородицкомъ монастырѣ, и во время этой работы, отнявшей у него три мѣсяца, случайно натолкнулся на древній кодексъ смѣшаннаго содержанія (*codex miscellaneus*), заключавшій въ себѣ между прочимъ два списка Юліановыхъ писемъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что шесть изъ нихъ представляютъ новый, еще неизвѣстный ученымъ матеріалъ, остальные же служатъ безъинтересными вариантами писемъ уже изданныхъ. Вотъ почему г. Пападопуло-Керамевсъ поспѣшилъ обнародовать свою находку сперва въ добавленіяхъ къ XVI тому константинопольскаго силлога (*Παλαιογραφικὸν Δελτίον*), а въ январѣ нынѣшняго года въ нѣсколько болѣе исправномъ видѣ—въ названномъ нѣмецкомъ филологическомъ журналѣ.

Кодексъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, состоитъ изъ отрывковъ различныхъ сочиненій грамматическаго и лексикографическаго содержанія, эзоповыхъ басенъ, посланій Либанія, Фаллариса, св. Григорія Великаго и проч. и относится къ концу XIV столѣтія. Письма Юліана Отступника, какъ сказано, являются въ немъ въ двухъ редакціяхъ,—полной и сокращенной,—и притомъ во второй всѣ пропуски и сокрашенія очень аккуратно отмѣчаются особымъ знакомъ. Это послѣднее обстоятельство не лишено нѣкотораго значенія, такъ какъ къ высказаннымъ давно уже Зинтенисомъ и Герхеромъ сомнѣніямъ относительно *подлинности* многихъ изъ опубликованныхъ до сихъ поръ писемъ Юліана оно прибавляетъ еще одно новое подозрѣніе, касающееся *полноты* cadaго отдѣльнаго номера нашей коллекціи. Повидимому, въ древности кромѣ полныхъ ходили по рукамъ и сокращенные сборники Юліановыхъ произведеній, и изъ розысканій г. Пападопуло-Керамевса явствуетъ, что во многихъ случаяхъ до насъ дошли только эти послѣдніе. Чѣмъ вызвано было ихъ появленіе и какими соображеніями руково-

дились эпитоматоры, дѣлая свои извлеченія, сказать мудрено. Безъ сомнѣнія многое должно быть здѣсь отнесено на счетъ христіанской атетезы, хотя, быть можетъ, было бы слишкомъ односторонне придавать этому моменту черезчуръ большое значеніе и опускать изъ виду другіе.

Вновь найденныя письма Юліана со стороны своего содержанія въ сущности ничего или почти ничего не прибавляютъ къ тому, что мы знаемъ объ этой интересной личности. Подобно большей части писемъ, изданныхъ Гертлейномъ, они отличаются рѣдкою въ ту эпоху, къ которой относятся, чистою языка и изяществомъ стиля,—простаго, яснаго, вразумительнаго, чуждаго всякой риторической напыщенности и изысканности,—блещутъ ученостью и носятъ на себѣ замѣтный отпечатокъ личныхъ особенностей автора,—той „*egregia indoles*“, которую находилъ въ немъ блаженный Августинъ (*de civit. Dei*, V, 21). Замѣчанія нравственно-философскаго характера, вопросы религіи и науки, отчасти дѣла государственнаго управленія—вотъ основные мотивы этихъ писемъ, но въ каждомъ словѣ, въ каждой фразѣ виденъ тотъ „*vir profecto heroicis connumerandus ingeniis*“, какимъ изображенъ Юліанъ Отступникъ у Амміана Марцеллина (XXV, 4) и какимъ, несмотря на всѣ свои заблужденія, рисуется онъ обыкновенно въ нашемъ воображеніи. Поэтому я надѣюсь, что находка г. Пападопуло-Карамевса покажется читателямъ не совсѣмъ безъинтересною, и рѣшаюсь остановить на ней ихъ вниманіе.

Первое изъ напечатанныхъ въ „*Rheinisches Museum*“ писемъ адресовано нѣкому Юліану,—тезкѣ императора и его дядѣ со стороны матери ¹⁾, занимавшему вплоть до конца 362 года постъ такъ называемаго *Comes orientis* ²⁾. Повидимому, дядя

¹⁾ Это тотъ самый Юліанъ, къ которому обращено тринадцатое письмо коллекціи Гертлейна и на котораго указываетъ въ „*Misopogon*“ р. 365, С. (ὁ δὲ μοι θεῖος καὶ ὁμίωυρος κτλ). Онъ былъ сыномъ Анкія Юліана, одного изъ первыхъ сенаторовъ, открыто ставшихъ на сторону христіанства, но самъ по стопамъ отца не пошелъ и въ сочиненіяхъ церковныхъ писателей упоминается въ числѣ ревностнѣйшихъ сторонниковъ языческой реакціи (срв. *Sozomenus*, V, 8; *Theodoret.* III, 12 sq.; *Philost.* VII, 10). Базилина, мать императора, приходилась ему родною сестрою.

²⁾ Въ періодъ республики названіемъ *comites* обозначалась небольшая свита,

упрекалъ племянника въ слишкомъ продолжительномъ молчаніи, и вотъ онъ спѣшитъ оправдаться. Съ обычною своею любезностью императоръ старается увѣрить обиженнаго родственника въ неизмѣнномъ расположеніи къ нему и ссылается на совершенный недостатокъ времени, котораго ему не хватаетъ даже для столь любимыхъ имъ научныхъ занятій. „Свидѣтельствуюсь богами-покровителями учености (τοὺς λογίους θεούς)“, пишетъ Юліанъ, „что я не имѣю при себѣ ни одного свитка философскаго, риторическаго или грамматическаго содержанія, ни даже самыхъ общеупотребительныхъ сочиненій по исторіи,—ничего кромѣ Гомера и Платона, да и эти-то авторы у меня скорѣе играютъ роль симпатическихъ привѣсокъ и амулетовъ, такъ какъ никогда не раскрываются¹⁾. Молюсь я также немного, хотя конечно теперь, какъ и всегда, вуждаюсь въ продолжительной и усердной молитвѣ. Дѣлъ постоянно по горло, и ты самъ, быть можетъ, увидишь это, когда я буду въ Сиріи“. Изъ дальнѣйшаго явствуетъ, что письмо дѣйствительно было написано въ горячую пору,—въ ту пору, когда Юліанъ, сбросивъ наконецъ съ себя маску, которую онъ былъ принужденъ носить такъ долго и которая такъ тяготила его, такъ не соответствовала его прямой натурѣ, ревностно принялся за борьбу съ ненавистнымъ ему христіанствомъ и за осуществленіе давно задуманной имъ реформы греческаго политеизма. Онъ былъ занятъ тогда возстановленіемъ лежавшихъ въ развалинахъ языческихъ храмовъ, строилъ алтари богамъ, реорганизовалъ жреческій институтъ, издавалъ декреты, вербовалъ себѣ помощниковъ и сотрудниковъ и лично, живымъ примѣромъ старался подѣйствовать на инертную толпу, ежед-

сопутствовавшая провинціальнымъ намѣстникамъ и состоявшая изъ всадниковъ и сенаторовъ низшаго ранга, которые при намѣстникахъ были чѣмъ-то въ родѣ нашихъ чиновниковъ особыхъ порученій. Со временъ-же Константина Великаго comes стало просто титуломъ высшихъ должностныхъ лицъ, и даже начальники расположенныхъ въ провинціяхъ войскъ получили это наименованіе. Comes orientis имѣлъ свою резиденцію въ Антиохіи.

¹⁾ Въ подлинникѣ: δεδέται γὰρ αἰεὶ (подразум. τὰ ποιητῆα). Въ древности, какъ и теперь, болѣе или менѣе объемистыя сочиненія дѣлились на части, и каждой части соответствовалъ отдѣльный свитокъ; эти свитки заключались въ футляры (кожаные или деревянные) и плотно связывались въ одну пачку.

невно совершая въ честь боготворимаго имъ Солнца пышныя жертвоприношенія ¹⁾). Въ разсматриваемомъ нами письмѣ къ дядѣ эта сторона его дѣятельности нашла отголосокъ въ тѣхъ распоряженіяхъ, которыя Юліанъ дѣлаетъ относительно реставраціи знаменитаго святилища Аполлона въ антiохійскомъ пригородѣ Дафнѣ ²⁾). Между прочимъ онъ настаиваетъ здѣсь на необходимости достроить поскорѣе колоннаду этого святилища и приказываетъ даже употребить для этой цѣли тѣ самыя колонны, которыя служили украшеніемъ антiохійскаго дворца. Впрочемъ, если-бы ихъ не хватило, то по мнѣнію расчетливаго императора достоинство бога нисколько не умалилось-бы и отъ замѣны недостающаго числа новыми, изготовленными изъ кирпича и отдѣланными подъ мраморъ: „самъ ты знаешь“, замѣчаетъ онъ по этому поводу, „что бережли-

¹⁾ Libanius I p. 394, 395: αἵματι μὲν δεχόμενος τὸν θεόν, αἵματι δὲ παρακέρμων εἰς δύσιν— — αὐτοῦρχει, περιτρέχει, καὶ σιζῆς ἀπτεται καὶ μάχαιραν δέχεται κτλ.

²⁾ Дафна славилась своею прелестною кипарисовою рощею и изнѣженностью своихъ обитателей (Daphnici mores) и нѣкогда была любимымъ мѣстопребываніемъ Селевкидовъ. Храмъ Аполлона, о которомъ говорится въ письмѣ Юліана, былъ выстроенъ Антiохомъ Эпифаномъ. Въ старину при немъ находился оракулъ и совершались религіозныя игры, о которыхъ упоминаетъ еще Полибій, но впослѣдствіи, въ особенности-же съ тѣхъ поръ, какъ братъ Юліана Галлъ выстроилъ въ томъ-же мѣстѣ христіанскую церковь и перенесъ въ нее мощи Св. Вавилы, слава аполонова святилища померкла, и оно стало падать и разрушаться. Оракулъ его замолкъ навсегда. Юліанъ сдѣлалъ попытку снова пробудить его къ дѣятельности, снова возратить храму прежній блескъ и величіе, но старанія эти остались безуспѣшны, такъ какъ вскорѣ по окончаніи реставраціи онъ сдѣлался жертвою страшнаго, опустошительнаго пожара. Легко понять, какимъ гнѣвомъ исполнился государь, когда до него дошла вѣсть объ этомъ пожарѣ. Онъ не усумнился обвинить въ поджогѣ христіанъ и приказалъ произвести слѣдствіе по этому дѣлу съ особенною строгостью (ad id usque imperatorem ira provexit, ut quaestiones agitari juberet solito acriores. Ammian. Marcell.). Онъ предполагалъ, что сожженіе дафнейскаго святилища было вызвано съ одной стороны его громкою извѣстностью и внѣшнимъ великолѣпіемъ, съ другой—тѣмъ, что въ угоду Аполлону останки Св. Вавилы были удалены изъ сосѣдняго христіанскаго храма. См. Misopog. p. 346, B; 361, B, C. Все это побудило раздраженнаго императора измѣнить обычной своей терпимости и прибѣгнуть къ репрессаліямъ. Между тѣмъ изъ Амміана Марцелліана узнаемъ, что христіане во всемъ этомъ дѣлѣ были ни причемъ: пожаръ произошелъ по винѣ нѣкоего Асклепіада, философа кинической школы. См. Ammian. Marcell. XXII, 15.

вость лучше расточительности и больше нравится людямъ благороднымъ“.

Этою сентенціею заканчивается собственно дѣловая часть письма, и Юліанъ переходитъ затѣмъ къ частному вопросу, касающемуся нѣкоего Лавракія, съ которымъ, повидимому, у дяди императора произошли какія-то непріязненныя столкновения. Немногія строки, сюда относящіяся, чрезвычайно интересны и важны для характеристики этическихъ воззрѣній того, кто всю жизнь мечталъ о возрожденіи язычества и съ такимъ упорствомъ, съ такою настойчивостью велъ борьбу съ ученіемъ христіанъ. Юліанъ прежде всего совѣтуетъ своему дядѣ совершенно отрѣшиться отъ какихъ-бы то ни было личныхъ побужденій, совѣтуетъ ему подавить въ себѣ гнѣвъ и въ отношеніяхъ ко врагу руководиться единственно требованіями долга и справедливости. „Говорю это не потому“, пишетъ онъ, „чтобы полученныя тобою письма не были дѣйствительно грубы и переполнены всякою бравью и оскорбленіями,—но такія вещи надобно переносить: человѣку благородному и великодушному на злословіе не должно отвѣчать злословіемъ. Подобно тому какъ бросаемое въ твердую, крѣпкую стѣну къ ней не пристаетъ и ея не разбиваетъ, но съ еще большею силою отскакиваетъ на бросающаго,—всякая брань, клевета и незаслуженныя оскорбленія, когда ими осыпаютъ человѣка хорошаго, вовсе не затрогиваютъ его, но обращаются на оскорбителя... Наблюдай лишь одно: пороченъ Лавракій,—отдѣлайся отъ него сообразно своему достоинству; если-жъ онъ отъ природы справедливъ и умѣренъ и только по отношенію къ тебѣ провинился, прости ему: людей полезныхъ обществу должно цѣнить, хотя-бы въ частности противъ насъ они и повели себя не такъ, какъ-бы слѣдовало; что-же касается людей, вредныхъ обществу, то по моему мнѣнію, если-бъ намъ и было желательно ими пользоваться, должно однако не то, чтобы ненавидѣть и удалять ихъ отъ себя, но по крайней мѣрѣ остерегаться, дабы какъ-нибудь невзначай они не причинили зла,—а если убережешься отъ нихъ слишкомъ трудно, то вовсе ни на что не употреблять ихъ“....

Не менѣе интересно и второе изъ опубликованныхъ г. Па-

падоуло-Керамевсомъ писемъ, обращенное къ жрицѣ Θεοδορῆ. Имя этой жрицы до сихъ поръ было намъ извѣстно лишь благодаря одной коротенькой и совершенно безсодержательной запискѣ Юліана, помѣщенной подъ пятымъ нумеромъ въ общемъ сборникѣ его посланій; теперь-же передъ нами письмо, заключающее въ себѣ уже около сорока строкъ и по содержанію отчасти примыкающее къ предъидущему; здѣсь, какъ и тамъ, Юліанъ является миротворцемъ и старается успокоить Θεοδορῆ на счетъ своего вѣрнѣйшаго клеветы и любимца Селевка ¹⁾, со стороны котораго она, повидимому, опасалась какихъ-то интригъ и козней. Императоръ увѣряетъ ее, что кромѣ самыхъ лестныхъ отзывовъ онъ отъ Селевка никогда ничего о ней не слышалъ, — и затѣмъ продолжаетъ: „что-же касается до твоихъ многочисленныхъ выходокъ противъ него и до указанной тобою причины твоей ненависти къ нему, то говорю тебѣ откровенно, — ты неправы, если между мужчинами или женщинами, свободными или рабами даришь своимъ расположеніемъ кого-нибудь, кто не чтитъ боговъ, и кого ты обратишь не надеешься. Посуди сама: положимъ, кто-либо изъ твоихъ любимыхъ слугъ сталъ-бы угождать и прислуживать тѣмъ, кто тебя поноситъ и оскорбляетъ, а нами, друзьями твоими, началь-бы гнушаться и брезгать, — тогда неужели ты не пожелала-бы ему всякой гибели, или даже сама не наказала-бы его? Ну, — а развѣ боги хуже друзей? Вѣдь и къ нимъ примѣнимо тоже, — вѣдь они наши господа, а мы ихъ рабы. Итакъ, если кто изъ насъ, именующихъ себя служителями боговъ, любитъ раба, презирающаго ихъ и гнушающагося ихъ служеніемъ, то не долженъ-ли онъ либо обратить этого раба и такимъ образомъ сохранить его, либо-же выгнать изъ дома, а буде ему нелегко потерпѣть матеріальный ущербъ, то продать? Что до меня, то я не нуждаюсь въ любви тѣхъ, которые не любятъ

¹⁾ Селевкъ принадлежалъ къ числу адептовъ религіозно-философскихъ теорій Юліана и принималъ дѣятельное участіе въ реставраціи поверженныхъ во прахъ языческихъ алтарей и храмовъ. Въ одномъ изъ писемъ къ нему Либаній говоритъ: τὰ δὲ νῦν βωμοί, καὶ νεώ, καὶ τεμένη, καὶ ἀγάλματα, κοσμοῦμενα μὲν ὑπὸ σοῦ, κοσμοῦντα δὲ σε κτλ. Lib. ep. 680.

боговъ, да, полагаю, также слѣдовало-бы смотрѣть на дѣло и тебѣ, и вообще всякому, кто отиравляетъ жреческія обязанности и уже въ силу этого одного долженъ стремиться къ достиженію возможно большей чистоты предъ богами"... Эту тираду Юліанъ заключаетъ общимъ замѣчаніемъ: жрецъ по его мнѣнію и въ частной жизни обязанъ помнить о требованіяхъ, налагаемыхъ на него саномъ,—онъ обязанъ прежде всего изъ собственнаго дома удалить все вредное и нечистое.

Нельзя не замѣтить въ этихъ почти отеческихъ увѣщаніяхъ гораздо большей мягкости тона, вежели какой, напримѣръ, господствуетъ въ длинномъ, — очевидно, оффиціальномъ посланіи Юліана къ галатскому понтифику Арсакію, напечатанномъ во всѣхъ сборникахъ его писемъ (№ 49) и посвященномъ тѣмъ же вопросамъ жреческой нравственности. Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, больнымъ мѣстомъ императора было поднятіе моральнаго уровня того класса, въ которомъ онъ не могъ не видѣть могущественнѣйшаго орудія своей языческой пропаганды и ради исправленія котораго предпринялъ даже цѣлый рядъ административныхъ мѣръ. Юліанъ хотѣлъ вознести жречество на высокій, недостижимый пьедесталь нравственной чистоты и совершенства и потому требовалъ отъ представителей религіознаго культа почти монашескаго образа жизни. Имъ строго запрещалось показываться въ театрахъ или ресторанахъ (*μήτε θεάτρῳ παραβάλλειν, μήτε ἐν καπηλείῳ πίνειν*), даже водить дружбу съ актерами, равно какъ допускать въ свой домъ плясунновъ, фокусниковъ, или престижитаторовъ, читать сочиненія болѣе или менѣе скабрзнаго содержанія, особенно-же Архилоха, Гиппонакса и комиковъ, посѣщать пиршества, пышно и изысканно одѣваться, окружать себя роскошью и комфортомъ. Утромъ и вечеромъ должны они были возносить горячія мольбы къ богамъ, а день свой проводить въ пѣніи священныхъ гимновъ, сложенныхъ вдохновенными поэтами, и въ занятіяхъ философскихъ, выбирая впрочемъ только тѣ системы, которыя не отрицали бытія боговъ и отличались догматическимъ характеромъ; изученіе скептической философіи Пиррона (не говоря уже объ Эпикурѣ) поэтому строго осуждалось. Далѣе императоръ настаивалъ, чтобы его клевреты боролись съ христіана-

ми ихъ-же средствами, чтобы они подражали имъ въ дѣлахъ благотворительности, въ заботливости объ умершихъ, — въ томъ, что онъ называетъ *πεπλασμένη σερνότης κατὰ τὸν βίον*. Заставляя, на примѣръ, Арсакія и Θεодору гнать отъ себя христіанъ, какъ чуму и проказу, онъ въ тоже время не перестаетъ ставить на видъ своимъ единовѣрцамъ милосердіе и кротость этихъ заклѣтыхъ своихъ враговъ: „не стыдно-ли“, восклицаетъ онъ, „что среди іудеевъ нѣтъ ни одного пищаго, что нечестивые галилеяне даютъ пропитаніе не только своимъ бѣднякамъ, но и нашимъ, а у насъ есть люди нуждающіеся и не получающіе никакой помощи?“ Онъ ассигнуетъ большія суммы на устройство страннопримныхъ домовъ, изыскиваетъ средства на сооруженіе школъ и больницъ, дѣлаетъ попытку при языческихъ храмахъ учредить на манеръ христіанскихъ проповѣдей правильно организованная нравственно-религіозная собесѣдованія жрецовъ съ богомольцами. „Три добродѣтели необходимы“, пишетъ онъ: „милосердіе къ людямъ, чистоплотность и выполненіе обязанностей благочестія“.

Эта суровая почти аскетическая мораль безъ сомнѣнія не была органически связана съ самою сущностью греческаго политеизма, — напротивъ, она скорѣе ей противорѣчила. Она была насильственно привита къ язычеству его реорганизаторомъ, во всякомъ случаѣ составляла новшество, не имѣла корней въ освященной вѣками традиціи и потому естественно возбуждала ропотъ и недовольство среди того сословія, которому вмѣнялась въ непремѣнную, безусловную обязанность. Само собою разумѣется, что лицъ, удовлетворявшихъ, или по крайней мѣрѣ старавшихся удовлетворить идеаламъ Юліана, было не много, и тѣмъ дороже, тѣмъ выше долженъ былъ онъ цѣнить этихъ немногихъ. Сюда относится между прочимъ тотъ Θεодоръ, великій понтификъ провинціи Азіи, къ которому обращено *третье* изъ опубликованныхъ въ „Rheinisches Museum“ писемъ.

Θеодоръ — лицо для насъ не новое. Между прочимъ ему посвящено шестьдесятъ третье посланіе гертлейновой коллекціи, характерный образчикъ правительственной инструкціи, облеченной въ форму дружескаго письма. Это былъ одинъ изъ тѣхъ понтификовъ (*ἀρχιερεῖς*), которые были учреждены въ каждой

провинціи еще императоромъ Максиминомъ и затѣмъ удержаны Юліаномъ съ цѣлью верховнаго надзора за поведеніемъ низшихъ представителей жречества,—другими словами являлись сколкомъ съ христіанскихъ митрополитовъ того времени, надзиравшихъ за провинціальными епископами. Повидимому, Θεодоръ былъ надежнымъ пособникомъ императора. Онъ хорошо повялъ требованія Юліана и сумѣлъ удовлетворить имъ. Это явствуетъ изъ того теплаго, чисто дружескаго тона, какимъ написаны находящіяся теперь, благодаря открытію г. Пападопуло-Керамевса, въ нашихъ рукахъ строки. Здѣсь Юліанъ называетъ Θεодора своимъ „пріятелемъ“ (ἑταῖρος) и „самымъ дорогимъ изъ друзей“ (φίλων φίλων), хвалитъ его благородство и умъ, говоритъ, что въ его письмахъ обрѣтаетъ для себя источникъ глубокаго душевнаго спокойствія и радости, сравниваетъ его съ Сократомъ и Музоніемъ Руфомъ и въ концѣ концовъ проситъ его совѣтовъ и указаній. „Вѣдь въ союзникахъ“, пишетъ онъ ему по этому поводу, „люди нуждаются не въ мирное время, а тогда, когда несутъ труды войны; точно также и лодчаны приглашаютъ пловцовъ не тогда, когда стоятъ на якорѣ, а когда отправляются въ путь“. Онъ ищетъ обмѣна мыслей, ищетъ поддержки въ людяхъ, провѣннутыхъ тѣми-же воззрѣніями, что и онъ,—раздѣляющихъ съ нимъ его идеалы, и Θεодора безъ сомнѣнія считаетъ онъ именно такимъ человекомъ...

Одна, повидимому, совершенно неважная частность сдѣлала письмо, о которомъ мы сейчасъ говорили, необыкновенно интереснымъ и цѣннымъ документомъ. Дѣло въ томъ, что оно разрѣшило наконецъ давній споръ, вызванный въ ученомъ мірѣ небольшимъ отрывкомъ изъ нашего письма,—отрывкомъ, который помѣщенъ въ словарь Свида подъ словомъ βάρεις ¹⁾. Те-

¹⁾ Въ томъ экземплярѣ Юліанова письма, который находился въ распоряженіи Свида по ошибкѣ переписчика с ояло ἐπεμελετο βάρωνъ вмѣсто ἐπεμελετο Γούρωνъ. Свида объяснилъ непонятное „βάρωνъ“ глоссою „τεῖχωνъ“ (вѣроятно, подъ вліяніемъ новоперсидскаго b a r ō, стѣна), и вотъ на основаніи этой глоссы ученые облекли гіарскаго изгнанника саномъ какого-то „смотрителя стѣнъ!“ Теперь въ виду болѣе исправнаго чтенія придется смѣстить

перь оказывается, что поводомъ къ спору послужила просто ошибка Свида, имѣвшаго подъ рукою испорченную рукопись и читавшаго Βαρων тамъ, гдѣ должно было стоять Γυάρων (название острова, куда былъ сосланъ Нерономъ извѣстный философъ Музоній Руфъ). находка г. Пападопуло-Керамевса такимъ образомъ сразу уничтожила всѣ гипотезы и болѣе или менѣе остроумныя комбинаціи, придуманныя комментаторами Свида для объясненія небывалаго греческаго слова.

Въ заключеніе мнѣ остается упомянуть о трехъ послѣднихъ нумерахъ юліановыхъ писемъ, опубликованныхъ въ настоящее время,—именно о письмахъ къ Софисту Приску, Максиму и какому-то неизвѣстному лицу, по всей вѣроятности той-же самой жрицѣ Теодорѣ, о которой я сообщалъ выше. Въ сущности—это даже и не письма, а коротенькія записки; изъ нихъ двѣ послѣднія не превышаютъ въ общей сложности одиннадцати строкъ. Интереснѣе другихъ посланіе къ Приску, знаменитому ученику неоплатоника Эдезія и другу Юліана, съ которымъ императоръ впоследствии велъ свою предсмертную бесѣду о загробной жизни (Amn. Marcell. XXV, 3) и къ которому теперь онъ обращается съ просьбою разыскать для него исправный экземпляръ сочиненій Ямблиха младшаго, посвященныхъ философіи его болѣе извѣстнаго соименика (Ямблиха Халкидскаго). Какъ видно изъ другихъ мѣстъ, названный авторъ былъ однимъ изъ любимыхъ Юліаномъ философовъ, и въ тѣхъ строчкахъ, которыя относятся къ Ямблиху въ нашемъ письмѣ, это ясно выражается.

Издавая въ свѣтъ вторично результаты своей находки, г. Пападопуло-Керамевсъ позаботился внести въ текстъ нѣкоторыя поправки и улучшения, но трудную задачу эту рѣшилъ далеко не вполне. Съ реальной стороны вновь обнародованный матеріалъ также представляетъ не мало темнаго и загадочнаго. Устраненіе возникающихъ при чтеніи сомнѣній конечно

Музонія Руфа съ его загадочнаго административнаго поста и сдѣлать его благодѣтелемъ острова Гіара, который, какъ было и раньше извѣстно, благодаря усиліямъ философа, былъ снабженъ искусственнымъ орошеніемъ и пересталъ представлять бесплодную пустыню.

лежить на обязанности будущихъ критиковъ и комментаторовъ и можно надѣяться, что попытки въ этомъ направленіи не заставятъ себя долго ждать.

А. Дервицкий.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XXIX.

Изложеніе философскаго ученія Спенсера о познаваемомъ. Тѣсная связь этого ученія съ ученіемъ о познаніи. Пространство и временныя отношенія, какъ содержаніе нашего познанія и какъ виды бытія познаваемаго. Сходство и различіе, какъ непосредственно данные факты сознанія и какъ послѣдніе виды отношеній, къ которымъ сводятся всѣ другія отношенія дѣйствительности. Взаимная связь процессовъ интеграціи и дифференціаціи. Въ чемъ состоитъ развитіе (эволюція). Измѣненія отъ однороднаго къ разнородному и отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, которыми сопровождаются дифференціація и интеграція. Химическое и механическое распредѣленіе матеріи. Процессъ разрушенія большихъ и малыхъ агрегатовъ. Изъясненіе видимой дѣйствительности на основаніи установленныхъ началъ. Процессъ образованія мировыхъ тѣлъ и ихъ системъ. Раздѣленіе природы на органическую и неорганическую. Понятіе о жизни. Постепенное образованіе органическаго царства.

Есть философы позитивной школы, которые, не довольствуясь задачею философіи, предназначаею ей позитивизмомъ—объединить результаты знаній, и желая придать ей еще большее научное значеніе, именно поставитъ ее въ рядъ наукъ спеціальныхъ, ограничиваютъ ее изслѣдованіемъ познанія ¹⁾. Они

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 6.

¹⁾ Такъ напримѣръ Алоизъ Риль научную задачу философіи полагаетъ въ изслѣдованіи источниковъ познанія, въ выводѣ условій его и опредѣленіи его границъ. Философія поэтому есть для него наука о познаніи (Erkenntnisswissenschaft). См. Grundriss d. Geschichte d. Philosophie d. Neuzeit, Fr. Überweg. 6-e Auflage, s. 429. У насъ есть сочиненіе *Милославскаго* о философіи, какъ спеціальной наукѣ, гдѣ проводится тотъ же взглядъ на философію.

находятъ, что познаніе есть тотъ предметъ, который спеціально не изслѣдуется никакою наукою и что именно философія есть та наука, предметомъ которой должно быть познаніе.

Но можетъ-ли быть изъяснено познаніе само по себѣ, безъ отношенія его къ бытію познаваемому? Вѣдь познаніе настолько и есть познаніе, насколько оно простирается на познаваемое и выражаетъ его. А опредѣлить отношеніе познанія къ бытію познаваемому нельзя иначе какъ послѣ предварительнаго уясненія того, какъ слѣдуетъ понимать бытіе, въ чемъ оно состоитъ, что составляетъ его сущность. Можно пожалуй сказать на это, что и всякая спеціальная наука, изслѣдующая свой предметъ, нуждается во многихъ вспомогательныхъ знаніяхъ, которыя заимствуетъ изъ другихъ наукъ. Такъ и философія, хотя имѣетъ надобность въ опредѣленіяхъ онтологическихъ при рѣшеніи вопросовъ о познаніи, но это не значить, что познаніе не есть ея спеціальнѣйшій предметъ. Какая же наука можетъ дать философіи необходимыя понятія о бытіи? За исключеніемъ философіи нѣтъ такой науки, которая бы спеціально занималась вопросомъ о бытіи и этотъ предметъ признавала-бы подлежащимъ своему изслѣдованію. Итакъ ясно, что предметъ, подлежащій философскому изысканію, есть сколько познаніе, столько же и бытіе. Ни познаніе не можетъ быть опредѣлено и изъяснено безъ опредѣленія того, какъ оно относится къ бытію, ни бытіе не можетъ быть изъяснено само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ познанію, такъ какъ, помимо изъясненія того, что такое познаніе и въ чемъ оно состоитъ, нельзя звать, насколько дѣйствительное бытіе вещей познаваемо и, слѣдовательно, насколько для насъ доступно изъясненіе его сущности.

Вслѣдствіе столь очевидной взаимной зависимости двухъ означенныхъ предметовъ философскаго изысканія, каковы: *познаніе* и *бытіе*, ни теорія познанія не можетъ быть представлена съ полною ясностію безъ онтологическихъ опредѣленій, ни, наоборотъ, опредѣленія бытія не могутъ быть достаточно уяснены, если не обращать вниманія на условія познаваемости бытія, слѣдовательно, если не имѣть въ виду никакой опредѣленной теоріи познанія.

Вотъ почему изложенная выше теорія Спенсера объ индивидуальномъ и общечеловѣческомъ опытѣ, какъ источникахъ познанія, можетъ быть вполне оцѣнена лишь, когда мы рассмотримъ ученіе Спенсера о бытіи вещей. Съ другой стороны, и самое это ученіе о бытіи въ значительной мѣрѣ опредѣляется эмпирическимъ взглядомъ Спенсера на познаніе.

Въ чемъ состоитъ, по Спенсеру, познаніе вообще? Въ воспріятіи переменъ, касающихся пространственныхъ и временныхъ отношеній. Посему и бытіе вообще сводится къ однообразіямъ, т. е. къ многочисленнымъ повтореніямъ одинаковыхъ переменъ какъ въ области пространственныхъ, такъ и въ области временныхъ отношеній. Что касается прежде всего отношеній пространственныхъ, то переменны этого рода отношеній вообще состоятъ въ двухъ противоположныхъ процессахъ, каковы: *сочетаніе* и *раздѣленіе* (интеграція и дезинтеграція по терминологіи Спенсера). Въ свою очередь процессы сочетанія и разложенія условливаются отношеніями сходства и различія. А сходство и различіе—это непосредственно данный фактъ, свидѣтельствуемый и удостоверяемый нашимъ сознаніемъ съ недоказуемою и не требующею никакихъ доказательствъ очевидностію, а потому и не допускающей никакого дальнѣйшаго изъясненія, такъ что сходство и различіе есть столько же непосредственный *актъ сознанія*, сколько и не выводимый ни изъ чего, слѣдовательно, также непосредственно данный, *фактъ дѣйствительности*, познаваемой чрезъ наше сознаніе. Въ актѣ сочетанія сходнаго и различенія различнаго наше сознаніе вполне совпадаетъ съ бытіемъ расходящагося въ различномъ и сходящагося въ подобномъ ¹⁾. Переменъ

¹⁾ Необходимо для насъ предположеніе, говоритъ Спенсеръ, (составляющее поэтому первичное данное для философіи), что существуютъ согласія и несогласія (*congruities and incongruities*), и что они для насъ познаваемы. Мы не можемъ не признать истиннымъ тотъ приговоръ сознанія, что нѣкоторыя явленія подобны другамъ, а нѣкоторыя неподобны другимъ. Если сознаніе не есть вѣрный судья сходства и несходства его состояній, тогда не можетъ быть установлено и то согласіе въ цѣлой совокупности знаній, которое составляетъ философію, а также не можетъ быть установлено и то несогласіе, чрезъ которое узнается ошибочность философской или иной гипотезы... Когда мы говоримъ, что всѣ вещи извѣстнаго класса отличаются извѣстнымъ признакомъ,

ны же въ области отношеній времени вообще состоятъ въ послѣдовательности, съ какою происходятъ пространственные измѣненія, при чемъ самая эта послѣдовательность оказывается либо возрастаніемъ и усложненіемъ сочетавающагося вещества, либо постепеннымъ уменьшеніемъ и разъединеніемъ сложнаго, такъ что послѣдовательность состоитъ въ тѣсной и неразрывной связи съ переменными пространственными. Собственно временныя измѣненія состоятъ въ процессахъ *возрастанія* и *убыванія силы*; пространственные же переменныя состоятъ въ процессахъ *сложенія* и *разложенія вещества*. Но сочетаніе или накопленіе вещества есть въ тоже время возрастаніе силы, а разложеніе или разъединеніе вещества есть вмѣстѣ съ тѣмъ убыль силы, при чемъ оба поименованные процесса совершаются какъ разновременно, такъ и одновременно, разновременно въ отношеніи къ цѣлости существа, одновременно же— въ отношеніи къ отдѣльнымъ частямъ цѣлаго: цѣлое существо не можетъ въ одно время и слагаться и разлагаться, и возрастать и убывать; но въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ каждое

то это значитъ, что всѣ вещи, о которыхъ мы знаемъ, что онѣ сходны по этимъ различнымъ признакамъ, обозначаемымъ общимъ ихъ названіемъ, сходны также и въ томъ, что имѣютъ этотъ специальный признакъ. Сказать, что этотъ предметъ, на который обращено наше вниманіе, принадлежитъ такому-то классу,— это значитъ сказать, что онъ сходенъ, въ отношеніи разныхъ признаковъ, со всѣми другими предметами, съ которыми онъ обозначается однимъ общимъ именемъ. А когда мы говоримъ, что этотъ предметъ обладаетъ такимъ-то особымъ свойствомъ, то это значитъ, что онъ подобенъ другимъ имѣющимъ такое-же свойство. Напротивъ, въ утвержденіи, что известное свойство, въ томъ предметѣ, которому оно приписывается, не находится, въ этомъ утвержденіи заключается другое утвержденіе, что, вмѣсто признаваемого сходства, существуетъ несходство. Такимъ образомъ ни утвержденіе, ни отрицаніе какого-либо разсужденія, или нѣкоторой его части, невозможно, если не принять напередъ за несомнѣнное свидѣтельство сознанія, что известныя его состоянія (состояніями сознанія Спенсеръ здѣсь называетъ представленія) подобны, или неподобны... Слѣдовательно предположеніе, что существуетъ совпаденіе или несовпаденіе (разумѣется совпаденіе идей съ показателями чувствъ, такъ какъ Спенсеръ тѣ и другія безразлично называетъ состояніями сознанія, а между тѣмъ дѣло идетъ о познаніи), когда о томъ свидѣтельствуетъ сознаніе, есть предположеніе необходимое. *First principles* § 41. Устойчивое сознаніе сходства или различія прямо чрезъ свою устойчивость необходимо пріемлется, такъ что перебиваетъ и самый скептицизмъ, ибо внѣ того сознанія невозможно даже сомнѣніе. *Ibid.* § 44.

существо одновременно испытываетъ и прибыль и потерю, и усиленіе и ослабленіе, прибыль или усиленіе въ однихъ частяхъ, убыль или ослабленіе въ другихъ частяхъ ¹⁾.

Такова въ общихъ чертахъ теорія Спенсера о бытіи или природѣ вещей. Посмотримъ—какъ онъ мотивируетъ эту теорію въ частностяхъ и какъ пользуется ею для изъясненія дѣйствительности, иначе сказать, какова эта теорія въ примѣненіи ея въ дѣлѣ познанія и изъясненія вещей и человѣка, міра матеріальнаго и духовнаго.

Хотя вообще всякое происхожденіе должно представлять какъ процессъ сочетанія (интеграція), а разрушеніе напротивъ то же, что разложеніе или разъединеніе (дисассоціація), но такое значеніе имѣютъ означенные процессы, какъ сказано выше, лишь когда простираются тотъ или другой попеременно на цѣлость даннаго существа. Однакожь никогда не бываетъ и не можетъ быть такъ, чтобы совершался исключительно одинъ только изъ названныхъ процессовъ, а потому происхожденіе мы можемъ разсматривать какъ процессъ сочетанія или интеграціи лишь въ смыслѣ преобладанія, господства этого процесса надъ противоположнымъ ему процессомъ дизинтеграціи, и наоборотъ, лишь въ томъ смыслѣ можно признать всякое разрушеніе процессомъ дисассоціаціи, что послѣдній является при этомъ господствующимъ, тогда какъ процессъ сочетанія оказывается при этомъ въ положеніи подчиненномъ и имѣетъ значеніе второстепенное. И это понятно. Процессъ сложевія, какъ сказано, означаетъ происхожденіе лишь когда простирается на *цѣлость* существа; а равно и процессъ разложенія только при этомъ же условіи означаетъ собою разрушеніе или уничтоженіе. Но нѣтъ такого цѣлаго суще-

¹⁾ „Всѣ вещи либо возрастаютъ, или приходятъ въ упадокъ, накапливаютъ матерію, или утрачиваютъ оную, интегрируются, либо дезинтегрируются. Всѣ вещи измѣняются въ своей температурѣ, причемъ сжимаются или расширяются. И количество матеріи содержащейся въ агрегатѣ, и количество содержаемаго имъ движенія возрастаетъ, либо убываетъ, а возрастаніе и убываніе обоихъ есть переходъ къ большому распространенію, или-же къ большей концентраціи. Продолжающіяся потери или прибыли вещества, хотя-бы и незначительныя, должны повести неминуемо либо наконецъ къ разсѣянію, или-же къ неопредѣленному увеличенію. Ibid. § 95.

ства, котораго уже нельзя было-бы представлять какъ часть иного цѣлаго. Позитивизмъ вообще не допускаетъ возможности понятій безотносительныхъ; въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ понятіями, прямо выражающими отношеніе и ничего болѣе какъ только отношеніе: часть есть часть опредѣленнаго цѣлаго, т. е. лишь въ отношеніи только къ извѣстному опредѣленному цѣлому, которое въ свою очередь является частію иного высшаго цѣлаго. И вотъ почему нельзя сказать просто, безъ всякаго ограниченія, что происхожденіе есть процессъ сочетанія, интеграціи; для большей точности слѣдуетъ, напротивъ, сказать, что всякое происхожденіе есть столько же процессъ *интеграціи*, сколько и процессъ *дифференціаціи*. Оба эти процесса всегда происходятъ совмѣстно и одновременно, сопутствуя другъ другу съ тѣмъ только различіемъ, что либо оба находятся въ состояніи временнаго равновѣсія, либо одинъ является попеременно господствующимъ надъ другимъ.

Какъ же именно слѣдуетъ представлять совмѣстное и одновременное дѣйствіе названныхъ процессовъ, и каковы должны быть послѣдствія ихъ взаимодействія?

Матерія находилась вѣкогда въ состояніи разсѣянія и снова должна возвратиться въ то же состояніе. Переходъ отъ состоянія разсѣянія, въ которомъ матерія не можетъ быть ощутимою или замѣтною, въ состояніе сгущенія, причемъ она становится ощутимою, сопровождается всегда раздробленіемъ силы присущей матеріи, т. е. распредѣленіемъ ея между отдѣльными частями сплотившейся матеріи, въ состояніи разсѣянія всѣ частицы находятся въ непрерывномъ движеніи; когда же соединяются, то утрачиваютъ движеніе; поэтому и наоборотъ, когда соединенная матерія разлагается, то утраченное движеніе восстанавливается; уплотненіе, слѣдоват., сопровождается уменьшеніемъ внутренняго движенія, и наоборотъ, — увеличеніе движенія сопровождается разрѣженіемъ матеріи. Посему когда уплотненіе достигаетъ высшей степени (агрегатъ вполнѣ интегрированъ), тогда очень мало движенія содержится въ матеріи, ибо наибольшая доля движенія, которымъ обладали вѣкогда ея части, израсходовалась пока совершался

процессъ интеграціи. Вотъ этотъ-то процессъ уплотненія, сопровождаемаго потерей или разсѣяніемъ движенія, Спенсеръ называетъ *развитіемъ* (эволюція) ¹⁾. Въ самой простой и общей формѣ развитіе есть интеграція матеріи, сопровождаемая разсѣяніемъ движенія. Но развитіе рѣдко бываетъ простымъ; большею частію оно усложняется участіемъ второстепенныхъ дѣятелей наряду съ дѣятельностію силъ производящихъ стремленіе къ общему центру, т. е. интеграцію; это въ особенности бываетъ, когда интеграція совершается медленно. Нѣкоторая часть движенія сохраняется и послѣ того какъ совершилась интеграція,—именно остается внутреннее движеніе, а потому сверхъ того распредѣленія матеріи, которое производится процессомъ интеграціи, или иначе процессомъ распредѣленія относящагося къ цѣлому,—сохранившееся внутри движеніе, при содѣйствіи внѣшнихъ условій, является причиною второстепеннаго, именно внутренняго распредѣленія матеріи, т. е. производитъ рядъ внутреннихъ измѣненій. Такъ извѣстно, что теплота, сообщаясь твердому тѣлу, измѣняетъ его строеніе, а теплота есть молекулярное движеніе. Будутъ-ли даны вещества газообразныя, жидкія, или твердыя, одинаково вѣрно, что повышеніе температуры облегчаетъ ихъ химическія соединенія и разложенія. Чѣмъ сложнѣе химическія соединенія, тѣмъ легче они разложимы по причинѣ конечно большаго количества движенія, которое въ нихъ содержится.—Количество второстепеннаго, т. е. внутренняго распредѣленія въ

¹⁾ По общепринятому разумѣнію развитія (to evolve) значитъ развертываться, раскрываться, расширяться, распространяться, проявлять себя. Въ нашемъ же смыслѣ актъ эволюціи, хотя и предполагаетъ возрастаніе конкретнаго агрегата, а слѣдовательно его расширеніе, но означаетъ также, что составляющая этотъ агрегатъ матерія изъ состоянія болѣе разсѣяннаго перешла въ состояніе болѣе сгущенное, т. е. сдѣлалась плотнѣе. Противоположный терминъ—*инволюція* (Involution) вѣрнѣе выражалъ-бы сущность этого процесса.. Несмотря на то, мы принуждены пользоваться словомъ эволюція, какъ выражающимъ противоположность разложенія (Dissolution). Подъ названіемъ *разложенья*, согласно обычному его значенію, мы будемъ разумѣть поглощеніе (absorption) движенія и дезинтеграцію матеріи, а подъ названіемъ *эволюція* будемъ разумѣть процессъ всегда состоящій въ интеграціи матеріи и разсѣяніи движенія. § 97.

организмъ, измѣняется соотвѣтственно количеству скрытаго движенія называемаго теплотою.

Такимъ образомъ интеграція или сочетаніе частицъ матеріи происходитъ не только въ цѣломъ, но и въ отдѣльныхъ частяхъ цѣлаго; раздѣленіе цѣлаго на части предполагаетъ, сверхъ интеграціи, одновременно происходящую дифференціацію, однако такъ, что отдѣльныя части группы въ свою очередь интегрируются въ цѣлую систему. Какъ-же именно совершается раздѣленіе цѣлаго на части? Раздѣленіе это выясняется тѣмъ, что рядомъ съ измѣненіями, идущими отъ разсѣяннаго состоянія къ сгущенному, совершаются измѣненія отъ однороднаго къ разнородному. Основное условіе, отъ котораго зависитъ развитіе, есть *неустойчивость однороднаго*. Первоначально матерія представляла однородную массу. Но однородность дѣлаетъ равновѣсіе крайне неустойчивымъ. Неустойчивость однороднаго происходитъ отъ того, что различныя части однородной агрегаціи неизбежно подвержены дѣйствіямъ силъ различающихся по качеству или величинѣ, вслѣдствіе чего и измѣняются различно. По различію положеній внѣшняго или внутренняго, по различію большей или меньшей близости къ источникамъ вліянія и самыя вліянія должны быть неодинаковы по количеству, или по качеству, или же по тому и другому вмѣстѣ; отсюда и измѣненія въ частяхъ, подверженныхъ столь различнымъ воздѣйствіямъ, также должны быть различны ¹⁾. Развитіе, будучи рассматриваемо съ этой точки, — т. е. въ отношеніи дифференціаціи, являющейся послѣдствіемъ того, что однородное неустойчиво, — характеризуется тѣмъ, что вмѣстѣ съ дифференціаціей увеличивается опредѣленность формы какъ цѣлаго, такъ и отдѣльныхъ частей, такъ что развитіе идетъ отъ неопредѣленно однороднаго къ опредѣленной разнородности. Такимъ образомъ процессъ дифференціаціи точнѣе опредѣляется какъ переходъ отъ смѣшенія къ порядку, отъ *неопредѣленно* къ *опредѣленному*. При этомъ развитіе должно относить не только къ матеріи, но и къ самому движенію, или силѣ движущей. Дѣй-

¹⁾ First principles § 149 (рус. перев. § 114).

ствуя на однородную массу, сила сама при этомъ раздробляется на множество различныхъ силъ по различію частей матеріи, а чрезъ то является множество разнообразныхъ дѣйствій. Но это разнообразіе дѣйствій сочетается однако въ одно цѣлое вслѣдствіе процесса интегрированія. Молекулярное движеніе переходитъ въ движеніе массъ по мѣрѣ того какъ разсѣянная матерія сгущается. Такъ движеніе эфирной среды, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, преобразуется въ движеніе газа, затѣмъ въ движеніе жидкости, а это послѣднее въ движеніе твердаго вещества (на поверхности земли)

Но почему разнородное, которое образуется изъ однороднаго, является не хаотическимъ, а правильно упорядоченнымъ и согласованнымъ? Объясняется это тѣмъ, что всякій разъ какъ нарушается равновѣсіе однороднаго и различныя его части приходятъ въ движеніе, то при этомъ *различное раздѣляется, а сходное соединяется*. Такъ вѣтеръ отдѣляетъ сухіе листья, собирая ихъ въ кучу. Такимъ образомъ всѣ указаные процессы или виды отношеній сводятся къ отношеніямъ сродства и различія, признаннымъ выше непосредственно данными фактами сознанія, далѣе которыхъ анализъ не простирается. По мѣрѣ того какъ происходитъ дифференціація, т. е. превращеніе однороднаго въ разнородное, или иначе—распаденіе сплошной массы на отдѣльныя части, происходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ распределеніе этихъ частей по группамъ, изъ которыхъ каждая отличается своими особыми свойствами. Процессъ сочетанія различныхъ частей, на которыя распалась однородная масса, въ сложныя группы, отдѣльныя одна отъ другой, такъ что каждая является особымъ цѣлымъ, можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что тогда какъ часть силы дѣйствующей на однородную массу проявляетъ свое дѣйствіе въ превращеніи однородной массы въ разнородную, и это есть распределеніе молекулярное, другая часть той же силы должна проявиться въ механическомъ сочетаніи *сходныхъ* частицъ изъ общей массы тѣхъ, на которыя распредѣлилась однородная масса, и въ такомъ же раздѣленіи *несходныхъ*. Дѣйствіе одной части силы есть *химическое* или внутреннее, состоящее въ измѣненіи молекулярномъ; дѣйствіе-же другой ча-

сти силы есть *механическое*, состоящее въ простомъ перемѣщеніи испытанныхъ уже молекулярное измѣненіе частицъ матеріи. А самое перемѣщеніе состоитъ въ сочетаніи сходныхъ частицъ и въ раздѣленіи несходныхъ, ибо сила на одинаковыя частицы дѣйствуетъ одинаково (приводитъ ихъ въ движеніе одинаковой скорости и одинаковаго направленія), а на различныя различно, причемъ также и обратно,—частицы, на которыя дѣйствуетъ движущая сила, въ свою очередь дѣйствуютъ на нее, производя раздробленіе силы—одинаковыя дѣйствуютъ одинаково, а различныя—различно, чѣмъ и условливается раздѣленіе сходныхъ отъ несходныхъ и группированіе тѣхъ и другихъ порознь ¹⁾. Такъ изъясняется происхожденіе изъ однородной массы разсѣянной матеріи большихъ и малыхъ агрегатовъ, т. е. тѣлъ. Затѣмъ противоположный процессъ разрушенія этихъ агрегатовъ или переходъ ихъ въ состояніе разсѣянной матеріи изъясняется слѣдующимъ образомъ.

Вышедши изъ однородной массы, первоначально находившейся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, всѣ агрегаты большіе и малые равно стремятся къ равновѣсію устойчивому, къ состоянію покоя. „Что состояніе всемірной смерти будетъ концемъ повсюду совершающагося процесса, это представляется неподлежащимъ сомнѣнію“ ²⁾. Это заключеніе вытекаетъ изъ того, что взаимодѣйствіе движущихъ силъ необходимымъ своимъ послѣдствіемъ должно имѣть равновѣсіе

¹⁾ Выше сказано было, что въ однородной массѣ, по различному положенію ея частей, должны происходить неодинаковыя вліянія на эти части отъ дѣйствующей въ ней силы. Химическіе и механическіе процессы распродѣленія и представляютъ собою эту разность дѣйствій силы, присущей однородной массѣ. Превращеніе однороднаго въ разнородное, говоритъ Спенсеръ, состоитъ въ замѣтныхъ или незамѣтныхъ измѣненіяхъ относительнаго положенія частицъ, частью же въ тѣхъ и другихъ перемѣнахъ вмѣстѣ, именно—либо въ тѣхъ молекулярныхъ перестановкахъ, которыя называются *химическими*, или въ тѣхъ болѣе обширныхъ перемѣненіяхъ, которыя назыв. *механическими*, или наконецъ въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Далѣе механическія перемѣщенія опредѣляются тѣмъ, что сходныя части должны испытать одинаковую перемѣну, а несходныя должны подвергаться различной перемѣнѣ,—именно, одинаковыя части въ одномъ и томъ же направленіи движутся, а части неодинаковыя приходятъ въ движеніе различное по своему направленію. Ibid. § 163 (§ 127).

²⁾ Ibid. § 176. (§ 139).

этихъ силъ, или что тоже прекращеніе движенія. Никто не сомнѣвается, говоритъ Спенсеръ, въ томъ, что повсюду дѣйствуютъ притягательныя и отталкивательныя силы. „Когда дѣйствуютъ однѣ притягательныя силы,—или вѣрнѣе, когда только эти силы замѣтно выступаютъ, движеніе совершается тогда по направленію ихъ равнодѣйствующей, которая можетъ быть названа линіей наибольшаго притяженія. Когда же дѣйствуютъ однѣ отталкивательныя силы, или когда онѣ однѣ могутъ быть усмотрѣны, движеніе происходитъ въ направленіи ихъ равнодѣйствующей, которую обыкновенно обозначаютъ названіемъ линіи наименьшаго сопротивленія. Наконецъ, когда притягательныя и отталкивательныя силы дѣйствуютъ вмѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, когда тѣ и другія замѣчаются, движеніе совершается по равнодѣйствующей всѣхъ напряженій и сопротивленій. Собственно говоря, только послѣдній законъ имѣетъ мѣсто, такъ какъ, по предположенію, всюду дѣйствуютъ тѣ и другія силы. Но часто бываетъ, что однѣ изъ нихъ такъ безмѣрно преобладаютъ, что дѣйствіе другихъ можно не брать въ расчетъ“¹⁾).

Такъ какъ притягательныя и отталкивательныя силы повсюду дѣйствуютъ въ мірѣ и дѣйствіе ихъ въ силу закона сохраненія силы мы должны мыслить какъ постоянное, то отсюда слѣдуетъ, что всякое движеніе обусловливается сопротивленіемъ (всякое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе). Единицы веществъ твердыхъ, жидкихъ, газообразныхъ, аэирообразныхъ, наполняющія пространство, и стоящія на пути движущихся тѣлъ, оказываютъ сопротивленіе этимъ тѣламъ, а потому таковыя тѣла столько теряютъ движенія, сколько получаетъ его сопротивляющаяся имъ среда. Но постоянныя задержки, причиняемыя отдачей движенія сопротивляющейся средѣ, необходимо должны положить конецъ движенію тѣла чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время, иначе, движеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не установится равновѣсіе, а равновѣсіе рано или поздно установится.

Если концомъ развитія всего міроваго процесса должно быть

¹⁾ Ibid. § 75. (§ 41).

установленіе полнаго равновѣсія, или что то же, состояніе покоя, неподвижности, то и въ частности каждый отдѣльный агрегатъ, послѣ преобладающаго нѣкоторое время процесса интеграціи, подвергается процессу разложенія. „Развивающійся агрегатъ, между тѣмъ какъ съ одной стороны теряетъ движеніе и интегрируется, всегда тѣмъ или инымъ путемъ получаетъ нѣкоторое движеніе и въ соотвѣтственной мѣрѣ дезинтегрируется. И послѣ того какъ интегрирующія перемѣны перестаютъ господствовать, пріобрѣтеніе движенія постоянно направляется къ произведенію обратнаго превращенія (т. е. разложенія), причѣмъ хотя такой процессъ и задерживается нѣкоторое время разсѣяніемъ полученнаго движенія, но наконецъ совершается, именно такъ: когда развитіе совершило свое теченіе, когда агрегатъ наконецъ утратилъ избытокъ своего движенія и затѣмъ уже постоянно столько получаетъ движенія, сколько теряетъ, когда такимъ образомъ достигнуто то равновѣсіе, которымъ оканчиваются его измѣненія, съ тѣхъ поръ онъ дѣлается подверженнымъ всѣмъ дѣйствіямъ среды, которыя могутъ увеличить количество содержаемаго имъ движенія и которыя съ теченіемъ времени сообщать такой излишекъ движенія его частямъ, что это движеніе станетъ причиною разложенія. Смотря по тому очень-ли устойчиво равновѣсіе агрегата или очень неустойчиво, разложеніе можетъ совершиться очень быстро, или же потребовать безконечно много времени, закончиться въ нѣсколько дней, или въ нѣсколько милліоновъ лѣтъ. Но рано или поздно, а должно прійти время, когда этотъ агрегатъ, предоставленный всѣмъ случайностямъ, зависящимъ не только отъ непосредственно сосѣдствующихъ съ нимъ тѣлъ, но и отъ движущейся повсюду вселенной, погибнетъ одинъ или вмѣстѣ съ окружающими агрегатами вслѣдствіе разложенія его частей“¹⁾.

Итакъ начала, установленныя Спенсеромъ для изясненія явленій дѣйствительности, кратко можно такъ выразить: Прежде всего однороднос дѣлается разнороднымъ,—дифференцируется. Это изясняется тѣмъ, что хотя тѣже силы дѣйству-

¹⁾ Princ. § 177 (§ 140).

ють на всю однородную массу, однако дѣйствіе силъ распределяется различно уже по различію положенія частей матеріи, такъ что и самыя силы при этомъ претерпѣваютъ измѣненія, состоящія въ томъ, что одна сила, по различію частей, на которыя дѣйствуетъ, сама раздробляется, превращается въ различныя силы. Но для того, чтобы однородная масса могла дифференцироваться, распасться на отдѣльныя части, для этого необходимо сплоченіе разсѣянной массы, ибо самое это сплоченіе прежде всего должно проявиться въ раздѣленіи общей массы на множество отдѣльныхъ массъ, т. е. должно имѣть своимъ послѣдствіемъ дифференціацію, послѣ чего тотъ же процессъ сочетанія или интеграціи можетъ состоять лишь въ томъ, что раздѣленные одна отъ другой части, сочетаваясь, образуютъ отдѣльныя сложныя системы, которыя въ свою очередь состоятъ во взаимной связи, такъ что вообще дѣйствіе дифференціаціи постоянно чередуется противоположнымъ актомъ интеграціи, — что соотвѣтствуетъ противоположности дѣйствующихъ повсюду всеобщихъ силъ: притягательныхъ и отталкивательныхъ. Это и есть такъ называемая эволюція, или развитіе. На всѣхъ степеняхъ и во всѣхъ видахъ бытія повторяется смѣна одинаковыхъ актовъ дифференціаціи и интеграціи, однакожь такъ, что съ каждымъ дальнѣйшимъ повтореніемъ тѣхъ же актовъ, произведенія ихъ являются все болѣе и болѣе сложными агрегатами. Мы можемъ указать лишь важнѣйшія ступени этого все болѣе и болѣе увеличивающагося усложненія продуктовъ по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія производительныхъ актовъ или процессовъ дифференціаціи и интеграціи.

„Наша звѣздная система своей общей формою, своими скопленіями звѣздъ различной густоты, своими туманностями, въ которыхъ мы наблюдаемъ разныя степени сгущенія, наводитъ на мысль, что концентрація совершается повсюду, какъ въ частяхъ, такъ и въ цѣломъ“.

Таже исторія должна была повториться конечно и въ нашей солнечной системѣ. „Припятъ за вѣрное подобное мнѣніе, что солнечная система произошла изъ туманности, значитъ признать, что она образовалась посредствомъ интеграціи, которая

сопровождалась потерей движениа. Въ то время, какъ согласно гипотезѣ туманностей, происходило постепенное сосредоточеніе солнечной системы, какъ агрегата, вмѣстѣ съ тѣмъ происходила концентрація и каждаго изъ независимыхъ отчасти ея членовъ. Вещество каждой планеты, превращаясь послѣдовательно въ туманное кольцо, потомъ въ газообразный сфероидъ, потомъ въ жидкій сфероидъ, потомъ въ сфероидъ отвердѣвшій на поверхности, въ существенномъ повторяетъ лишь измѣненія, которыя происходили во всей массѣ. Тоже самое вѣрно и для спутниковъ. Далѣе, въ то время какъ интегрировалась матерія всей солнечной системы, а равно и матерія каждой ея отдѣльной части, дальнѣйшая интеграція происходила чрезъ возраставшую комбинацію между частями. Спутники каждой планеты образуютъ вмѣстѣ съ нею уравновѣшенную группу, между тѣмъ какъ въ то же время планеты и ихъ спутники вмѣстѣ съ солнцемъ образуютъ сложную группу, члены которой прочвѣе связаны другъ съ другомъ, чѣмъ какъ связаны были разсѣяныя части туманности, изъ которой произошла эта группа“ ¹⁾.

Въ общемъ порядкѣ переменъ, происходящихъ на поверхности нашей планеты, намъ представляется прежде всего важнѣйшее раздѣленіе природы на органическую и неорганическую. Раздѣленіе это состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ природѣ неорганической совершающійся процессъ эволюціи представляется простымъ, между тѣмъ какъ этотъ же процессъ въ природѣ органической является сложнымъ. Эволюція въ природѣ неорганической проста потому, что состоитъ лишь въ простыхъ переменнахъ сочетанія, при которомъ движеніе разсѣвается, и разложенія, при чемъ утраченное движеніе восстанавливается. Но въ природѣ органической процессъ эволюціи усложняется тѣмъ, что несмотря на интеграцію, движеніе не прекращается, но продолжается непрерывно внутри организованной матеріи, такъ что, при наружной устойчивости формы, внутри непрерывно измѣняется распределеніе частицъ матеріи, чему способствуетъ крайняя под-

¹⁾ Основныя начала, перев. Л. Алексѣева § 73 (§ 108).

вижность элементовъ (коллонды), входящихъ въ составъ организованной матеріи,—и воспріимчивость ихъ къ воздѣйствіямъ различныхъ силъ (каковы въ особенности: свѣтъ, теплота, химическое сродство ¹⁾). Но главное отличіе организованной матеріи конечно состоитъ въ томъ, что она живетъ. Въ чемъ-же состоитъ жизнь, что такое жизнь? Послѣ критическаго разбора многихъ опредѣленій жизни, Г. Спенсеръ въ сочиненіи своемъ: *Основанія біологіи*, останавливается на слѣдующемъ опредѣленіи жизни: жизнь, говоритъ онъ, можно рассматривать какъ измѣненіе, представляющее послѣдовательныя фазисы, или иначе, какъ рядъ измѣненій; затѣмъ онъ дополняетъ это опредѣленіе еще слѣдующими выводами, къ которымъ онъ приходитъ чрезъ сравнительное разсмотрѣніе наиболѣе далеко отстоящихъ другъ отъ друга жизненныхъ дѣйствій ²⁾. Жизненное измѣненіе отличается отъ неживаго тѣмъ, что оно складывается изъ многихъ *одновременныхъ* измѣненій, такъ что послѣдовательно происходящее жизненное измѣненіе слѣдуетъ рассматривать какъ сочетаніе (комплексъ или агрегатъ) многихъ одновременныхъ измѣненій, слѣдовательно, какъ измѣненіе сложное, а не простое: „живое тѣло отличается отъ неживаго многочисленностію въ каждый моментъ совершающихся въ немъ измѣненій. При этомъ и одновременныя и послѣдовательныя акты, составляющіе жизненное измѣненіе, нимало не сходны,

¹⁾ Ibid. § 68 (§ 103). Срав. The principles et Biology vol. 1 chapter 1.

²⁾ Лучшій способъ, говоритъ Спенсеръ, опредѣленія того каковы общія характеристическія черты отличающія жизненность отъ безжизненности, состоитъ въ сравненіи двухъ наименѣ сходныхъ видовъ жизненности, дабы видѣть въ чемъ они сходны. Явно, что существенно свойственное жизни должно быть общимъ для всѣхъ порядковъ жизни. А общее всѣмъ формамъ жизни наилучше можетъ быть усмотрѣно въ противоположности тѣхъ формъ жизни, которыя наименѣе имѣютъ общаго, или наименѣе сходны. Выбравъ процессъ ассимиляціи, какъ примѣръ тѣлесной жизни, и разсужденіе какъ примѣръ жизни духовной, мы прежде всего находимъ, что примѣры эти представляютъ собою процессы *измѣненія*. Безъ измѣненія пищи не можетъ сдѣлаться кровью, ни превратиться въ ткань; безъ измѣненія невозможенъ переходъ отъ посылокъ къ заключенію... Дальнѣйшее сравненіе ассимиляціи и разсужденія, чтобы видѣть различіе измѣненія происходящаго въ томъ и другомъ жизненномъ явленіи отъ перемѣны безжизненной,—показываетъ, что жизненное измѣненіе есть не простое, но состоящее изъ послѣдовательныхъ измѣненій. Princ. of Biolog. §§ 24, 25.

и слѣдовательно отличаются отъ другихъ измѣненій своею разнородностію, и что особенно важно, несмотря на свою разнородность,—всѣ измѣненія, составляющія жизненность, отличаются еще взаимною связью или сочетаніемъ въ одно цѣлое, такъ что „каждое изъ таковыхъ измѣненій возможно только при существованіи всѣхъ, и всѣ находятся подъ вліяніемъ cadaго“. И чѣмъ совершеннѣе живое существо, тѣмъ болѣе связаны между собою происходящія въ немъ измѣненія. Самая же эта связь или сочетаніе разнородныхъ, одновременныхъ и послѣдовательныхъ измѣненій въ живомъ существѣ отличается своею опредѣленностію, или иначе, постоянствомъ. Но болѣе характерная особенность жизненныхъ явленій состоитъ въ томъ, что между этими явленіями „и тѣми условіями, въ которыя поставлено живое существо, между процессами совершающимися, внутри и процессами совершающимися внѣ его, неизмѣнно и необходимо существуетъ сообразность“. Все сказанное Спенсеръ выражаетъ въ слѣдующемъ уже окончательномъ понятіи о жизни: она есть опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, въ соотвѣтствіи съ внѣшними сосуществованіями и послѣдовательностями ¹⁾. Такъ какъ жизнь представляетъ рядъ измѣненій, то понятно, что и соотвѣтствіе съ внѣшними отношеніями также непрерывно измѣняется, именно оно постепенно все болѣе и болѣе устанавливается и также подлежитъ, подобно всякимъ другимъ отношеніямъ, закону дифференціаціи и интеграціи, т. е. постепенно усложняется и расширяется, по мѣрѣ того какъ усложняется сочетаніе жизненныхъ явленій. Поэтому приспособленіе живаго существа къ внѣшнимъ условіямъ, съ точки зрѣнія философіи Спенсера, не есть на самомъ дѣлѣ что-либо особенное, такъ какъ и внутри живаго существа всѣ совершающіяся въ немъ перемѣны, можно сказать, тоже приспособляются взаимно однѣ къ другимъ; равно и перемѣны, происходящія внѣ живаго существа, въ обитаемой имъ средѣ,

¹⁾ Life is the definite combination of heterogeneous changes, both simultaneous and successive, in correspondence with external co-existences and sequences. Ibid. § 27.

помимо всякаго отношенія къ нему, также стремятся къ взаимному уравновѣшенію, такъ что приспособленіе внутреннихъ отношеній живаго существа къ внѣшнимъ отношеніямъ среды есть только частный случай изъ множества приспособленій какъ въ области внутреннихъ, такъ и въ области внѣшнихъ отношеній. Различіе внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній есть субъективное, т. е. существуетъ лишь съ точки зрѣнія самонаблюденія, слѣдовательно, только для такого наблюдателя своихъ состояній, который этихъ состояній не отдѣляетъ отъ самого себя, а никакъ не для посторонняго наблюдателя, каковымъ хочетъ быть исключительно Г. Спенсеръ въ своей философіи. Остается, повидимому, лишь та особенность жизненныхъ явленій отличительнымъ ихъ признакомъ, что сочетаніе такихъ явленій всегда имѣетъ опредѣленность, будутъ-ли это явленія внутреннія, будутъ-ли то отношенія или приспособленія внутреннихъ явленій къ условіямъ внѣшнимъ. „Соединенныя измѣненія, говоритъ Спенсеръ, происходящія въ ледникѣ, допускаютъ неопредѣленную вариацию. Въ случаѣ значительной перемѣны климата, таяніе и движеніе ледника могутъ быть остановлены на мириады лѣтъ, безъ уничтоженія возможности новаго проявленія этихъ дѣйствій при благопріятныхъ условіяхъ... Здѣсь, слѣдовательно, сочетаніе вовсе не имѣетъ той опредѣленности, какая въ растеніи отмѣчаетъ взаимную зависимость уподобленія, дыханія, и обращенія; еще менѣе замѣчается здѣсь та опредѣленность, которая состоитъ во взаимной зависимости главныхъ животныхъ отправленій“¹⁾). Повидимому, здѣсь подъ названіемъ опредѣленности сочетанія разумѣется цѣлесообразность, дѣйствительно составляющая отличительную черту органической природы. Но Спенсеръ видимо избѣгаетъ этого названія, конечно, потому, что цѣлесообразность предполагаетъ собою нѣкоторое новое начало отличное отъ силъ дѣйствующихъ въ природѣ неорганической, чего Г. Спенсеръ не могъ допустить безъ нарушенія единства своего міросозерцанія. Притомъ-же цѣль необходимо мыслится какъ твердый устойчивый пунктъ, къ которому сводятся цѣля группы по-

¹⁾ Biolog. § 25.

стоянно повторяющихся измѣненій и дѣйствій. И это опять также противно духу философіи Спенсера, которая во всемъ видитъ лишь непрерывно и безцѣльно происходящія измѣненія. Вотъ почему и самая опредѣленность сочетанія жизненныхъ измѣненій, на которую указываетъ Спенсеръ, какъ на важнѣйшій признакъ этихъ измѣненій, въ свою очередь рассматривается у Спенсера какъ процессъ постепенно совершающійся, какъ рядъ измѣненій; ибо опредѣленность не одинакова повсюду: у однихъ существъ является большею, у другихъ меньшею, такъ что, вмѣсто опредѣленности, на самомъ дѣлѣ есть лишь одна опредѣляемость. Отсюда понятно, почему для Спенсера невозможно на самомъ дѣлѣ опредѣлить, что такое жизнь. Не потому это, что сама жизнь есть нѣчто недоступное опредѣленію, непонятное. Этого Спенсеръ не полагаетъ, ибо такъ какъ для него все относительно, то относительно также и различіе живаго отъ неживаго, это есть различіе по степени, а не по сущности; онъ не можетъ опредѣлить, что такое жизнь единственно потому, что онъ нигдѣ и ни въ чемъ не допускаетъ ничего устойчиваго и постояннаго; для него все расплывается въ неопредѣленный рядъ измѣненій; а потому какой-бы онъ признакъ ни взялъ, съ его точки зрѣнія оказывается взятый имъ признакъ, вслѣдствіе измѣнчивости, легко переходящимъ гдѣ либо въ противоположное себѣ, отъ чего опредѣляемое понятіе требовалось разграничить. Такимъ образомъ жизнь, какъ и все иное у Спенсера, оказывается постоянно лишь опредѣляемою, но ни въ одномъ пунктѣ не является вполне опредѣленною. И тоже самое безсиліе мысли, обнаруженное Г. Спенсеромъ на первомъ-же шагу, какъ только онъ приступилъ къ разсмотрѣнію явленій жизненныхъ, неминуемо должно оказаться и дѣйствительно оказывается и далѣе въ послѣдующемъ изложеніи его теорій объ этомъ предметѣ.

Каждый организмъ, говоритъ Г. Спенсеръ, въ короткій промежутокъ времени, представляетъ рядъ измѣненій, которыя даютъ намъ довольно ясное представленіе о постепенномъ образованіи всего органическаго царства, стоитъ только представить эти измѣненія происшедшими въ теченіе безмѣрно вели-

каго періода времени и не однимъ способомъ, а разными. Въ индивидуальномъ развитіи мы имѣемъ въ крайне сжатомъ видѣ рядъ превращеній столь-же обширныхъ, какъ и тѣ, которыя, по гипотезѣ эволюціи, происходили въ неизмѣримо длинныя эпохи, о чемъ свидѣтельствуетъ намъ земная кора. Дерево неизмѣримо разнится отъ сѣмени во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ—по размѣрамъ, строенію, цвѣту, формѣ, удѣльному вѣсу, химическому составу; разнится такъ сильно, что между ними нельзя указать никакого видимаго сходства. И однако въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ одно изъ нихъ превращается въ другое, и превращается съ такою постепенностію, что нѣтъ такого мгновенія, въ которое можно было бы сказать: теперь зерно перестаетъ быть зерномъ, является дерево. Что можетъ быть менѣе похоже другъ на друга, какъ новорожденный ребенокъ и маленькій полупрозрачный шарикъ, составляющій человѣческое яичко? Дитя имѣетъ такое сложное строеніе, что потребна цѣлая энциклопедія для описанія его составныхъ частей. Зародышевой же пузырекъ такъ простъ, что его опредѣленіе помѣстилось бы на одной строчкѣ. И между тѣмъ достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ для того, чтобы изъ одного развилось другое; и притомъ это совершается рядомъ видоизмѣненій столь незначительныхъ, что если бы постоянно слѣдить за зародышемъ, то даже микроскопъ съ трудомъ обнаружилъ бы какія нибудь чувствительныя измѣненія. При помощи такихъ фактовъ мы можемъ сдѣлать представленіе объ общей эволюціи не менѣе опредѣленнымъ, какъ и всякое другое изъ нашихъ сложныхъ представленій.

Если, вмѣсто послѣдовательныхъ минутъ зародышевой жизни ребенка, мы представимъ себѣ рядъ послѣдовательныхъ поколѣній существъ, если примемъ, что послѣдовательныя поколѣнія не болѣе разнятся другъ отъ друга, чѣмъ зародышъ въ послѣдовательныя минуты своего развитія, то слабымъ будетъ наше воображеніе, коль скоро мы окажемся не въ состояніи представить себѣ происхожденіе самаго сложнаго организма изъ самаго простаго ¹⁾.

1) Ibid. § 118. „Если, говоритъ далѣ Спенсеръ, простая клѣточка, при надлежащихъ условіяхъ, въ теченіе не многихъ лѣтъ, становится человѣкомъ,

Итакъ все дѣло въ томъ, чтобы имѣть достаточно сильное воображеніе, стоитъ лишь представить то, что утверждаетъ теорія безконечной и безцѣльной эволюціи, дабы признать эту теорію. Впрочемъ и для воображенія не оказывается утверждаемаго Спенсеромъ совпаденія индивидуальнаго развитія съ развитіемъ всей органической природы. Какъ ни велико различіе между сѣменемъ и организмомъ, который изъ него образуется, однако тѣсная и необходимая связь между ними оказывается въ томъ, что изъ даннаго сѣмени не какой либо, но именно соотвѣтствующій ему организмъ развивается, а сверхъ того и самое развитіе организма завершается тѣмъ, съ чего началось, именно образованіемъ сѣмянъ необходимыхъ для продолженія того же рода организмовъ, откуда ясно видно, что развитіе индивидуальное представляетъ замкнутый кругъ измѣненій съ неизмѣнною правильностью повторяющійся; мы ви-

то конечно не трудно понять какимъ образомъ, при надлежащихъ условіяхъ, клѣточка въ теченіе неисчислимыя милліоновъ лѣтъ могла дать начало человѣческому роду". Зачѣмъ же однако, по предположенію Спенсера, нужны были милліоны лѣтъ? Если теперь клѣточка превращается въ человѣка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то почему также и въ началѣ не могло совершиться такое же чудо. Спенсеръ представляетъ дѣло такъ, что въ виду того, какъ теперь происходитъ развитіе человѣка изъ человѣческаго зародыша, уже нетрудно представить возможность первоначальнаго происхожденія человѣка въ теченіе неизмѣримо большаго времени; между тѣмъ какъ это именно и представляется непонятнымъ,—почему сначала нужны были милліоны лѣтъ для того, что теперь происходитъ въ теченіе немногихъ лѣтъ. Вѣдь если слѣдовать разсужденію Спенсера, то необходимо предположить, что спустя много вѣковъ и тысячелѣтій или пожалуй даже милліоновъ лѣтъ, періодъ времени, нужный для совершеннаго образованія человѣка, сократится до такой степени, что будетъ достаточно для этого одно мгновеніе. Ибо если теперь для развитія человѣческаго существа изъ зародыша требуется безконечно меньшее время, чѣмъ какое было нужно въ самомъ началѣ, то слѣдовательно потомъ для той же дѣли будетъ достаточно стольже безконечно меньшее время сравнительно съ тѣмъ какое теперь нужно. Очевидно, что дѣло заключается не во времени. И самъ Спенсеръ выражается, что только при *надлежащихъ условіяхъ* клѣточка теперь получаетъ надлежащее развитіе въ несоизмѣримо меньшій срокъ времени чѣмъ тотъ, въ который таже клѣточка первоначально, и также только при *надлежащихъ условіяхъ*, могла достигнуть своего развитія. Отъ чего же Спенсеръ эти то именно надлежащія условія и оставляетъ безъ вниманія, дѣлая особое удареніе лишь на предполагаемое имъ различіе во времени? Отъ того, конечно, что для него дѣйствительность ничего иного не представляетъ кромѣ относительной совмѣстности и *временной послѣдовательности переменъ*.

димъ непрерывное воспроизведеніе каждымъ организмомъ точно такого же организма. Напротивъ, развитіе всего органическаго царства, по теоріи эволюціи или прогресса, представляетъ такой процессъ, который, начавшись однажды съ клѣточки, и потомъ путемъ безконечнаго ряда видоизмѣненій достигши существующихъ теперь формъ, никогда не повторялъ и не повторяетъ пройденныхъ имъ ступеней, о которыхъ сохраняется лишь нѣкоторое смутное такъ сказать воспоминаніе въ видѣ различныхъ моментовъ образованія каждаго организма въ отдѣльности, такъ что всеобщій процессъ эволюціи представляетъ не круговую замкнутую линію, но прямую со множествомъ побочныхъ примыкающихъ къ ней линій и составляющихъ ея развѣтвленія.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ФИЛОСОФА ЛЕЙБНИЦА

ВЪ

СВЯЗИ СЪ ЕГО БОГОСЛОВСКОЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТІЮ.

Мы не имѣемъ намѣренія излагать полную исторію жизни философа Лейбница, столь богатую историческими фактами и столь разнообразную по своимъ многоразличнымъ обнаруженіямъ. Наша задача гораздо ограниченнѣе. Желая предложить читателямъ нашего журнала въ русскомъ переводѣ „Теодицею“ Лейбница, эту гениальную попытку согласенія положительнаго христіанства съ началами разума, мы хотѣли-бы только сдѣлать историческій очеркъ философскаго, или вообще научнаго развитія Лейбница въ связи съ его богословскою дѣятельностію. Это поможетъ намъ яснѣе представить себѣ главный характеръ его богословскихъ воззрѣній и точнѣе опредѣлить подлинное значеніе его „Теодицеи“ въ западно-европейскомъ движеніи богословской мысли ¹⁾.

¹⁾ Есть много біографій Лейбница. Изъ нихъ замѣчательнѣйшія: „Gottfried Wilhelm Freiherr von Leibniz“ Biographie von Dr. G. E. Gubrauer. Theil I. II. Breslau, Ferd. Hirt. 1842—46. „Biographie universelle“. Paris, Michaud, Tom. 24, p. 1—305. v. Leibniz. Кромѣ этихъ сочиненій, мы преимущественно пользовались еще: „Leibnizens Leben, von Dr. Schaarshmidt, помѣщенную въ „Philosophische Bibliothek“ Кирхмана, Leipzig 1875; „Eloge de M. Leibniz, par Fontenelle“, помѣщенную въ „Oevres de Leibniz“ Paris, 1842. „Лейбницъ и его время“ и „Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру В.“ г. Герье. Т. I. II. С. П.-Б. 1871; и друг.

I.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ выясненію главной задачи нашей, скажемъ нѣсколько словъ о жизни и общественномъ положеніи Лейбница вообще. Готфридъ Вильгельмъ Лейбницъ родился въ Лейпцигѣ 1649 года. Онъ былъ сынъ профессора нравственной философіи и секретаря (greffier) при Лейпцигскомъ университетѣ Фридриха Лейбница и его третьей жены, Евкатерины Шмюкъ, которая тоже была дочерью доктора и профессора правъ того-же университета. Понятно, что въ такомъ семействѣ любовь къ наукѣ была явленіемъ очень естественнымъ и составляла своего рода семейное наслѣдіе или преданіе. Впрочемъ маленький Лейбницъ уже на 6-мъ году своей жизни лишился отца, и его первоначальное развитіе происходило подъ вліяніемъ его достойной матери. Она отдала его въ Николаевскую Лейпцигскую школу, которая находилась подъ руководствомъ извѣстнаго въ тѣ времена филолога Якова Томазія. Мальчикъ не обнаруживалъ исключительной расположенности къ одному какому-либо роду занятій, и въ равной степени интересовался всѣмъ. Восьми лѣтъ, едва выучившись нѣсколько латинскому и греческому языкамъ, онъ сталъ уединяться въ библиотечную комнату своего отца и тамъ, руководимый случаемъ и дѣтскимъ любопытствомъ, сталъ читать поэтовъ, ораторовъ, историковъ, философовъ, богослововъ и пр. Лейбницъ самъ рассказываетъ о себѣ, что случай былъ для него благодѣтельнымъ божествомъ и натолкнулъ его на чтеніе классиковъ, которыхъ онъ сначала совершенно не понималъ, потомъ сталъ понимать лишь необходимое, пока наконецъ воплотилъ въ себѣ ихъ образъ мышенія и ихъ богатый языкъ. Само собою разумѣется, что во время своихъ чтеній онъ нуждался въ сторонней помощи и вынужденъ былъ обращаться за этою помощію ко многимъ свѣдущимъ людямъ, которыхъ находилъ иногда далеко за предѣлами Лейпцига. Такимъ-то образомъ, не имѣя еще и 15 лѣтъ, онъ уже съ увлеченіемъ отдавался чтенію самыхъ трудныхъ системъ греческой философіи и живо интересовался средневѣ-

ковыми богословскими спорами. Лейбницъ самъ говоритъ, что чтеніе сочиненій богослововъ и ихъ противниковъ, вмѣсто того, чтобы запутать его понятія, лишь укрѣпило его преданность авгсбургскому вѣроисповѣданію. Схоластическія тонкости, замѣчаетъ по этому поводу французскій издатель его твореній профессоръ Жакъ, не истопили его терпѣнія и не подавили способностей этого удивительнаго мальчика. Онъ умѣлъ находить золото въ кучѣ схоластическаго варварства ¹⁾. На пятнадцатомъ году Лейбницъ поступилъ въ университетъ, гдѣ, по совѣту дяди своего по матери, сталъ изучать правовѣдѣніе, но въ то же время продолжалъ свои прежнія философскія занятія. Достаточно пріучивши себя къ логическимъ упражненіямъ и къ самостоятельной умственной работѣ, онъ сталъ изучать Аристотеля и его послѣдователей, съ удовольствіемъ читалъ Платона, Плотина, увлекался ученіемъ о пустотѣ и объ атомахъ, столь яснымъ для его молодаго воображенія, и наконецъ перешелъ къ современной философіи, въ то время картезіанской, которая имѣла то благотворное вліяніе на него, что предохранила его отъ увлеченія схоластикомъ. Въ это же время онъ сталъ углубляться въ рѣшеніе вопроса, надобно ли допустить существованіе субстанціальныхъ формъ, присущихъ сущности предметовъ, какъ училъ Аристотель, или надобно объяснять разнообразіе формъ въ предметахъ механизмомъ, о которомъ говорила новая картезіанская философія. Теорія механизма превозмогла, и онъ отдался изученію математическихъ наукъ. Скоро однакоже онъ не могъ уже довольствоваться однимъ механическимъ пониманіемъ природы; увлекаемый любопытствомъ къ изслѣдованію послѣднихъ основъ всего существующаго, что составляетъ характеристическій признакъ философскаго генія, онъ сталъ искать послѣднихъ причинъ самаго механизма и законовъ движенія и убѣдился, что надобно, не разрывая связей съ картезіанизмомъ, высится надъ нимъ, возвратиться къ метафизикѣ, къ знанію первыхъ и высочайшихъ началъ всякой истины. Съ этой

¹⁾ „Oeuvres de Leibniz“. Paris, 1842. Introduction, p. II.

высоты онъ предпринялъ основать ученіе собственное, оригинальное, при существованіи котораго онъ могъ-бы обозрѣвать обширную область древнихъ и новыхъ системъ, наудачу и съ затрудненіями усвоенныхъ имъ во время юношескихъ чтеній своихъ,—могъ-бы обозрѣвать въ строгой связи, послѣдовательности и законосообразности. Онъ желалъ, какъ самъ выражается, созерцать ихъ „какъ-бы въ нѣкоторомъ центрѣ перспективы, откуда предметъ, представляющійся запутаннымъ со всякой другой точки зрѣнія, могъ-бы проявить свою правильность и сообразность во всѣхъ своихъ частяхъ“ ¹⁾. Въ 1663 году онъ получилъ званіе бакалавра правъ за свое разсужденіе *De principio individui* и для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ отправляется въ Іенскій университетъ, гдѣ на него имѣлъ благотворное вліяніе нѣкто Вейгель, отличный математикъ и ученый нѣмецкій стилистъ. Черезъ годъ, возвратившись въ Лейпцигъ, Лейбницъ получилъ степень магистра правъ за свое сочиненіе: *Specimen difficultatum in jure seu quaestiones philosophicae aeterniores ex jure collectae*, и будучи двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, задумалъ уже получить степенъ доктора. Но деканъ Лейпцигскаго университета, побуждаемый своею женою, отказалъ ему въ этой степени подъ предлогомъ его молодости. Быть можетъ, это обстоятельство имѣло вліяніе на всю послѣдующую жизнь Лейбница; онъ никогда не былъ женатъ. Пятидесяти лѣтъ отъ роду онъ хотѣлъ было жениться, но избранная имъ дѣвушка попросила у него времени для размышленій. Это заставило и самаго Лейбница снова обдумать свое предложеніе и онъ рѣшился никогда не жениться. Какъ-бы то ни было, только Лейбницъ отмыслить за себя лейпцигскому декану и его женѣ тѣмъ, что отправился въ Альтдорфскій университетъ, гдѣ не только получилъ за отдѣльную часть изъ полнаго сочиненія своего *De arte combinatoria*, докторскую степенъ при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, но кромѣ того, здѣсь же ему предложили мѣсто экстраординарнаго профессора. Впрочемъ Лейбницъ

¹⁾ Lettre à Basnage, p. 154, ed. Erdm. Introduction, ibid. p. II.

отказался отъ профессорства, желая всецѣло отдаться свободнымъ ученымъ занятіямъ. Случайное обстоятельство видоизмѣнило нѣсколько этотъ первоначальный планъ его. Въ Нюрембергѣ, гдѣ Лейбницъ хотѣлъ было поселиться и гдѣ былъ принятъ въ общество какихъ-то алхимиковъ, разгадавши предварительно въ древнихъ алхимическихъ сочиненіяхъ какія-то непонятныя формулы, онъ случайно познакомился (въ 1667 г.) съ бывшимъ министромъ Майнцскаго курфюрста Боанебургомъ, который, угадавши геніальныя способности Лейбница, уговорилъ его поселиться во Фракфуртѣ и благодаря своей сильной рекомендаціи, вскорѣ предоставилъ ему возможность занять должность майнцскаго совѣтника юстиціи. Лейбницъ числился въ этой должности до 1671 года. Съ этихъ же поръ начинается его ученая, юридическая, дипломатическая и придворная дѣятельность, которая всегда находилась въ связи съ его богословско-философскими убѣжденіями. Тридцатилѣтняя война, истощившая и унижившая Германію, убѣдила нѣмецкихъ патріотовъ, что оружіемъ нельзя пріобрѣсти прочнаго мира, что этого можно достигнуть только соглашеніемъ разрозненныхъ западныхъ вѣроисповѣданій. Боанебургъ былъ преданъ этой идеѣ душою и тѣломъ, и легко могъ склонить къ тому же и Лейбница, который съ живымъ патріотическимъ чувствомъ соединялъ глубокое религіозное чувство. Возстановленіе могущества Германской имперіи, а для этого примиреніе разрозненныхъ западныхъ вѣроисповѣданій въ связи съ защитою христіанскихъ истинъ отъ нападеній вольнодумцевъ, — вотъ что стало главною задачею Лейбница, которую онъ во все теченіе своей жизни старался осуществить не только научнымъ путемъ, но и практическимъ. Эта задача лежитъ въ основѣ всей его разнообразной дѣятельности. При дворѣ Майнцскаго курфюрста, куда Лейбницъ скоро получилъ доступъ, его задача привимаетъ даже политическій характеръ. Вмѣстѣ съ Боанебургомъ онъ создаетъ смѣлый планъ, который долженъ былъ отвратить воинственные замыслы Людовика XIV отъ Германіи, униженной, ослабленной и разъединенной, и направить его оружіе на изгнаніе турокъ, или,

по крайней мѣрѣ, на завоеваніе Египта. Съ этою цѣлію, по порученію курфюрста, онъ отправляется въ Парижъ, чтобы во время личной аудіенціи у французскаго короля развить предъ нимъ и доказать свой планъ. Миссія Лейбница оказалась однакоже безуспѣшною. Людовикъ XIV предпочелъ направить свой ударъ на Германію и не обратилъ никакого вниманія на Египетъ; экспедиція въ Египетъ могла осуществиться лишь столѣтіемъ позже. Тѣмъ не менѣе продолжительное пребываніе Лейбница въ Парижѣ имѣло очень важное значеніе для него. Въ Парижѣ, его необыкновенные таланты развились и окрѣпли вполне. Парижъ соединялъ въ тѣ времена многихъ замѣчательныхъ ученыхъ, въ обществѣ которыхъ Лейбницъ пріобрѣлъ новый взглядъ на вещи и скоро сталъ передовымъ поборникомъ научнаго прогресса. Съ одной стороны, онъ сошелся съ обществомъ философовъ и богослововъ, преимущественно изъ школы Декарта, съ другой—завязалъ сношенія съ выдающимися математиками и естествоиспытателями, которыхъ труды объединяла тогда французская академія наукъ. Здѣсь же онъ вошелъ въ сношеніе со многими замѣчательными личностями, напримѣръ, съ знаменитымъ парижскимъ епископомъ Боссюэтомъ, не менѣе его знаменитымъ богословомъ и философомъ Антономъ Арнольдомъ, извѣстнымъ математикомъ Сень-Венса-номъ и пр. Парижскіе ученые обратили вниманіе на гениальнаго чужестранца; вскорѣ Лейбницъ за свои математическія познанія сдѣланъ былъ членомъ королевскаго ученаго общества, а парижская академія наукъ предложила ему званіе дѣйствительнаго члена академіи, если онъ приметъ католицизмъ; но Лейбницъ отказался отъ этой чести, а потому только позже былъ принятъ въ число членовъ этой академіи. Изъ Парижа Лейбницъ два раза путешествовалъ въ Англію; въ первый разъ въ 1673 году, когда его посольство ко двору французскаго короля оказалось совершенно безуспѣшнымъ; а во второй разъ въ 1676 году, послѣ того какъ онъ окончательно рѣшился возвратиться въ Германію. Дѣло въ томъ, что смерть покровителя его Боанебурга, а затѣмъ Майнцаго курфюрста порвала всѣ его свя-

зи съ Майнцскимъ дворомъ, и Лейбницъ рѣшился было навсегда поселиться въ Парижѣ. Но въ Парижѣ онъ познакомился съ Іоанномъ Фридрихомъ курфюрстомъ Ганноверскимъ, который два раза безуспѣшно приглашалъ его переселиться въ Германію. Когда же курфюрстъ въ третій разъ возобновилъ свое предложеніе въ 1676 году, Лейбницъ принялъ наконецъ это предложеніе и навсегда поселился въ Ганноверѣ. Но предъ отправленіемъ въ Германію, онъ во второй разъ отправился въ Англію и во время своего путешествія туда и обратно частію возобновилъ, а частію заключилъ новыя знакомства съ замѣчательными въ какомъ-либо отношеніи людьми своего времени и учеными; такъ напримѣръ, въ Гаагѣ онъ посѣтилъ знаменитаго философа Спинозу. Въ Ганноверѣ Лейбницъ занялъ двойную должность, именно герцогскаго бібліотекаря и члена судебной коллегіи (Rathscollégiums); обѣ эти должности вполнѣ соотвѣтствовали душевному настроенію Лейбница, такъ какъ соединяли въ себѣ научный элементъ съ практическимъ. Ганноверъ сталъ для него вторымъ отечествомъ. Лейбницъ около сорока лѣтъ находился въ служеніи ганноверскому двору, и служеніе его этому двору было столько-же разнообразнымъ, какъ и прежнее при дворѣ Майнцскомъ. Изъ служебной дѣятельности его въ Ганноверѣ въ особенности замѣчательны для насъ его уніанистскія хлопоты по дѣлу соединенія церквей и услуги, оказанныя собственно ганноверскому двору. Ганноверъ былъ въ тѣ времена центромъ, гдѣ преимущественно велись переговоры о примиреніи церквей, и Лейбницъ принималъ живѣйшее участіе въ этихъ переговорахъ. Но такъ какъ съ католической стороны домогались не примиренія, а лишь полного подчиненія Риму, между тѣмъ какъ протестанты во главѣ съ Лейбницемъ не хотѣли отказаться отъ свободы своей вѣры и независимаго изслѣдованія Слова Божія: то всѣ эти переговоры оказались безуспѣшными. По смерти Іоанна Фридриха въ 1679 году переговоры эти для Лейбница ограничились лишь ученою перепискою съ выдающимися католическими богословами, напримѣръ, съ Боссюэтомъ; но и это не привело ни къ чему; да

и самая переписка никогда не была обнародована. Гораздо успѣшнѣе были его услуги собственно Ганноверскому дому. Дѣло шло о собраніи историческихъ документовъ, касавшихся этого царствовавшего вельфскаго дома, частію для увеличенія блеска этого дома, а частію для разъясненія наслѣдственныхъ его правъ. Эрнстъ Августъ, преемникъ Іоанна Фридриха, поручилъ это дѣло Лейбницу, и онъ выполнилъ его съ рѣдкою добросовѣстностію и полнымъ успѣхомъ. Онъ три года употребилъ на собраніе этихъ документовъ, изѣздилъ всю Германію и Италію, былъ въ Вѣнѣ, Венеціи, Римѣ и многихъ другихъ городахъ, развилъ обширный кругъ знакомства, вездѣ входя въ сношеніе съ учеными людьми. Замѣчательно, когда Лейбницъ былъ въ Римѣ, отцы іезуиты предлагали ему завѣдываніе Ватиканскою бібліотекою, что по католическимъ правиламъ соединено съ кардинальскимъ достоинствомъ; но Лейбницъ отказался отъ этого лестнаго предложенія, потому что не захотѣлъ принять католицизма. Другая услуга Лейбница Ганноверскому двору состояла въ стараніяхъ по дѣлу возведенія Ганновера въ число девяти курфюрствъ, обладавшихъ правомъ избранія императора; Лейбницъ много хлопоталъ объ этомъ во время своего двукратнаго пребыванія въ Вѣнѣ, и усилія его увѣнчались наконецъ полнымъ успѣхомъ въ 1692 году. Теперь только онъ, пользуясь большимъ вліяніемъ при Ганноверскомъ дворѣ, могъ вполнѣ отдаться своимъ разнообразнымъ ученымъ занятіямъ. И Лейбницъ отдался научнымъ изслѣдованіямъ съ изумительною энергіею. Смерть Эрнста Августа не имѣла на первыхъ порахъ большаго вліянія на перемѣну его занятій и положенія при дворѣ; Лейбницъ даже расширилъ кругъ своей внѣшней дѣятельности. Еще въ 1684 году супруга Ганноверскаго курфюрста Софія, славившаяся своею политическою мудростію, устроила бракъ дочери своей Софіи Шарлотты съ курфюрстомъ Фридрихомъ Бранденбургскимъ, несмотря на различіе вѣроисповѣданій новобрачныхъ. Лейбницъ принималъ живѣйшее участіе при заключеніи этого брака; онъ велъ предварительные переговоры по этому поводу и устранялъ всѣ юридически-вѣроисповѣдныя недоумѣнія и затруд-

ненія. Это упрочило положеніе Лейбница при двухъ дворахъ—Ганноверскомъ и Бранденбургскомъ. Вслѣдствіе этого Лейбницъ часто бывалъ въ Берлинѣ, велъ продолжительныя богословско-философскія бесѣды съ Софіею Шарлоттою и пользовался своимъ вліяніемъ для осуществленія главныхъ задачъ своей жизни. Въ Берлинѣ, точно также какъ и въ другихъ мѣстахъ своего пребыванія, онъ прежде всего заботится объ уніи католиковъ съ протестантами, или, по крайней мѣрѣ, объ уніи реформатовъ съ лютеранами; и когда его дѣятельность въ этомъ направленіи оказывается безуспѣшною, онъ обращаетъ все свое вниманіе на развитіе наукъ, распространеніе просвѣщенія и учрежденіе ученыхъ обществъ. Его идеи о примиреніи реформатовъ съ лютеранами оказались преждевременными и только въ нынѣшнемъ столѣтіи нашли себѣ нѣкоторое осуществленіе; но за то Лейбницъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе германской образованности. Въ Германіи онъ основалъ нѣсколько журналовъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшими были: „*Acta eruditiorum*“, журналъ издававшійся въ Лейпцигѣ, по образцу французскаго ученаго журнала „*Journal des Savants*“, и „*Monatlichen Auszug*“ (Ежемѣсячный перечень), журналъ издававшійся въ Ганноверѣ. Въ обоихъ журналахъ Лейбницъ принималъ самое дѣятельное участіе. Замѣчательны также его хлопоты объ основаніи ученыхъ обществъ и академій въ различныхъ европейскихъ столицахъ. То было время, когда многіе европейскіе государи старались подражать Людовику XIV. Фридрихъ Бранденбургскій также увлекался этою слабостію, и Лейбницъ прекрасно воспользовался ею для основанія Берлинской Академіи наукъ, долженствовавшей увеличить собою блескъ новосозданнаго Прусскаго королевства. Лейбницъ былъ сдѣланъ первымъ президентомъ этой Академіи. Пользуясь личнымъ знакомствомъ съ Фридрихомъ Августомъ, курфюрстомъ Саксонскимъ и королемъ Польскимъ, Лейбницъ хлопочетъ также объ основаніи Академіи въ Дрезденѣ; и когда хлопоты его оказываются безуспѣшными, онъ обращаетъ свой взоръ на Вѣну и даже на С.-Петербургъ. Въ 1711 г., по случаю бракосочетанія царевича Алексѣя съ одною

изъ Вольфенбютельскихъ принцессъ, Лейбницъ представленъ былъ Петру Великому въ Торнѣ, успѣлъ снискать его благо-расположеніе, и Петръ Великій съ удовольствіемъ пользовался его услугами при осуществленіи своихъ великихъ преобразовательныхъ плановъ. Впрочемъ Петербургская Академія наукъ могла быть учреждена лишь послѣ смерти преобразователя Россіи. Лейбницъ много хлопоталъ также объ учрежденіи Вѣнской академіи наукъ, или, по крайней мѣрѣ, объ учрежденіи „Историческаго Общества“ (Collegium historicum). Для осуществленія этой цѣли онъ долго жилъ въ Вѣнѣ и приобрѣлъ содѣйствіе многихъ высокопоставленныхъ людей, помогавшихъ ему въ этомъ; но іезуиты своими интригами сумѣли разстроить всѣ его планы; они не могли простить ему того, что онъ не захотѣлъ перейти въ католицизмъ. Между тѣмъ положеніе Лейбница, какъ придворнаго чело-вѣка, сильно пошатнулось. Въ 1705 году умерла Софія Шарлотта Бранденбургская, а въ 1714 году и мать ея Софія Ганноверская. Съ смертію этихъ вѣнценосныхъ дамъ, которыя питали искреннюю расположенность и даже дружбу къ Лейбницу, онъ лишился всякаго вліянія при дво-рахъ—Берлинскомъ и Ганноверскомъ. Это много огорчало Лейбница. Придворныя интриги еще болѣе уронили Лейб-ница въ глазахъ двора. Курфюрстъ Георгъ Людвигъ, взо-шедши на Ганноверскій престолъ и провозглашенный за-тѣмъ королемъ Великобританіи, даже выразилъ ему свое неудовольствіе за его продолжительныя отлучки изъ Ганно-веры и не захотѣлъ взять его съ собою въ Лондонъ, гдѣ Лейбницъ предполагалъ продолжать и развивать свою уче-ную дѣятельность. Лейбницъ потерялъ всякое вліяніе при дворѣ. Такъ окончилась карьера величайшаго германскаго философа. Лейбницъ скончался (въ 1716 г.) на семидеся-томъ году своей жизни отъ ревматизма, огорченный, забы-тый и оставленный всѣми. По выраженію одного современ-ника, Лейбница схоронили скорѣе какъ дезертира, а не какъ величайшее украшеніе своего отечества.

Печальны были послѣдніе дни жизни Лейбница; но они еще разъ доказали всѣмъ, что нельзя безнаказанно возвы-

шаться надъ обыкновенною толпою людей ни своими выдающимися талантами, ни благородствомъ и возвышенностию задачъ и цѣлей жизни. Люди мелочные, ограниченные и завистливые упрекали Лейбница во многихъ отношеніяхъ. Его упрекали, напримѣръ, въ челоуѣкоугодничествѣ, въ заискиваніи у сильныхъ міра сего, въ домогательствѣ преимущественнаго вліянія и власти при дворахъ европейскихъ вѣнценосцевъ; но Лейбницъ очень хорошо понималъ, что только этимъ путемъ можно было достигнуть тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ неуклонно стремился. Конечно онъ домогался силы и вліянія при дворахъ; но онъ никогда не злоупотреблялъ ими, никогда не пользовался ими для угнетенія слабыхъ, или для какихъ-либо иныхъ деспотическихъ цѣлей. Гуманный и челоуѣколюбивый, по природѣ мягкій и великодушный, онъ не только возмущался всякою неправдою, но и рѣшительно осуждалъ всевозможныя крутыя мѣры, какъ-бы они ни прикрывались маскою законности. Когда онъ узналъ, напримѣръ, о казняхъ Петра Великаго надъ стрѣльцами, то онъ столько-же скорбѣлъ о казненныхъ, какъ и о самомъ царѣ, котораго глубоко уважалъ. Онъ говорилъ, что правило: пусть ненавидятъ, лишь-бы боялись (*oderint, dum metuant*), очень опасно. „Молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ царя, и чтобы его преемникъ могъ успѣшно довершить начатое имъ образованіе народа“. Лейбница укоряли еще въ пристрастіи къ деньгамъ, въ богатомъ содержаніи, которое онъ получалъ отъ различныхъ европейскихъ дворовъ. Говорили, напримѣръ, о его доходахъ, будто они были такъ велики, что его племянница, жена пастора и единственная послѣ него наслѣдница внезапно скончалась отъ радости, ставши обладательницею наслѣдства по смерти своего дяди. Но это наслѣдство было только двухгодичнымъ сбереженіемъ доходовъ, ежегодно получаемыхъ Лейбницемъ; а это во всякомъ случаѣ доказываетъ, что если Лейбницъ много получалъ, то много и расходовалъ. Вообще злословіе, зависть и клевета, въ особенности со стороны пасторовъ, не щадили Лейбница ни при жизни, ни послѣ смерти его. Но источникъ всего этого одинъ: это необыкновенныя да-

рованія Лейбница и его изумительная и разнообразная дѣятельность. Если геніальность, какъ говорятъ, состоитъ въ трудѣ; то Лейбницъ былъ весь—энергія, весь трудъ и неутомимость. Онъ находился въ перепискѣ со всѣми замѣчательнѣйшими европейскими учеными своего времени и эта переписка такъ была обширна, что изданная лишь частію наполняетъ собою цѣлые томы; онъ рѣшаетъ разнообразныя вопросы по всѣмъ отраслямъ наукъ, опровергаетъ возраженія, даетъ совѣты, пишетъ проекты войны и мира, изобрѣтаетъ ариѳметическую машину, посредствомъ которой можно было-бы извлекать квадратныя и кубическія корни, и придумываетъ какое-то новое оружіе, съ помощію котораго надѣется совершенно поразить турокъ; въ то же время онъ ведетъ жизнь придворную, является при дворахъ князей, герцоговъ, королей и германскаго императора, исполняя ихъ разнообразныя порученія и представляя на ихъ благоусмотрѣніе свои доклады, записки и соображенія. Но еще удивительнѣе по своему разнообразію, богатству и многоплодности была его жизнь литературная, научная, или ученая. Въ этомъ отношеніи Фонтенель, въ своемъ похвальномъ словѣ Лейбницу, сравниваетъ его съ древними греками, которые на публичныхъ гипподромахъ владѣли искусствомъ управлять одновременно восемью лошадьми, или съ античнымъ геркулесомъ, который настолько превосходилъ всѣхъ героевъ древности, насколько Лейбницъ превосходилъ всѣхъ современныхъ ему ученыхъ ¹⁾.

II.

Переходя къ характеристикѣ литературно-научной дѣятельности Лейбница, мы прежде всего должны замѣтить, что эта дѣятельность была столько-же разнообразна, какъ разнообразны были его геніальныя способности. Въ самомъ дѣлѣ, надобно признать какою-то удивительною игрою природы, что умъ Лейбница, преимущественно юридическій, математическій и философскій, увлекался поэзіею. Обладая

¹⁾ „Eloge de M. Leibniz, v. Oeuvres de Leibniz. Paris, 1842 p. 1.

удивительною памятью, онъ зналъ наизусть многихъ поэтовъ какъ древнихъ, такъ современныхъ; и даже въ старости своей онъ слово въ слово декламировалъ почти всего *Виргилія* наизусть. Онъ и самъ писалъ много стихотвореній на языкѣ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. *Фонтенель*, на примѣръ, хвалитъ его латинскую поэму на смерть его покровителя, *Иоанна Фридриха Брауншвейскаго* и сравниваетъ ее съ самыми лучшими поэтическими произведеніями современниковъ. Съ своей стороны отмѣтимъ его стихотвореніе, посвященное графинѣ *Матвѣевой*, супругѣ перваго русскаго дипломата и посла сначала въ *Гаагѣ*, а потомъ въ *Вѣнѣ*, при *Петрѣ Великомъ*. Эта русская дама произвела на *Лейбница* сильное впечатлѣніе своимъ умомъ и своею красотою, и онъ воспѣлъ ее въ своемъ французскомъ стихотвореніи ¹⁾.

Лейбницъ былъ глубокимъ знатокомъ и изслѣдователемъ исторіи. Проникнутый сильнымъ патріотическимъ чувствомъ, онъ скорбѣлъ духомъ о германскомъ народѣ, униженномъ, истощенномъ религіозною войною и раздѣленнымъ на нѣсколько враждебныхъ лагерей. А потому въ историческихъ памятникахъ своего народа онъ искалъ объясненія причинъ этого печальнаго явленія, и здѣсь-же старался найти указаніе на средства для его устраненія. Изъ историческихъ сочиненій съ подобнымъ характеромъ мы должны указать на его книгу, появившуюся въ 1667 году подъ названіемъ: „*Cesareni Furstenerii, de jure Suprematûs ac Legationis Principum Germaniae*“ о правѣ верховенства и посольства германскихъ князей. Псевдонимъ „*Cesarenius Furstenerius*“, принятый *Лейбницемъ*, показываетъ, что сочиненіе это написано въ интересахъ германскаго императора и имперскихъ князей, которые не владѣли электоральнымъ (выборнымъ) правомъ, и которымъ поэтому, вмѣстѣ съ ихъ министрами, не оказывали тѣхъ внѣшнихъ знаковъ почтенія, какимъ пользовались, на примѣръ, дворы *Моденскій* и *Мантуанскій*. Въ сочи-

¹⁾ Стихотвореніе это помѣщено въ сочиненіи *Г. В. Герье*: „Отношенія *Лейбница* къ Россіи и *Петру Великому*“. С. П. Б. 1871. стр. 46.

неніи этомъ Лейбницъ доказываетъ, что всѣ христіанскія государства, по крайней мѣрѣ на Западѣ, составляютъ одинъ организмъ, котораго духовнымъ главою надобно признавать папу, а мірскимъ—германскаго императора; что тому и другому принадлежитъ своего рода всемірная юрисдикція; что императоръ есть прирожденный защитникъ и охранитель (*advoué*) Церкви, а потому долженъ пользоваться правами *священнаго величія* (*sacrée majesté*), а его имперія должна считаться *священною имперією*; и что хотя эти права, по своему происхожденію, не божественны, тѣмъ не менѣе составляютъ политическую систему, основанную на общемъ согласіи народовъ, а потому желательно, чтобы система эта была сохраняема всецѣло. Изъ этихъ основныхъ мыслей онъ выводитъ уже заключенія благопріятныя для свободныхъ имперскихъ князей и поставляетъ ихъ въ равныя отношенія къ императору съ королями. Но при этомъ Лейбницъ очень усиленно доказываетъ, что власть князей и королей нисколько не уменьшится отъ того, если они будутъ находиться въ нѣкоторой зависимости отъ императора; а въ этомъ и состоитъ задача сочиненія. Всѣ эти положенія Лейбницъ старается оправдать историческими фактами. По поводу этого сочиненія Фонтенель замѣчаетъ, что христіанская республика, которую изображаетъ намъ Лейбницъ и въ которой папа и императоръ должны быть признаны верховными главами европейскихъ народовъ, не была-бы удивительна подъ перомъ нѣмца-католика, но она создана Лейбницемъ-лютераниномъ. Фонтенель объясняетъ эту странность духомъ систематизаціи, которымъ Лейбницъ былъ проникнутъ вполне и который поставлялъ его выше всѣхъ религіозныхъ партій; но здѣсь-же сказался и его патріотизмъ. Впрочемъ, позже, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ папѣ, Лейбницъ перемѣнилъ свои убѣжденія. Изъ числа другихъ историческихъ сочиненій Лейбница, мы должны указать еще на матеріалы для исторіи Брауншвейскаго дома (*Codex juris gentium diplomaticus*), на дополненіе къ этимъ матеріаламъ (*Mantissa codicis juris gentium diplomatici*) и сборникъ сочиненій разныхъ писателей по исторіи этого дома (*Scriptorum Brunviscensia illus-*

trantium). Все это должно было служить подготовительнымъ матеріаломъ для предположенной имъ обширной исторіи германскихъ племенъ, которую однако-же онъ не успѣлъ написать. Лейбницъ могъ только разобратъся въ этомъ многотомномъ матеріалѣ, снабдить его многими примѣчаніями и написать къ нему обширныя предисловія. Но и то, что сдѣлано Лейбницемъ, не можетъ не приводить въ удивленіе каждаго безпристрастнаго историка. Довольно сказать, что онъ, какъ мы уже замѣчали, три года употребилъ на собраніе этого матеріала, изъѣздивъ всю Германію и Италію, и подвергался при этомъ величайшимъ опасностямъ. Въ Италіи, напримѣръ, когда онъ на небольшой баркѣ плылъ по морю изъ Венеціи въ Месолу, и когда поднялась сильная буря: католикъ лоцманъ, который имѣлъ самое дурное понятіе о нѣмцахъ и который призналъ Лейбница, нѣмца и еретика, виновникомъ этой бури, рѣшился было бросить его въ море, чтобы этимъ умилостивить Небо; но предварительно хотѣлъ сохранить одежду Лейбница и его деньги. Лейбницъ не потерялся; не показывая ни малѣйшаго смущенія, онъ досталъ чотки, которыя взялъ съ собою на всякій случай, и очень покорно сталъ готовиться къ смерти. Это спасло Лейбница; судовщикъ замѣтилъ лоцману, что человекъ владѣющій чотками не можетъ быть еретикомъ и что поэтому несправедливо было-бы бросать его въ море.

Несмотря на то, что Лейбницъ собралъ только матеріалъ, для составленія предполагаемой имъ исторіи, онъ успѣлъ положить на него печать своей геніальности, пролившей новый свѣтъ на всю средневѣковую эпоху Германіи. Лейбницева исторія Брауншвейскаго дома должна была быть исторіею послѣдовательнаго развитія культуры германскаго народа; преслѣдуя эту цѣль, она въ тоже время устанавливаетъ новыя научныя воззрѣнія на многія стороны жизни этого народа. До Лейбница, напримѣръ, историки думали, что простые правители областей обширной имперіи Карла Великаго лишь въ послѣдствіи стали наслѣдственными князьями; Лейбницъ высказалъ совершенно противоположный взглядъ и этимъ усилилъ блескъ многихъ владѣтельныхъ домовъ. До

него, какъ и послѣ него, историки признаютъ лишь десятый и одиннадцатый вѣкъ самою варварскою эпохою христіанства (*saecula obscura*); Лейбницъ утверждалъ, что десятый вѣкъ въ сравненіи съ тринадцатымъ и четырнадцатымъ долженъ быть признаваемъ по своей образованности золотымъ, по крайней мѣрѣ, для Германіи. По его словамъ: „въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка еще умѣли отличать истину отъ лжи; но съ этого времени басни, созданныя въ монастыряхъ и пока хранившіяся въ легендахъ, съ неудержимою силою хлынули изъ за монастырскихъ стѣнъ и наводнили собою все“. Главную причину этого Лейбницъ видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что люди этихъ вѣковъ были по большей части лишены всякаго просвѣщенія, а потому по необходимости предавались вымысламъ. И это тѣмъ болѣе удивительно, что и въ эти мрачныя времена, хорошія книги не были совершенно неизвѣстны; равно какъ существовали отдѣльныя личности, достаточно знакомыя съ древностію какъ классическою, такъ и церковною. Западные историки не согласились съ этими воззрѣніями Лейбница, но кажется скорѣе по національному предубѣжденію, чѣмъ по основательному и серьезному убѣжденію. Наконецъ Лейбницъ, по словамъ Фонтепеля, пролилъ много свѣта на многіе историческіе факты, разукрашенные средневѣковыми вымыслами или даже совершенно ложные. Онъ первый, напримѣръ, ясно доказалъ, что сага о паписѣ Іоаннѣ обязана своимъ возникновеніемъ и распространеніемъ лишь хронологическому невѣжеству. Мы не говоримъ уже о другихъ историческихъ сочиненіяхъ Лейбница, которыя даже въ наше время, по словамъ его біографовъ, могутъ быть признаны образцовыми.

Историческія изслѣдованія Лейбница находились въ связи съ его юридическими занятіями. Лейбницъ былъ глубокимъ знатокомъ юридическихъ наукъ. Эта область знаній была его спеціальностью, и мы видѣли уже, какъ едва достигши двадцатилѣтняго возраста, онъ удостоенъ былъ степени доктора правъ при всеобщихъ рукоплесканіяхъ. Замѣтимъ при этомъ, что онъ достигъ этого въ Германіи, гдѣ юридическія науки всегда стояли на высокой степени развитія. Въ основѣ его

юридическихъ теорій, также точно какъ и во всѣхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, лежитъ одно и тоже патріотическое чувство, сильное, живое и глубокое. Въ юридической наукѣ онъ искалъ прежде всего указаній и средствъ для объединенія германскихъ племенъ, для созданія единого германскаго народа и для развитія его единой цивилизаціи. И все это стояло у него въ гармонической связи съ его философскими и христіанскими убѣжденіями. Онъ самъ говорилъ о себѣ: „я убѣждаюсь съ каждымъ днемъ больше, нежели мнѣ могутъ повѣрить, что ничто не можетъ быть такъ неблагоразумно, какъ нечестіе, и что вѣтъ ничего столь согласнаго съ нашими земными интересами, какъ истинное благочестіе“. Именно эти задачи онъ преслѣдуетъ во всѣхъ своихъ юридическихъ сочиненіяхъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Его сочиненіе, написанное по порученію курфюрста майнцскаго, подъ названіемъ: „Новый методъ преподаванія и изученія юриспруденціи“ (*Neve Methode, die Jurisprudenz zu lernen und zu lehren*), развиваетъ замѣчательный планъ реформы законодательства и усовершенствованія римской цивилизаціи. Онъ стремится ввести единство въ хаосъ законовъ и обычаевъ современнаго ему германскаго народа, и старается достигнуть однообразной кодификаціи законодательныхъ постановленій въ Германіи. Въ дополненіе къ этому труду, онъ пишетъ новое сочиненіе, подъ названіемъ: „Основаніе для соглашенія юридическихъ правъ“ (*Corporis juris reconciliandi ratio*). Сочиненіе это было программой новаго правоваго кодекса, который, конечно, никогда не былъ осуществленъ, но для осуществленія котораго Лейбницъ не переставалъ трудиться въ Вѣнѣ, во время своего неоднократнаго пребыванія при дворѣ германскаго императора. Изъ другихъ юридическихъ сочиненій Лейбница съ подобнымъ-же характеромъ, мы должны указать на его „*Codex diplomaticus*“, сочиненіе небольшое по объему, но богатое по содержанію. Въ немъ онъ устанавливаетъ всеобщую теорію юриспруденціи и указываетъ на основныя начала естественнаго права и права народнаго. Его точка зрѣнія возвышенная, онъ умѣлъ сближать науки самыя разнообразныя и указывать границы ихъ взаимнаго соприкосновенія и подтвержденія. Въ этомъ сочине-

ни онъ касался очень многихъ и разнообразныхъ вопросовъ; онъ рѣшаетъ, напримѣръ, вопросъ о квіетизмѣ, который волновалъ тогда Францію, и замѣчательно, что рѣшеніе Лейбница вполне согласно съ папскими опредѣленіями по этому же вопросу. Впрочемъ для насъ, русскихъ, болѣе замѣчательнъ Лейбницъ, какъ юристъ, по своимъ отношеніямъ къ Петру Великому, предъ которымъ онъ благоговѣлъ, познакомившись съ нимъ въ Торнѣ, и о которомъ позже писалъ: „чѣмъ ближе я узнаю характеръ царя, тѣмъ болѣе предъ нимъ благоговѣю“. Прекрасны тѣ мысли, которыя германскій философъ развивалъ предъ державнымъ преобразователемъ Россіи. Онъ писалъ ему, что „цари, представляющіе образчикъ Божія могущества, должны устроить свое правленіе по образцу небесной державы, если хотятъ за свои большіе труды наслаждаться процвѣтаніемъ своего государства“. Но какимъ образомъ можно этого достигнуть? Что должно было приводить народы къ этому счастливому состоянію? Лейбницъ былъ убѣжденъ, что всего этого можно достигнуть посредствомъ *коллегіального* управленія государствомъ. Въ этомъ отношеніи Лейбницъ раздѣлялъ убѣжденія своихъ современниковъ. „Опытъ достаточно показалъ, говоритъ Лейбницъ Петру Великому, что государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ *коллегій*, ибо какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ и въ великой государственной машинѣ два коллегія должна приводить въ движеніе другую, и если все устроено съ точною соразмѣрностію и гармоніей, то стрѣлка жизни непременно будетъ показывать странѣ счастливые часы. Но какъ по различію часовъ, одни требуютъ большаго, другіе меньшаго количества колесъ, такъ бываютъ различны и государства, а потому никакъ нельзя установить для всѣхъ опредѣленнаго числа коллегій“. Извѣстно, что Петръ Великій именно и ввелъ коллегіальное управленіе Россіи. Русскіе ученые, напримѣръ, г. Герье, сомнѣваются въ томъ, что будто-бы Лейбницъ первый внушилъ Петру Великому мысль о коллегіальномъ устройствѣ высшей администраціи въ Россіи; что мысль о подобномъ устройствѣ давно, еще до знакомства съ Лейбницемъ, укорени-

лась въ умѣ великаго преобразователя Россіи; и что прежде чѣмъ Лейбницъ подалъ ему свою записку объ этомъ устройствѣ, уже были составлены Петромъ инструкціи для приведенія ея въ исполненіе и для приисканія годныхъ къ тому людей ¹⁾. Это, конечно, справедливо; но нельзя сомнѣваться въ томъ, что убѣжденія Лейбница укрѣпили рѣшимость Петра въ его коллегіально-преобразовательныхъ планахъ, что Петръ пользовался различными услугами Лейбница въ этомъ отношеніи, сдѣлалъ его своимъ тайнымъ „юстиць-ратомъ“, поручилъ ему пересмотръ законовъ и назначилъ ему богатую пенсію. Да и самъ Лейбницъ шутливо называлъ себя „русскимъ Солономъ“, который не нуждается въ мудрости греческаго и можетъ обойтись съ меньшимъ запасомъ ея.

Мы уже замѣтили, что занятія Лейбница математическими науками находились въ связи съ развитіемъ его философскихъ воззрѣній. Увлекаясь первоначально картезіанскимъ или механическимъ воззрѣніемъ на природу, Лейбницъ естественно долженъ былъ искать объясненія ея механической жизни въ математическихъ законахъ, и онъ безспорно сталъ величайшимъ математикомъ своего времени. Оставшіяся о немъ записки современниковъ, академическіе и ученые журналы, историческія изслѣдованія о развитіи математическихъ наукъ у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ наполнены именемъ Лейбница, какъ математика. Но самъ онъ, за исключеніемъ небольшихъ статей, не написалъ ни одной цѣльной системы по той, или другой математической наукѣ. Онъ часто говорилъ, что ему больше нравится видѣть въ чужомъ саду произрастаніе доставляемыхъ имъ сѣмянъ, чѣмъ самому ухаживать за растеніями, и какъ часто его сѣмяна были болѣе цѣнны, чѣмъ сама растенія! Къ числу такихъ сѣмянъ безспорно принадлежитъ и его дифференціальное исчисленіе, или исчисленіе безконечно малыхъ величинъ. Фонтенель говоритъ, что открытіе этого исчисленія приближаетъ наши познанія къ предѣламъ безконечнаго, переноситъ насъ за границы человѣческихъ знаній, по крайней мѣрѣ, далеко переноситъ за границы доступной древнему міру геометріи. Эта наука совершенно новая, принадлежитъ новѣйшимъ временамъ и очень обширная. Въ

¹⁾ „Отношеніе Лейбница къ Петру Великому и Россіи“. Т. II, стр. 160 и дал.

1684 году Лейбницъ обнародовалъ въ Лейпцигѣ правила дифференціального исчисленія; но онъ скрылъ доказательства этого исчисленія. Знаменитые братья Бернулли открыли эти доказательства, хотя и съ большимъ трудомъ, и воспользовались ими при своихъ занятіяхъ съ величайшимъ успѣхомъ. Они пришли къ рѣшеніямъ самымъ возвышеннымъ, смѣлымъ и неожиданнымъ. Въ 1687 г. появилась удивительная книга Ньютона, подъ названіемъ: „*Математическія начала натуральной философіи*“, которая почти всецѣло была основана на этомъ же самомъ исчисленіи, съ тѣмъ только различіемъ, что Лейбницъ назвалъ его *дифференціею*, между тѣмъ какъ Ньютонъ *флюксіею* (*fluxions*). И вотъ въ ученomъ европейскомъ мірѣ поднялся споръ о томъ, кого надобно признать первымъ изобрѣтателемъ дифференціального исчисленія: Лейбница, Ньютона или братьевъ Бернулли. Нашлись люди, которые укоряли Лейбница въ плагіатѣ. Но скажемъ словами Фонтенеля: люди богатые не крадутъ; а какъ богатъ былъ математическими познаніями Лейбницъ!... Фонтенель замѣчаетъ еще, кого-бы мы ни признали первымъ изобрѣтателемъ дифференціального исчисленія, это безразлично для науки. Во всякомъ случаѣ Лейбницъ зналъ безконечность рядовъ безконечно малыхъ величинъ, всегда безконечно меньшихъ въ сравненіи однихъ съ другими, и притомъ съ строгою геометрическою правильностію. Величайшіе геометры усвоили себѣ эту идею въ самомъ обширномъ смыслѣ. Но кажется, что самъ Лейбницъ приходилъ въ смущеніе отъ этой идеи и думалъ, что безконечные ряды безконечно малыхъ величинъ суть въ сущности только величины *несравнимыя* (*incomparables*), по причинѣ крайняго ихъ неравенства, какъ нельзя, напримѣръ, сравнивать песчинку съ шаромъ земнымъ, земной шаръ съ цѣлою сферою планетъ и т. п. Итакъ надобно допустить только величайшее, а не *безконечное* неравенство величинъ, какъ допускаетъ это современная математическая наука. Очевидно ученые математики, которые заимствовали у Лейбница его идею, не приняли его смягченія ея, или ограниченія. По этому поводу Фонтенель сравниваетъ Лейбница съ архитекторомъ, который вмстроилъ величественное зданіе, но самъ не рѣшился поселиться въ немъ; нашлись

люди болѣе рѣшительные, чѣмъ онъ; они смѣло помѣстились въ этомъ зданіи и, повидимому, безъ особенныхъ опасностей для себя. Быть можетъ Лейбницъ смягчилъ свою идею по снисхожденію къ тѣмъ людямъ, которыхъ воображеніе было подавлено ея величіемъ. Это во всякомъ случаѣ доказываетъ, что если необходимо смягчать истину въ геометріи, то во сколько разъ это необходимо въ другихъ наукахъ!... Позже однакоже Лейбницъ предпринялъ написать большое математическое сочиненіе, подъ названіемъ: „Наука о безконечномъ“ (De la science de l'infinite). Сочиненіе это было самою высшею геометріею, соединеніемъ интегральнаго исчисленія съ дифференціальнымъ; но къ величайшему сожалѣнію ученыхъ оно осталось неоконченнымъ ¹⁾.

Въ области математическихъ наукъ Лейбницъ находилъ достойныхъ соперниковъ себѣ среди современниковъ, но ему не было равнаго по философской гениальности. Профессоръ Жакъ называетъ его даже величайшимъ спекулятивнымъ философомъ новыхъ временъ и признаетъ равными ему, по глубинѣ мыслей, широтѣ воззрѣній, богатству и разнообразію познаній только древнихъ философовъ—Платона и Аристотеля. Лейбницъ очень рано выступилъ на философское поприще. Двадцати четырехъ лѣтъ онъ уже публично заявилъ себя философомъ по слѣдующему поводу. Еще въ 1553 году нѣкто Марій Низоній изъ Борселлоны, въ герцогствѣ Моденскомъ, издалъ въ свѣтъ сочиненіе, подъ названіемъ: „Объ истинныхъ началахъ и разумномъ философствованіи противъ лжефилософовъ“ (De veris principiis et vera ratione philosophandi contra pseudophilosophos). Называя ложными философиами всѣхъ схоластиковъ прежнихъ и современныхъ ему: Низоній съ крайнею рѣзкостью возстаетъ противъ ихъ странныхъ идей и варварскаго языка, и свою рѣзкость простираетъ до такой степени, что даже уважаемаго на Западѣ Тому Аквинскаго называетъ кривымъ среди слѣпцовъ. По его мнѣнію, продолжительное и непрерывное благоговѣніе схоластиковъ предъ Аристотелемъ доказываетъ лишь существованіе во всѣ времена множества глупцовъ и силу ихъ глупости. Поэтому авторъ безусловно пори-

¹⁾ См. „Eloge de M. Leibniz“ par M. de Fontenele, ibid. p. XI--XV.

даетъ всю схоластику. Авторскій гнѣвъ Низонія противъ схоластиковъ былъ возбужденъ нѣкоторыми частными разногласіями съ аристотеликами. Это сочиненіе, которое заслуживало того, чтобы на него обратили вниманіе при первоначальномъ появленіи его въ свѣтъ, было однакоже забыто, потому-ли, что въ Италіи постарались изъять его изъ употребленія, а въ другихъ странахъ потому, что извѣстная доля истины въ этомъ сочиненіи не была изложена достаточно ясно и доказательно; или наконецъ потому, что выраженія Низонія были крайне преувеличены, рѣзки и мало соответствовали сущности дѣла. Лейбницъ рѣшился снова издать Низоніево сочиненіе въ свѣтъ съ своими примѣчаніями, предисловіемъ и письмомъ, въ которыхъ излагаетъ свой взглядъ на Аристотеля и на Декарта. Лейбницъ хвалитъ Низонія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не вдается въ крайнія и рѣзкія сужденія; но и порицаетъ его за неправильныя сужденія объ Аристотелѣ, который рѣшительно не виноватъ въ измышленіяхъ его мнимыхъ учениковъ и послѣдователей. Лейбницъ говоритъ еще, что онъ болѣе согласенъ съ Аристотелемъ, чѣмъ съ Декартомъ; тѣмъ не менѣе его не должно признавать ни аристотеликомъ, ни картезіанцемъ. Кто же таковъ самъ Лейбницъ? Къ какой группѣ философовъ надо причислить его? Вотъ главнѣйшія положенія Лейбницевоу философіи. Аристотель отвергъ Платоновское понятіе о сущности предметовъ, по которому идеи, признанныя сущностію, должны быть отдѣляемы отъ самыхъ предметовъ; Лейбницъ отвергъ Декартовское понятіе объ этой же сущности, по которому душа совершенно отдѣлена отъ тѣла и сущность ея состоитъ въ мышленіи, какъ тѣла въ протяженіи. По ученію Лейбница, и души и тѣла совершенно одинаковы по своей сущности, потому что сущность и тѣла и душъ равно состоитъ въ дѣятельныхъ силахъ, или въ монадахъ. Совмѣстное существованіе многихъ отдѣльныхъ силъ, или монадъ, объединенныхъ центральною монадою (душею), представляется намъ опредѣленною величиною, тѣломъ, протяженіемъ, подобно тому какъ облако пыли представляется намъ сплошною массою, хотя на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ частицъ. Такимъ образомъ

Лейбницъ расходится съ картезіанскимъ ученіемъ о сущностяхъ природы. Но Лейбницъ не соглашается и съ Аристотелемъ въ томъ отношеніи, что будто бы объединеніе силъ (у Лейбница—монадъ), или вообще движеніе ихъ произошло отъ внѣшняго толчка, отъ внѣшняго двигателя. По Лейбницу, монады не проницаемы, а потому недоступны ни какимъ внѣшнимъ вліяніямъ; по этой же причинѣ и дѣятельность монады можетъ происходить только по внутреннему побужденію, изъ внутренняго стремленія къ дѣятельности; наконецъ по этому же самому дѣятельность эта не можетъ простираться на что-либо внѣшнее, но ограничивается исключительно измѣненіемъ внутреннихъ состояній монады. Такъ примиряетъ Лейбницъ механическую теорію съ динамическою, Аристотеля съ Декартомъ. Установивши эти метафизическія понятія о силѣ (монадѣ), онъ долженъ былъ оправдать ихъ въ конкретныхъ явленіяхъ природы, подтвердить ученіемъ о движеніи вообще. Это Лейбницъ и старается сдѣлать въ двухъ не большихъ сочиненіяхъ, изданныхъ имъ въ 1711 году подъ названіемъ: „Теорія абстрактнаго движенія“ (*Theoria motus abstracti*) и „Теорія конкретнаго движенія“ (*Theoria motus concreti*). Первое изъ этихъ сочиненій развиваетъ очень тонкую и почти совершенно новую теорію движенія вообще; второе есть примѣненіе этой теоріи ко всѣмъ явленіямъ природы. Оба же вмѣстѣ излагаютъ физическую природу предметовъ вообще. Лейбницъ самъ предполагаетъ, что „его теорія, или какъ онъ выражается, система объединяетъ и примиряетъ всѣ другія, исправляетъ ихъ недостатки, расширяетъ ихъ предѣлы, освѣщаетъ ихъ неясныя положенія, и что теперь философы должны только разрабатывать его начала, переходить къ объясненію частныхъ и такимъ образомъ обогащать сокровищницу солидной философіи“. Въ самомъ дѣлѣ, Лейбницъ восполняетъ Аристотеля. Аристотель признаетъ отношеніе силы къ матеріи, но это отношеніе не есть живое и дѣятельное, а страдательное и безжизненное, если только ему не будетъ сообщенъ внѣшній толчекъ отъ сторонняго двигателя; почему и самыя силы въ страдательномъ состояніи онъ называетъ только формами или возможностями предметовъ. Лейбницъ же призналъ силы (монады)

всегда живыми, всегда дѣятельными внутренно, но не могъ объяснить согласной дѣятельности одной силы съ дѣятельностію другихъ силъ иначе, какъ только допустивши предустановленную гармонію (*praestabilita harmonia*), производимую не самими дѣйствующими силами, а Божественнымъ предопредѣленіемъ. Такимъ образомъ, строго научная идея силы въ связи съ предустановленной гармоніей, по ученію Лейбница, производитъ то величественное явленіе, по которому силы—монады объединяются и внутреннее движеніе ихъ проявляется стройно, гармонично и законосообразно. Впрочемъ мы не имѣемъ надобности излагать философскія воззрѣнія Лейбница въ полномъ ихъ объемѣ; это вывело-бы насъ за предѣлы біографической статьи. Да и независимо отъ этого, читатели журнала „Вѣра и Разумъ“ могутъ найти изложеніе философіи Лейбница на многихъ страницахъ его, въ особенности же въ прекрасномъ трудѣ профессора П. И. Линицкаго, который съ достаточною ясностію и надлежащею полнотою излагаетъ не только философію Лейбница, но и показываетъ отношеніе ея къ предшествовавшимъ и къ послѣдовавшимъ философскимъ системамъ ¹⁾. Мы должны только показать отношеніе философіи Лейбница къ богословскимъ воззрѣніямъ, что мы и стараемся сдѣлать въ своемъ мѣстѣ. Теперь же, кромѣ вышеупомянутыхъ философскихъ сочиненій нашего философа, мы должны указать еще на замѣчательный трудъ его подъ заглавіемъ: „Новый опытъ изслѣдованія о человѣческомъ разумѣ“ (*Nouveaux essais sur l'entendement humain*). Трудъ этотъ есть вѣнецъ философіи Лейбница. Извѣстно, что Локкъ подъ конецъ своей жизни написалъ „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“, въ которомъ старается опредѣлить предѣлы человѣческаго знанія и стремится ограничить всю область доступнаго намъ знанія однимъ только опытомъ. Несмотря на то, что Локковъ „Опытъ“ написанъ съ цѣлію предохранить человѣческой умъ отъ материализма и скептицизма, онъ въ концѣ концовъ именно и приводилъ къ нимъ. Это и побудило Лейбница написать свой „Новый опытъ“. Юще Шлегель замѣтилъ, что каждый человѣкъ

¹⁾ См. напримѣръ ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. отд. философскій Ч. II. стр. 346. и дал.

раждается или платоникомъ, или аристотеликомъ. Лейбницъ по основнымъ чертамъ своей философіи былъ несомнѣнно аристотеликомъ, но по своей гносеологической теоріи онъ былъ платоникомъ. Онъ самъ говоритъ: „наши разногласія (съ Локкомъ) существенны. Вопросъ идетъ о томъ, представляется-ли душа, какъ говоритъ Аристотель и авторъ этого *Опыта*, ничѣмъ не наполненной, подобно таблицѣ, на которой ничего не написано (*tabula rasa*), и все ли то, что потомъ является въ этой душѣ, доставлено чувствами и опытомъ, или же душа, какъ утверждаю я вмѣстѣ съ Платономъ, въ самомъ началѣ заключаетъ въ себѣ извѣстные принципы и идеи, которые лишь пробуждаются при случаѣ внѣшними предметами“. Лейбницъ признавалъ *врожденность* принциповъ и идей, и отсюда выводилъ заключеніе, что „въ основѣ всѣхъ необходимыхъ истинъ, встрѣчающихся въ математикѣ и въ особенности въ ариѳметикѣ и геометріи, лежатъ такіе принципы, несомнѣнность которыхъ не зависитъ отъ частныхъ примѣровъ и, слѣдовательно, отъ свидѣтельствъ нашихъ чувствъ, хотя безъ нихъ мы никогда не знали бы этихъ принциповъ. Точно также въ логикѣ, метафизикѣ и морали мы во множествѣ находимъ подобнаго же рода истины, доказываемыя лишь съ помощію тѣхъ внутреннихъ принциповъ, которые называются врожденными“¹⁾. Эти положенія имѣютъ очень важное значеніе какъ въ философіи, такъ и въ богословіи Лейбница. Изъ остальныхъ философскихъ сочиненій его мы должны упомянуть еще о перепискѣ его съ знаменитымъ Кларкомъ, англійскимъ философомъ и богословомъ, по нѣкоторымъ метафизическимъ и богословскимъ вопросамъ. Переписка эта издана отдѣльною книгою въ Лондонѣ въ 1717 году и касалась вопросовъ о пространствѣ и времени, о пустотѣ и атомахъ, естественномъ и сверхъ-естественномъ, свободѣ и пр. Переписка прекратилась съ смертію Лейбница.

Ж. Устолицъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Дж. Г. Льюисъ. „Исторія философіи въ жизнеописаніяхъ“ С.-Пб. 1885. Т. II, стр. 166—7.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

Оканчиваемъ изреченія Аристотеля.

Онъ называлъ образованіе въ счастіи украшеніемъ, а въ несчастіяхъ убѣжищемъ.

Родители, воспитавшіе своихъ дѣтей, говоритъ Аристотель, заслуживаютъ большей чести, нежели только родившіе ихъ; ибо эти даровали имъ только возможность жить, а тѣ—возможность хорошо жить.

Одному человѣку, который хвалился тѣмъ, что происходилъ изъ великаго города, Аристотель сказалъ: не на это должно обращать вниманіе, а на то, достоинъ-ли ты великаго отечества.

На вопросъ о томъ, что такое другъ, Аристотель отвѣчалъ: одна душа, живущая въ двухъ тѣлахъ.

Изъ людей, говорилъ онъ, нѣкоторые такъ бережливы, какъ будто-бы они намѣрены вѣчно жить, а другіе, наоборотъ, такъ расточительны, какъ будто они сейчасъ умрутъ.

Спросившему, почему съ красивыми желаемъ мы дольше быть въ общеніи, нежели съ безобразными, Аристотель сказалъ: этотъ вопросъ могъ-бы предложить только слѣпой.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 8.

Спрошенный о томъ, какую пользу получилъ онъ отъ философіи, Аристотель отвѣтилъ: ту, что я безъ приказанія дѣлаю то, что вѣкоторые дѣлаютъ изъ страха предъ карою закона.

Спрошенный о томъ, какимъ образомъ ученики могутъ быть успѣшнѣе, Аристотель отвѣтилъ: если догоняя оказывающихся успѣхи, не будутъ выжидать отстающихъ.

Когда одинъ болтувъ, послѣ того какъ наговорилъ Аристотелю много глупостей, спросилъ его: не наскучилъ-ли я тебѣ? Аристотель сказалъ ему: клянусь Зевсомъ, нѣтъ; потому что я не обращалъ никакого вниманія на твои слова.

На обвиненіе, что онъ подалъ милостыню не хорошему человѣку, Аристотель отвѣтилъ: я подалъ не этому человѣку, а вообще человѣку.

Св рошенный о томъ, какъ мы должны относиться къ друзьямъ, Аристотель отвѣтилъ: такъ, какъ желали-бы, чтобъ они къ намъ относились.

Справедливость онъ называлъ добродѣтелію души, разделяющею каждому по достоинству.

Образованіе, говорилъ Аристотель, есть прекраснѣйшее напутствіе въ жизни на случай старости.

Часто также Аристотель говорилъ: у кого есть друзья, у того нѣтъ друга.

Достойно похвалы доброе, говорилъ онъ, а злое заслуживаетъ порицанія.

Онъ-же говорилъ, что когда обстоятельства слагаются не такъ, какъ-бы мы желали, то мы должны свои желанія сообразовать съ тѣмъ, какъ слагаются обстоятельства.

Благоразуміе, говорилъ онъ, есть такая способность мыслящей дѣятельности нашего духа, которая уготовляетъ необходимое для счастья.

Счастіе, говорилъ онъ, должно полагать не въ приобрѣтеніи большихъ имуществъ, но въ хорошемъ расположеніи духа.

Не видишь-ли, говорилъ онъ, что отъ совершаемаго во гнѣвѣ разсудокъ удаляется, бѣгая отъ ярости, какъ-бы отъ какого страшнаго тирана?

Гнѣвливость есть порокъ раздражительнаго человѣка, удобопреклоннаго ко гнѣву.

Гнѣвъ есть звѣрообразная страсть по расположенію духа, способная часто повторяться, жестокая и непреклонная по силѣ, служащая причиною убійствъ, союзница несчастія, пособница вреда и безчестія, погибель деньгамъ и начальоводительница порчи.

Лучше для счастія пріобрѣсти не многое, нежели мвогое, да съ завистію; потому что тогда жизнь будетъ и краше и пріятнѣе.

Зла, опредѣленнаго судьбою, нельзя избѣжать.

У Аристотеля былъ обычай одно и тоже познаніе называть и мудростію, и первою філософіею, и метафизикою и богословіемъ.

Аристотель сказалъ однажды слѣдующее: разъ восемь разбойниковъ, грабившихъ сообца, заспорили между собою о добычѣ и изъ за этого вступили въ кровавую схватку, въ слѣдствіе которой осталось только четверо. Четверо опять заспорили, и изъ завязавшейся между ними кровавой схватки вышло живыми только двое. Потомъ и изъ двоихъ такимъ-же образомъ остался только одинъ. Что же останется, если заспорятъ между собою правая и лѣвая руки?

О тѣхъ, которые пытались доказывать вещи, и безъ того ясныя, Аристотель говорилъ, что они подобны людямъ, которые хотѣли-бы показывать солнце съ помощію свѣчи.

Спрошенный о томъ, что труднѣе всего въ жизни, Аристотель отвѣтилъ: молчать о томъ, о чемъ не должно болтать.

Юношамъ, говорилъ онъ, болѣе нежели старцамъ нужно и въ нихъ болѣе похвально цѣломудріе; потому что юноши болѣе, нежели старцы, обуреваются вождедѣніями.

Гелонъ, тиранинъ сицилійскій, говоритъ Аристотель въ одной изъ своихъ хрій, имѣлъ дурной запахъ во рту, непріятно дѣйствовавшій на разговаривающихъ съ нимъ. Когда одинъ изъ друзей его замѣтилъ ему объ этомъ, Гелонъ разгнѣвался на свою жену за то, что она не сказывала ему о томъ. Жена сказала на это: а я думала, что и у всѣхъ остальныхъ мужчинъ также дурно пахнетъ изо рта ¹⁾.

¹⁾ Diog. L. V, 1, 11; Stobei, Florilegium, pagg. 2, 3, 40, 41, 173, 174, 175 512, 600, 50, 131, 57, 408, 238, 71, 221; Plutarchi, Apophthegm. reg.

41. ТЕОФРАСТЪ.

Теофрастъ по началу слушалъ Платона, а потомъ примкнулъ къ Аристотелю и сдѣлался ученикомъ и другомъ послѣдняго, а за тѣмъ ревностнымъ проповѣдникомъ его ученія и продолжателемъ его дѣла по устройству школы перипатетической. Этому способствовало и то, что Теофрастъ жилъ долго и послѣ смерти Аристотеля и умеръ, по свидѣтельству Іеронима, 107 лѣтъ. Онъ написалъ много сочиненій, изъ которыхъ важнѣйшее „Нравственные характеры“. Но кромѣ того съ его именемъ соединено и много изреченій. Приводимъ болѣе извѣстныя изъ нихъ.

Скорѣе можно довѣриться, говорилъ онъ, коню необузданному, нежели слову нескладному и необдуманному.

Одному изъ участниковъ пирушки, который все время молчалъ, Теофрастъ сказалъ: если ты человѣкъ неученый, то благоразумно поступаешь; если-же образованный, то поступаешь неблагоразумно.

Теофрастъ часто говаривалъ: потеря времени есть самая дорогая издержка.

Когда ученики спрашивали у Теофраста передъ смертію его, что онъ завѣщаетъ имъ дѣлать, Теофрастъ сказалъ: ничего кромѣ немногаго, а именно: много пріятнаго измышляетъ жизнь ради славы; а между тѣмъ мы когда начинаемъ жить, тогда умираемъ. Такимъ образомъ нѣтъ ничего безполезнѣе любви къ славѣ. Но будьте счастливы и или оставьте занятіе мудростію, такъ какъ съ нею много хлопотъ, или-же хорошенько занимайтесь ею, ибо въ этомъ подлинно великая слава; но пустоты въ жизни больше, чѣмъ пользы. Мнѣ уже нѣтъ надобности совѣтывать, что должно дѣлать, а вы смотрите, какъ должно поступать и что дѣлать.

Человѣку, который хочетъ заслужить удивленіе потомства, говорилъ Теофрастъ, должно стараться чтить боговъ жертвами, не богатыми, но частыми; ибо первое—признакъ роскоши, а послѣднее—благочестія. Затѣмъ такому человѣку должно честію питать родителей своихъ въ ихъ старости и сообразовать свою жизнь съ ихъ желаніями. Ибо кто не таковъ, кто пре-

небрегаетъ законами природы и государства, тотъ преступаетъ два вида справедливости. Кромѣ того такому человѣку должно имѣть надлежащую и человѣколюбивую заботу о женѣ и дѣтяхъ своихъ. Ибо въ такомъ случаѣ дѣти отплатятъ услугами и заботами о немъ при старости его, а жена воздастъ за оказываемое ей благодареніе заботливостію во время его болѣзни и ежедневными хлопотами по хозяйству.

Благоразумнѣйшему человѣку, говорилъ Теофрастъ, свойственно съ благоразуміемъ давать и дружески принимать.

Несмысліе есть медленность души въ словахъ и дѣйствіяхъ. Несмысленный скоро забываетъ то, что дѣлалъ или о чемъ шла рѣчь. Напримѣръ, подавъ голосъ за какое либо дѣло, онъ спрашиваетъ сосѣда, какое дѣло рѣшается; призванный на судъ, онъ забываетъ то, что пришелъ сюда и уходитъ въ поле и т. д.

Дикость и грубость есть полное и безобразное невѣжество въ словахъ и поступкахъ. Дикій и грубый человѣкъ напр. приходитъ на собраніе, выпивши, говоритъ, что (благовонное) муро пахнетъ отнюдь не пріятнѣе лука и т. д.

Неблаговременность прибытія обнаруживается въ посѣщеніи, отяготительномъ для посѣщаемого. Неблаговременный посѣтитель, напримѣръ, есть тотъ, который, пришедши къ человѣку занятому, начинаетъ вести съ нимъ бесѣду, отвлекающую его отъ дѣла,—который возвратившихся изъ далекаго путешествія и уставшихъ приглашаетъ погулять съ нимъ и т. д.

Отъ зависти и клеветы ложь, имѣвшая силу на короткое время, исчезаетъ.

Иронія есть переименованіе словъ и дѣйствій въ худую сторону.

Лестъ можно опредѣлить, какъ постыдную бесѣду, полезную только тому, кто говоритъ лестъ.

Угодливость есть такое отношеніе одного къ другому, которое имѣетъ въ виду не добродѣтель, а удовольствіе.

Стыдись самого себя, внушалъ Теофрастъ, и тогда не будешь имѣть надобности стыдиться другихъ.

Добрые люди имѣютъ нужду лишь въ немногихъ законахъ; ибо не дѣла полагаются для законовъ, а напротивъ—законы полагаются соотвѣтственно дѣламъ.

Завистливые тѣмъ самымъ болѣе несчастны, чѣмъ другіе, что другіе скорбятъ только о своихъ несчастіяхъ, а завидующіе, кромѣ своихъ несчастій, сокрушаются и о чужихъ благахъ.

Любовь, говорилъ Теофрастъ, есть избытокъ нѣкоторой неразумнѣйшей похоти, скоро наступающій, но медленно прекращающійся.

Удвоенная похоть есть любовь, говорилъ онъ въ другомъ случаѣ; удвоенная-же любовь становится уже неистовствомъ.

Спрошенный еще какъ-то разъ о томъ, что такое любовь, Теофрастъ сказалъ:—страсть души празднои.

Женщина, особливо красивая, не должна засматриваться ни на другихъ, ни на себя; потому что и то и другое возбуждаетъ къ неподобающему.

Женщина должна быть сильна не въ политическихъ, а въ хозяйственныхъ дѣлахъ.

Безуміе есть терпимость въ дѣлахъ и словахъ постыдныхъ.

Пустословіе есть измышленіе ложныхъ словъ и дѣлъ по произволу измышляющаго.

Безстыдство есть презрѣніе къ славѣ и мнѣнію другихъ людей изъ-за постыдной корысти.

Говорливость есть невоздержность въ словахъ.

Болтливость состоитъ въ томъ, чтобы излагать рѣчи длинныя и необдуманныя.

Теофрастъ говорилъ, что того, который не любитъ людей стороннихъ, должно судить, а судящаго—любить, судящаго-же братьевъ,—напротивъ.

Спрошенный о томъ, что сохраняетъ жизнь человѣческую, Теофрастъ сказалъ: благодѣяніе, честь и наказаніе.

Злые люди, говорилъ онъ, радуются не столько о своихъ благахъ, сколько о чужихъ несчастіяхъ ¹⁾.

И. К.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Diog. L. V, 2, 10, 11, 11; Plutarchi, De amore fratrum; Stobei, Florilegium, pagg. 40, 61, 62, 140, 143, 150, 151, 212, 220, 224, 402, 441, 483, 33, 144, 213, 218, 219, 246, 476.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Мая № 9. 1887 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго комитета Православнаго миссіонерскаго общества (окончаніе) —Отъ правленія Харьковскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Хорошевскаго духовнаго пріюта.—Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 24 марта—17 апрѣля 1887 года, за № 558, по вопросу—имѣютъ-ли члены училищнаго правленія отъ духовенства право посѣщать уроки преподавателей.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 14 марта сего года, за № 263, журналъ Учебнаго Комитета, № 102, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному правленіемъ одного изъ духовныхъ училищъ вопросу, имѣютъ-ли, при дѣйстви новаго Высочайше утвержденнаго 22 августа 1884 г. устава духовныхъ училищъ, члены училищнаго правленія отъ духовенства право посѣщать уроки училищныхъ преподавателей, въ видахъ наблюденія за ходомъ и состояніемъ учебнаго дѣла въ училищѣ, каковымъ правомъ означенные члены пользовались до изданія этого устава. Приказали: По обсужденіи означеннаго вопроса, Святѣйшій Синодъ находитъ, что а) въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, по которымъ преподавателями въ духовныхъ училищахъ въ настоящее время состоятъ большею частію лица академическаго образованія, за исключеніемъ только преподавателей приготовительнаго класса и учителей русскаго языка въ первомъ классѣ, между тѣмъ, какъ члены правленія отъ духовенства въ духовныхъ училищахъ, за рѣдкими исключеніями, по прежнему обладаютъ только семинарскимъ образованіемъ, представляется неудобнымъ и нецѣлесообразнымъ предоставлять лицамъ низ-

шаго образованія право наблюденія за преподаваніемъ лицъ, обладающихъ высшимъ образовательнымъ цензомъ; б) хотя § 34 уст. дух. учил. каждому изъ членовъ училищнаго правленія предоставляется право представлять на разсмотрѣніе правленія свои предположенія объ улучшеніяхъ по той или другой части училищнаго управленія, но изъ этого нельзя выводить заключенія, будто съ этимъ правомъ неразрывно связывается и право посѣщенія членами правленія классовъ во время занятій въ нихъ преподавателей, такъ какъ заявленія объ улучшеніяхъ по учебной и воспитательной частямъ въ училищѣ члены правленія могутъ дѣлать въ общихъ его собраніяхъ при разсмотрѣніи вѣдомостей объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ, ежемѣсячно представляемыхъ учителями; в) въ общемъ устройствѣ училищнаго управленія, опредѣляемомъ подлежащими §§ устава, также нельзя найти основаній для предоставленія членамъ отъ духовенства въ училищныхъ правленіяхъ права наблюдать за ходомъ преподаванія въ училищѣ и посѣщать уроки преподавателей, такъ какъ самые съѣзды окружнаго духовенства, которымъ члены правленія отъ духовенства обязаны доставлять свѣдѣнія по дѣламъ училища и дѣлать заявленія о потребностяхъ училища (§ 20), имѣютъ задачей своихъ собраній только изысканіе мѣръ къ матеріальному обезпеченію училища, безъ вмѣшательства во внутреннее состояніе училища и его управленіе (см. § 22 учил. уст.); наблюденіе-же за состояніемъ училища по учебно-воспитательной дѣятельности духовныхъ училищъ возлагается уставомъ или на семинарскія и училищныя правленія (гл. IV и V уст. дух. учил.) въ цѣломъ ихъ составѣ, или—и притомъ главнымъ и ближайшимъ образомъ—на смотрителя училища (§§ 47, 48, 49, 50), который главное вниманіе долженъ обращать на учебно-воспитательную часть (§ 47), долженъ посѣщать, сколько можно чаще, классы, вникать въ духъ, направленіе и способъ преподаванія, слѣдить за успѣшнымъ прохожденіемъ предметовъ (§ 48) и исправностію учителей и учениковъ (§ 49); г) вмѣшательство-же въ эти дѣла членовъ правленія отъ духовенства чрезъ посѣщеніе ими классовъ во время занятій въ нихъ преподавателей и непосредственное наблюденіе съ ихъ стороны за дѣятельностію преподавателей не могутъ не сопровождаться вредомъ, какъ неоднократно подтверждалось это опытомъ, для правильнаго хода учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ, вводя въ училищную администрацію двоевластіе, ослабляя въ глазахъ учениковъ авторитетъ училищнаго начальства и учителей, вселяя въ неисправныхъ учени-

ковъ ложныя надежды на покровительство членовъ правленія отъ духовенства и внося разладъ въ дѣйствія правленія и въ отношенія должностной училищной корпораціи къ окружнымъ съѣздамъ духовенства. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: разъяснить, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, для свѣдѣнія и руководства правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, что въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ духовныхъ училищъ не заключается основаній для предоставленія членамъ училищнаго правленія отъ духовенства права на посѣщеніе уроковъ преподавателей и что поэтому допущенное прежними законоположеніями разрѣшеніе означеннымъ лицамъ посѣщать классы во время занятій въ нихъ преподавателей должно считаться въ настоящее время не имѣющимъ силы. *

II. Отъ 26 марта—17 апрѣля 1887 года, за № 561, объ отмѣнѣ существующаго порядка приобрѣтенія духовными лицами кандидатскихъ крестовъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 18 минувшаго марта, за № 4,107, съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, объ отмѣнѣ существующаго порядка, по которому заготовленіе и разсылка, по поступающимъ требованіямъ, серебряныхъ крестовъ, установленныхъ для состоящихъ въ духовномъ санѣ кандидатовъ духовныхъ академій, лежали на обязанности Хозяйственнаго Управленія, съ предоставленіемъ таковымъ лицамъ самимъ приобрѣтать означенные кресты. Принимая во вниманіе, что существовавшій въ прежнее время порядокъ взиманія денегъ за кресты по ученымъ богословскимъ степенямъ, при самомъ назначеніи классныхъ окладовъ, въ настоящее время уже не практикуется, за прекращеніемъ назначенія вновь таковыхъ окладовъ, между тѣмъ заготовленіе и разсылка серебряныхъ кандидатскихъ крестовъ, требующихся нынѣ въ большомъ количествѣ, и взысканіе за нихъ денегъ вызываетъ излишнюю переписку по Хозяйственному Управленію и что означенные кресты въ настоящее время продаются въ магазинахъ частныхъ лицъ и потому могутъ быть приобрѣтаемы помимо Хозяйственнаго Управленія, — Управленіе сіе полагаетъ: удовлетворивъ требованія лицъ о высылкѣ кандидатскихъ крестовъ по наличію ихъ въ запасѣ, на будущее время заготовленіе и высылку таковыхъ крестовъ изъ Хозяйственнаго Управленія прекратить, предоставивъ лицамъ, имѣющимъ право ношенія ихъ, самимъ приобрѣ-

татъ кандидатскіе кресты у ювелировъ, подобно тому какъ нынѣ приобрѣтаются свѣтскими лицами нагрудные знаки по ученымъ степенямъ доктора и магистра богословія. Приказали: Заключение Хозяйственнаго Управленія утвердить и, для объявленія о немъ по духовному вѣдомству, напечатать настоящее опредѣленіе въ „Цепковномъ Вѣстникѣ“.

Отъ Харьковскаго комитета Православнаго миссіонерскаго общества.

(Окончаніе *).

Собрано: священникомъ Михаиломъ Будянскимъ отъ разныхъ лицъ 2 руб. 75 к., священникомъ Михаиломъ Колосовскимъ отъ разныхъ лицъ 82 к., священникомъ Петромъ Гумилевскимъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 50 к., священникомъ Африканомъ Пономаревымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ протоіерея Аполлонія Солодовникова 3 р., получено кружечнаго сбора отъ церквей 2-го округа Лебединскаго уѣзда 21 р. 87 к., отъ протоіерея Іоанна Сапухина 5 р., отъ священника Іоанна Крыжановскаго 3 р., собрано: протоіереемъ Іоанномъ Сапухинымъ отъ разныхъ лицъ 3 р., священникомъ Іоанномъ Кохановскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 56 к., священникомъ Захаріемъ Туранскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 20 к., священникомъ Николаемъ Туранскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 29 к., отъ священника Іоанна Соколовскаго 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 2 р., отъ священника Митрофана Еллинскаго 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 2 р., отъ священника Θεодора Рыбалова 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 82 к., отъ священника Николая Шосте 20 к., собрано: священникомъ Θεодоромъ Заводовскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 50 к., священникомъ Васиіемъ Маляревскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 50 к., священникомъ Павломъ Ступницкимъ отъ разныхъ лицъ 75 к., священникомъ Стефаномъ Толмачевымъ отъ разныхъ лицъ 90 к., отъ священника Петра Никулищева 3 р. 30 к., собрано: священникомъ Іаковомъ Хорошковымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 30 к., священникомъ Адрианомъ Крыжановскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р., священникомъ Іоанномъ Яценковымъ отъ разныхъ лицъ 71 к., отъ эконома харьковскаго архіерейскаго дома іеромонаха Іомора 3 р., получено кружечнаго сбора отъ церквей 1-го округа Валковскаго уѣзда 8 р. 32 к., отъ протоіерея Іоанна Бакановскаго 3 р., отъ священника Іоанна Подольскаго 3 р., отъ священника Никанора Комойчинова 3 р., отъ церковнаго старосты Филимона Кодрацкаго 3 р., собрано: протоіереемъ А. Солодовниковымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 80 к., священникомъ Іоанномъ Голяховскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р., священникомъ Іоанномъ Θεодоровскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., священникомъ Гавріиломъ Павловскимъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 года. № 6.

отъ разныхъ лицъ 1 р. 30 к., священникомъ Никаноромъ Котойчиновымъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 31 к., отъ церковнаго старосты Александра Оберемка 1 р., собрано: священникомъ Петромъ Русовскимъ отъ разныхъ лицъ 50 к., священникомъ Григоріемъ Дьяковымъ отъ разныхъ лицъ 80 к., священникомъ Михаиломъ Лукашевымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 5 к., священникомъ Петромъ Будячскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р., священникомъ Θεодоромъ Балановскимъ отъ разныхъ лицъ 96 к., священникомъ Θεодоромъ Леонтовичемъ отъ разныхъ лицъ 1 р., протоіереемъ І. Бакановскимъ отъ разныхъ лицъ 91 к., священникомъ Іоанномъ Подольскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., священникомъ Іоанномъ Стефановскимъ отъ разныхъ лицъ 40 к., священникомъ Андреемъ Пономаревымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 80 к., священникомъ Александромъ Лонгиновымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 40 к., священникомъ Н. Власовымъ 1 р. 35 к., поступило кружечнаго сбора отъ церквей 1-го округа Ахтырскаго уѣзда 55 р. 82 к., отъ причта ахтырскаго Покровскаго собора 5 р., отъ церковнаго старосты купца Михаила Гильченка 1 р., собрано священникомъ Іаковомъ Подольскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 35 к., отъ священника Іакова Пуковскаго 3 р., отъ крестьянина Стефана Лабахъ 4 р., собрано: протоіереемъ Игнатіемъ Клементьевымъ отъ разныхъ лицъ 3 р., священникомъ Кирилломъ Чебановымъ отъ разныхъ лицъ 50 к., священникомъ Θεодоромъ Доброславскимъ отъ разныхъ лицъ 50 к., священникомъ Василиемъ Кіяновскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 30 к., священникомъ Никомомъ Цанкратьевымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 10 к., отъ священника Александра Пантелѣева 3 р., собрано: въ Николаевскомъ приходѣ слободы Котельвы Ахтырскаго уѣзда 30 к., въ Троицкомъ приходѣ слободы Котельвы Ахтырскаго уѣзда 30 к., священникомъ Георгіемъ Давыдовымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 5 к., отъ священника Григорія Рудинскаго 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 3 р. 50 к., собрано: священникомъ Георгіемъ Гревизирскимъ отъ разныхъ лицъ 5 р., священникомъ Павломъ Рубинскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р., священникомъ Димитріемъ Поновымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. священникомъ Виталиемъ Башинскимъ отъ разныхъ лицъ 60 к., отъ священника Михаила Капустинскаго 65 к., собрано священникомъ Θεодоромъ Дюковымъ отъ разныхъ лицъ 37 к., священникомъ Димитріемъ Матвѣевымъ отъ разныхъ лицъ 67 к., священникомъ Іосифомъ Трояновымъ отъ разныхъ лицъ 3 р., отъ священника Стефана Филиппова 1 р., отъ штабсъ-капитана Николая Ивановича Боярскаго 3 р., отъ священника Николая Акимова 3 р., собрано священникомъ Василиемъ Будянскимъ отъ разныхъ лицъ 3 р., отъ священника Іоанна Жуковскаго 68 к., получено кружечнаго сбора отъ церквей 1-го округа Харьковскаго уѣзда 13 р. 20 к., отъ священника Іоанна Ракшевскаго 3 р., чрезъ него же 35 к., отъ Θεодора Маточкина 3 р. отъ священника Михаила Жуковскаго 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р. 20 к., отъ протоіерея Іоанна Хижняка 3 р.; отъ священника Николая Червонецкаго 3 р., отъ священника Калистрата Власовскаго 3 р., чрезъ

него же отъ разныхъ лицъ 1 р., собрано священникомъ Захаріемъ Рудинскимъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 20 к., отъ священника Андрея Любарскаго 3 р., чрезъ него же 20 к., отъ протоіеря Николая Соколовскаго 1 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 2 р. 20 к., отъ священника Василя Любчинскаго 1 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 80 к., собрано: священникомъ Петромъ Владыковымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., священникомъ Николаемъ Чернивецкимъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 42 к., священникомъ Петромъ Ѳедоровымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., священникомъ Іоанномъ Толмачевымъ отъ разныхъ лицъ 1 руб. 10 к., отъ священника Михаила Сильванскаго 2 р. 50 к., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 50 к., получено кружечнаго сбора отъ церквей 3-го округа Изюмскаго уѣзда 15 р. 70 к., отъ священника Іоанна Полницкаго 2 р., отъ церковнаго старосты Ѳедора Ищенко 1 р., отъ священника Димитрія Вахнина 3 р. чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ священника Василя Оружинскаго 2 р., отъ священника Петра Власова 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., отъ священника Веніамина Касьянова 3 р., отъ крестьянина Ивана Галкина 50 к., отъ священника Іоанна Оглоблина 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р. 55 к., отъ священника Петра Щербины 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 3 р., отъ священника Павла Алейникова 1 р., отъ протоіеря Александра Литвинова 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 3 р., отъ священника Григорія Понировскаго 1 руб., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ купца Сергѣя Николаевича Володина 3 р., собрано: священникомъ Симеономъ Мухинымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 60 к., священникомъ Іоанномъ Базилевичемъ отъ разныхъ лицъ 1 руб., священникомъ Іоанномъ Смирнскимъ отъ разныхъ лицъ 1 руб., отъ священника Іоанна Стеллецкаго 1 р., отъ священника Афанасія Тимонова 1 р., чрезъ него же 1 р., отъ священника Исаака Литвинова 1 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р. 25 к., отъ священника Іоанна Насѣдкина 1 р., отъ священника Димитрія Ковалевскаго 50 к., отъ церковнаго старосты 1 р., собрано священникомъ Григоріемъ Подалкинымъ отъ разныхъ лицъ 61 коп., получено кружечнаго сбора отъ церквей 3-го округа Старобѣльскаго уѣзда 22 руб. 3 коп. собрано священникомъ Аристархомъ Ѳечевымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 5 к., отъ священника Алексѣя Чугаева 3 р., отъ священника Митрофана Ракшевскаго 3 р., отъ священника Максима Подлуцкаго 3 р., получено кружечнаго сбора отъ церквей 2 округа Сумскаго уѣзда 122 р. 52 к., отъ священника Космы Познякава 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 60 к., отъ священника Александра Павловскаго 1 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р., собрано: священникомъ Александромъ Луценковымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., членомъ комитета Павломъ Григорьевичемъ Станникомъ отъ разныхъ лицъ 20 р., получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа г. Харькова 52 р. 80 к., отъ протоіереевъ: Іоанна Чижевскаго 3 р., Іоанна Ѳедорова 3 р., Александра Ѳедоровскаго 3 р., Василя Левандовскаго 3 р., Андрея Щелкунова 3 р.,

Гавріила Ѳедоровскаго 3 р., отъ священниковъ: Василія Попова 3 р., Николая Гутникова 3 р., Петра Мигулина 3 р., Аполлона Ильяшева 3 р., Василія Проскурникова 3 р., Павла Тимофеева 3 р., Андрея Балановскаго 3 р., Василія Лихницкаго 3 р., Михаила Румянцева 3 р., Андрея Рудинскаго 3 р., Николая Мощенкова 3 р., Николая Соколовскаго 3 р., Георгія Чеботарева 3 р., Григорія Томашевскаго 3 р., Николая Пантелеймонова 3 р., Василія Добровольскаго 3 р., Павла Григоровича 3 р., Василія Ветухова 3 р., Панкратія Иванова 3 р., Василія Куницына 3 р., Іоанна Приходина 3 р., Андрея Дмитриева 3 р., Василія Марченкова 3 р., Николая Соколовскаго 3 р., отъ церковныхъ старостъ: Евсевія Степановича Крохмалева 3 р., Ивана Антоновича Бѣленькаго 3 р., Алексѣя Петровича Ольховскаго 3 р., Алексѣя Васильевича Судакова 3 р., Ивана Григорьевича Евтушенка 3 р., Василія Григорьевича Пономарева 3 р., Николая Сергѣевича Козлова 3 р., Константина Николаевича Захарова 3 р., Сергѣя Ефимьевича Фастова 3 р., Василія Ивановича Золотарева 3 р., Кирилла Моисеевича Блохи 3 р., Евсевія Гавриловича Дубовика 3 р., Ивана Яковлевича Коваленка 3 р., Никиты Спиридоновича Бузника 3 р., Ѳедора Ивановича Ширяева 3 р., Леонтія Яковлевича Попова 3 р., Ивана Кирилловича Величченка 3 р., собрано членомъ комитета Порфиріемъ Трущобинымъ отъ разныхъ лицъ 10 р., отъ протоіерей Арсенія Павлова 10 р., получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа Лебединскаго уѣзда 19 р. 80 к., собрано священникомъ Павломъ Браиловскимъ отъ разныхъ лицъ 63 к., отъ священника Андрея Маляревскаго 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р., собрано священникомъ Максимомъ Сергіевскимъ отъ разныхъ лицъ 73 к., отъ священника Николая Любickaго 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 3 р., отъ священника Петра Вахнина 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р. 20 к., отъ священника Симеона Людикормина 3 р., чрезъ него же отъ разн. лицъ 2 р. 20 к., отъ священника Антонія Щепинскаго 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 2 р., собрано священ. Андреемъ Аксененковымъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 19 к., отъ священника Петра Подлудцаго 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р., собрано: священникомъ Павломъ Мухинымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 27 к., священникомъ Поликарпомъ Слюсаревымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., священникомъ Николаемъ Ѳедоровымъ отъ разныхъ лицъ 70 к., отъ священника Іоанна Проскурникова 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р. 80 к., отъ священника Михаила Подольскаго 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 20 к., собрано: священникомъ Іоанномъ Малиженевскимъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 92 к., священникомъ Константиномъ Острогорскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 15 к., священникомъ Викторомъ Трегубовымъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 55 к., отъ священника Кирилла Щелкунова 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р. 22 к., собрано: священникомъ Александромъ Стефановскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., священникомъ Петромъ Чижевскимъ отъ разныхъ лицъ 82 к., священникомъ Алексѣемъ Ми-

лослановымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 1 к., священникомъ Стефаномъ Прокоповичемъ отъ разныхъ лицъ 55 к., отъ священника Николая Ходскаго 3 р., чрезъ него же 35 к., отъ протоіерея Виктора Андріевскаго 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., собрано священникомъ Матвѣемъ Богославскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 17 к., священникомъ Александромъ Новомірскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 40 к., отъ священника Максима Пономарева 3 р., чрезъ него же 62 к., собрано: священникомъ Константиномъ Рудневымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., священникомъ Павломъ Казанскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р., священникомъ Іоанномъ Котляровымъ отъ разныхъ лицъ 2 р., священникомъ Θεодоромъ Ивановымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., священникомъ Симеономъ Флоринскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р., священникомъ Романомъ Николаевскимъ отъ разныхъ лицъ 50 к., священникомъ Захаріемъ Жуковымъ отъ разныхъ лицъ 50 к., священникомъ Филаретомъ Антоновымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 49 к., священникомъ Іосифомъ Волобуевымъ 15 к., священникомъ Васиіемъ Владыковымъ отъ разныхъ лицъ 50 к., священникомъ Митрофаномъ Котляровымъ отъ разныхъ лицъ 55 к., священникомъ Димитріемъ Регішевскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р., священникомъ Трофимомъ Антоновымъ отъ разныхъ лицъ 2 р., отъ протоіерея Марка Рокитянскаго 3 р., чрезъ него же 12 к., отъ священника Димитрія Регішевскаго 3 р., отъ священника Митрофана Котляревскаго 3 р., получено кружечнаго сбора отъ Харьковскаго Каѳедральнаго Успенскаго Собора 35 р. Итого въ февраль мѣсяцѣ 1887 года поступило 1395 р. 33 к., а всего съ 1 января 1887 года поступило 2338 р. 15 к.

Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками, комитетъ покорнѣйше проситъ присылать свои пожертвованія непосредственно въ комитетъ при Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ, или вручать таковыя своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* рублей, или же, единовременно не менѣе *шестидесяти* рублей.

Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища.

На возобновленіе Іоанно-Богословской церкви при Харьковскомъ духовномъ училищѣ поступили слѣдующія пожертвованія:

При отношеніи отъ 12 декабря 1885 года предсѣдателя Харьковскаго окружнаго съѣзда духовенства, священника о. Павла Тимофеева, отъ оо. уполномоченныхъ съѣзда, священниковъ: Павла Тимофеева 5 руб., Александра Червонецкаго 3 руб., Іакова Попова 2 руб., Іоанна Діаконова 2 р., Іоанна Ракшевскаго 2 р., Григорія Ходскаго 2 р., протоіерея Аполлона Ковалевскаго 10 руб., Михаила Румянцева 5 р., Іоанна Θεодоровскаго 3 р., Александра

Вербицкаго 5 р., Александра Чернявскаго 3 р. и Александра Щепинскаго 3 р., *итого сорокъ пять рублей*; при отношеніи Благочиннаго 1-го округа Зміевскаго уѣзда, протоіерея о. Алексія Сильванскаго отъ 30 января 1886 года за № 50: отъ протоіерея Алексія Сильванскаго 2 р., священника сел. Тетлѣги Іоанна Попова 1 р., священника сл. Каменной Яруги Іоанна Попова 1 р., протоіерея Алексія Илларионова 2 р., священниковъ: Александра Василевскаго 1 р., Павла Татарина 1 р., Павла Вышемірскаго 1 р., Дмитрія Вышемірскаго 1 р., Іоанна Жадановскаго 1 р., Григорія Корнильева 1 р., причта и старосты церкви с. Водяного 50 коп., причта церкви с. Замостья 1 р., священниковъ: Алексія Пономарева 1 р., Антонія Рудинскаго 1 р., отъ церкви сл. Тарановки 1 р., священника Дмитрія Андреевскаго 1 руб., протоіерея Іоанна Рудинскаго 2 р., священника Іоанна Селезнева 1 р., священника Николая Сильванскаго и церковнаго старосты кладбищенской церкви города Чугуева 1 р., *итого двадцать два рубля пятьдесятъ коп.*; при отношеніи священника Николаевской церкви села Замостья Зміевскаго уѣзда, о. Іоанна Раевского, пожертвованнаго вдовою псаломщика Екатериною Домницкою *пятьдесятъ копѣекъ*; при докладной запискѣ г. Смотрителя Харьковскаго духовнаго училища отъ 31 марта 1886 г. полученныя имъ: отъ священника Николая Гутникова 5 р. и священника Андрея Григорьевскаго 5 р., *итого десять рублей*;—при письмѣ священника сл. Павловки Старобѣльскаго уѣзда о. Сумеона Петрова *десять рублей*; собранныя по подписнымъ листамъ, выданнымъ изъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища, на основаніи постановленія съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа отъ 12 декабря 1886 года, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ,—представленныя,—при отношеніи Благочиннаго 2-го округа Харьковскаго уѣзда, священника о. Алексія Грекова, отъ 20 января 1887 года за № 14 *пятьдесятъ пять рублей девяносто семь копѣекъ*, а именно: по листамъ, выданнымъ: священнику Николаю Житлову 5 р. 60 к., священнику Александру Вертеловскому 5 р. 60 к., священнику Дмитрію Несторову 4 р. 50 к., священнику Сумеону Стеллецкому (по 2-мъ листамъ) 6 р., Іоанну Губскому (по 2-мъ листамъ) 2 р. 50 к., священнику Василю Ковалеву 4 р. 50 к., священнику Мовсею Руссовскому 2 р. 24 к., священнику Михаилу Соколовскому 3 р., священнику Алексію Мигулину 1 р. 50 коп., священнику Порфирію Шокотову 8 р., священнику Петру Бородаевскому 55 к., священнику Алексію Грекову 3 р. 52 к., священнику Макарію Крохатскому 1 р. 45 к. и священнику Петру Мартынову 2 руб.;—при отношеніи Благочиннаго 5-го округа Старобѣльскаго уѣзда, священника о. Василя Алексѣевскаго, отъ 15 января 1887 года за № 48, собранныя по листамъ, выданнымъ священникамъ его округа *шестьдесятъ восемь рублей восемьдесятъ шесть коп.*, а именно: протоіеремъ о. Михайломъ Цавловымъ 12 р., священниками: оо. Василемъ Алексѣевскимъ 4 р. 70 к., Михайломъ Сенявинымъ 4 р. 2 к., Андреемъ Титовымъ 4 р., Іоанномъ

Ѳеодоровскимъ 4 р., Стефаномъ Крыжановскимъ 4 р., Александромъ Ветуховымъ 3 р. 25 к., Аполлономъ Станковымъ 3 р. 10 в., Матѳеемъ Моусеевымъ 2 р. 90 к., Іоанномъ Иннокоевымъ 2 р. 90 к., Меѳодіемъ Лядскимъ 2 р. 88 к., Павломъ Ветуховымъ 2 р. 50 к., Харалампіемъ Твердохлѣбовымъ 2 р. 41 к., Константиномъ Насѣдкимъ 2 р. 25 к., протоіереемъ о. Михаиломъ Ветуховымъ 2 р., священниками: оо. Андреемъ Базилевичемъ 1 р. 50 к. Александромъ Ѳеодоровымъ 1 р. 50 к., Василиемъ Мантулинымъ 1 р. 40 к., Николаемъ Склиоровымъ 1 р. 35 к., Александромъ Ковалевскимъ 1 р. 20 к., Алексіемъ Лобковскимъ 1 р., Петромъ Ветуховымъ 1 р., Іоанномъ Ястремскимъ 1 р., Димитріемъ Пантелеимоновымъ 1 р., Василиемъ Поповымъ 50 к. и Николаемъ Матѳеевымъ 50 копѣекъ;—при отношеніи Благочиннаго 1-го округа Ахтырскаго уѣзда отъ 11 февраля 1887 года за № 57 *двѣнадцать рублей*, собранныхъ по листамъ, выданнымъ: протоіерею о. Игнатію Клементьеву 3 р. 62 к., священникамъ: оо. Александру Пантелѣеву 4 р., Стефану Филиппову 3 р., Іоанну Жуковскому 88 к. и Ѳеодору Доброславскому 30 к. и—при отношеніи Благочиннаго 2-го округа Богодуховскаго уѣзда, священника о. Алексія Снѣсаревскаго отъ 19 апрѣля 1887 года за № 368 *пятьдесятъ пять рублей 76 копѣекъ*, собранные по листамъ священниками означеннаго округа, а именно: оо. Іоанномъ Колосовскимъ 6 р. 35 к., Іоанномъ Владыковымъ 6 р. Ѳеодоромъ Малиженовскимъ 5 р. 20 к., Елисеемъ Загурскимъ 5 р., Алексіемъ Снѣсаревскимъ 4 р. 50 к., Сумеономъ Котляровымъ 3 р. 40 к., Аѳанасіемъ Гораинымъ 3 р. 31 к., Іоанномъ Навродскимъ 3 руб., Павломъ Антоновичемъ 3 р., Іоанномъ Криницкимъ 2 р. 50 коп., Василиемъ Якубовичемъ и Василиемъ Масловымъ 2 р. 40 к., Ѳеодоромъ Ѳеодоровымъ 2 руб., Петромъ Дюковымъ 1 р. 70 к., (въ томъ числѣ отъ военнаго врача NN, обучавшагося въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ 1 р.), священникомъ Успенской церкви сл. Хрущевой Никитовки 1 р. 30, священникомъ Петромъ Мигулинымъ (сл. Мурафы) 1 р., священникомъ Рождество-Богородичной церкви с. Гусаровки 1 р., священникомъ Георгіемъ Можелевскимъ 1 р., протоіереемъ Павломъ Малишевскимъ 1 р., священникомъ Михаиломъ Сильванскимъ 1 р., священникомъ Мартиріемъ Подольскимъ 60 коп. и священникомъ Димитріемъ Чернявскимъ 50 к. Всего же поступило на возобновленіе Іоанно-Вогословской церкви Харьковскаго духовнаго училища, съ 12 декабря 1885 года по 1-е мая сего 1887 года *двѣсти восемьдесятъ рублей пятьдесятъ девять коп.* (280 р. 59 к.).

Правленіе Харьковскаго духовнаго училища поставляетъ долгомъ выразить искреннюю благодарность жертвователямъ и при семъ имѣетъ честь извѣстить, что пожертвованія могутъ быть присылаемы какъ чрезъ посредство мѣстныхъ священниковъ и о.о. Благочинныхъ, такъ и непосредственно на имя Правленія училища.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

На праздное священническое мѣсто къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Княгинина-Лимана, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ діаконъ Крестовоздвиженской церкви города Изюма *Іаковъ Лукашевъ*.

— Утверждены законоучителями священники: *Павелъ Стыкирскій* и *Григорій Макухинъ*, — первый — Пристѣнскаго народнаго училища, Купянскаго уѣзда, а второй — Куньевскаго народнаго училища, Изюмскаго уѣзда.

— На праздное священническое мѣсто къ Покровской церкви, села Покровска, Купянскаго уѣзда, опредѣленъ священникъ с. Каплуновки *Василій Масловъ*.

— Священникъ *Іоаннъ Нечаевъ* перемѣщенъ, согласно просьбѣ, изъ с. Малыхъ Проходовъ, Харьковскаго уѣзда, въ с. Ново-Николаевку, Купянскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Николаевской церкви слободы Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, окончившій курсъ семинаріи, *Евгеній Пономаревъ* опредѣленъ на праздное священническое мѣсто при Троицкой церкви города Богодухова.

— И. д. псаломщика Харьковскаго Каѳедральнаго Успенскаго собора *Тимофей Коробчанскій* опредѣленъ священникомъ Крестовоздвиженской церкви с. Межирича, Лебединскаго уѣзда.

— Безмѣстный священникъ *Димитрій Пономаревъ* 7 апрѣля н. г. волею Божіею умре.

— Діаконъ Покровской церкви с. Куньяго, Изюмскаго уѣзда, *Павелъ Никумищевъ*, опредѣленный 20 марта н. г. священникомъ Пророко-Ильинской церкви хутора Андреевскаго, Лебединскаго уѣзда, рукоположенъ въ санъ священника.

— Студентъ Харьковской духовной семинаріи *Георгій Рудинскій*, согласно прошенію, Его Высокопреосвященствомъ опредѣленъ священникомъ Покровской церкви с. Межирича, Лебединскаго уѣзда.

— На праздное діаконское мѣсто къ Покровской церкви села Куньяго, Изюмскаго уѣзда, перемѣщенъ діаконъ Троицкой церкви села Чернокаменки, Зміевскаго уѣзда, *Николай Татариневъ*.

— Запрещенному діакону *Григорію Антоновскому* разрѣшено священнослуженіе и ношеніе рясы.

— Діаконъ, состоявшій на должности псаломщика при Рождество-Богородичной церкви с. Михайловки, Лебединскаго уѣзда, *Іаковъ Крамаревъ* 15 апрѣля н. г. волею Божіею умре.

— Псаломщикъ Митрофаніевской церкви слободы Отрадной, Волчанскаго уѣзда, *Григорій Бестѣда* перемѣщенъ къ церкви Нерукотвореннаго Образа Господня села Богодарова, Зміевскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Христорождественской церкви села Бороваго, Зміевскаго уѣзда, *Димитрій Заграфскій* перемѣщенъ къ Покровской церкви слободы Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.

— Сынъ діакона *Іоаннъ Бутковъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Рождество-Богородичной церкви села Константиновки, Зміевского уѣзда.

— Псаломщикъ Николаевской церкви села Веревкиной, Изюмского уѣзда, *Георгій Волобуевъ* переимѣненъ псаломщикомъ къ Христорождественской церкви, села Бороваго, Зміевского уѣзда, а на его, Волобуева, мѣсто церкви слободы Веревкиной допущенъ къ исправленію должности псаломщика сынъ діакона *Теодфилактъ Павловскій*.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Николаевской — сл. Кругляковки, Купянского уѣзда, дворянинъ *Василій Богославскій*; Покровской — села Острроверховки, Харьковскаго уѣзда, (на первое трехлѣтіе) крестьянинъ *Агей Галиченко*; Іоанно-Богословской — села Черемушнаго, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ *Петръ Певный* и Успенской — села Старо-Покровскаго, Зміевского уѣзда, крестьянинъ *Герасимъ Блудовъ*.

На основаніи § 10 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года Правиль о церковно-приходскихъ школахъ уволенному изъ 3 класса Харьковскаго духовнаго училища *Максиму Иванову Браиловскому* представлено, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, право преподаванія простаго (унисоннаго) церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ, на каковое право 5 мая сего года выдано установленное свидѣтельство.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія: 1) Въ г. Зміевѣ при Троицкомъ соборѣ. 2) Въ Колупаевкѣ, Харьковскаго уѣзда, при Архангело-Михайловской ц. 3) Въ Малыхъ-Проходахъ, Харьковскаго уѣзда, при Вознесенской ц.

— *Діаконскія:* 1) Въ Коломакѣ, Валковскаго уѣзда, при Воскресенской ц. 2) Въ Климовкѣ, Сумскаго уѣзда, при Успенской ц. 3) Въ Бакировкѣ, Ахтырскаго уѣзда. 4) Въ Котельвѣ того же уѣзда, при Преображенской ц. 5) Въ Шаровкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, при Петропавловской ц. 6) Въ Трехизбинскѣ, того же уѣзда, при Покровской ц. 7) Въ Коробочкиной, Зміевского уѣзда, при Успенской ц. 8) Въ г. Изюмѣ при Крестовоздвиженской церкви.

— *Псаломщицкія:* 1) Въ Черпокамянкѣ, Зміевского уѣзда, при Троицкой ц. 2) Въ Дружелюбовой, Купянскаго уѣзда, при Петропавловской ц. 3) Въ Рѣчкахъ, Сумскаго уѣзда, при Покровской ц. 4) Въ Отрадной, Волчанскаго уѣзда, при Митрофаніевской ц. 5) Въ Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, при Николаевской ц.

Отъ Хорошевскаго Духовнаго Приюта.

Игуменья Хорошевскаго Вознесенскаго монастыря симъ извѣщаетъ родителей и родственниковъ обучающихся въ Хорошевскомъ Духовномъ Приютѣ воспитанницъ, что роспускъ на предстоящія каникулы въ Приютѣ будетъ сего мая 29 дня, въ пятницу.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Поднесеніе креста настоятелю Ахтырскаго Покровскаго собора протоіерею о. Андрею Попову.—Высочайшая благодарность различнымъ сельскимъ обществамъ.—Миссіонеры въ Кіевской епархіи.—Замѣчательныя церковныя постройки въ Кіевѣ.—Къ вопросу объ улучшеніи быта военнаго духовенства.—Пособіе на воспитаніе дѣтей духовенства въ свѣтскихъ заведеніяхъ.—Пособіе кустарямъ.—Судебная власть земскихъ начальниковъ.

Начальствующіе и наставники Сумскаго духовнаго училища, въ изъявленіе своей глубокой признательности къ духовнику своему, бывшему смотрителю училища, нынѣ настоятелю Ахтырскаго Покровскаго Собора, протоіерею о. Андрею Попову, выразили желаніе поднести ему серебряный крестъ, установленный Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 11 октября 1886 года для священнослужителей, имѣющихъ ученую степень кандидата духовныхъ академій. Смотритель Сумскаго духовнаго училища обратился съ просьбою къ Его Высокопреосвященству, Преосвященнѣйшему Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, прося его разрѣшить начальствующимъ и наставникамъ вѣреннаго ему училища поднести вышеозначенный крестъ о. Попову. По разрѣшеніи Его Высокопреосвященства крестъ былъ поднесенъ о. Попову 23 апрѣля сего года вмѣстѣ съ адресомъ, подписаннымъ начальствующими и наставниками Сумскаго духовнаго училища. Въ этомъ адресѣ говорится, между прочимъ, что вышеозначенный крестъ преподносится о. Андрею Попову въ знакъ искреннаго и неизмѣннаго къ нему почитанія и глубокаго уваженія, а также и въ ознаменованіе долготѣней службы о. Попова на пользу святой Церкви и духовнаго просвѣщенія юношества.

— „Правительственный Вѣстникъ“ сообщаетъ: Архіепископы Рязанскій и Холмско-Варшавскій и епископъ Полоцкій сообщили оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода о слѣдующихъ выраженіяхъ религіозно-патріотическихъ чувствъ со стороны православнаго сельскаго населенія: 1) Крестьяне села Нижняго Бѣлоомута, Зарайскаго уѣзда, Рязанской епархіи, въ память священнаго Коронованія Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы, построили при Преображенской церкви означеннаго села каменную богадѣльню для призрѣнія въ оной, на пожертвованныя разными благотворителями средства, престарѣлыхъ и безпріютныхъ жителей села Бѣлоомута. Въ настоящее время въ нижнемъ этажѣ означенной богадѣльни призрѣвается 17 лицъ, а въ верхнемъ—предположено

помѣстить женское училище. 2) Прихожане Параскевѣевской церкви въ селѣ Докудовѣ, Вѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, желая увѣковѣчить память освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, приобрѣли на собственные средства колоколь для своей церкви, стоимостью въ 360 р. На одной сторонѣ этого колокола отлито изображеніе въ Божѣ почившаго Императора Александра Николаевича, а на другой—Всевидающее Око: вокругъ колокола сдѣлана соответствующая надпись. 3) Прихожане Стайкимской церкви, Городскаго уѣзда, Полоцкой епархіи, въ память почившаго въ Божѣ Императора Александра II и въ изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ къ благополучно царствующему нынѣ Государю Императору пожертвовали въ названную церковь икону Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго въ серебряной вызолоченной ризѣ и лампаду къ этой иконѣ, цѣной во 100 р. На всеподданнѣйшемъ докладѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, 21 марта сего года, благоугодно было собственноручно начертать „благодарить“.

— „Кіевлянинъ“ сообщаетъ слѣдующія извѣстія о миссіонерахъ для Кіевской губерніи. Полученнымъ въ Кіевѣ недавно указомъ Святѣйшаго Синода отъ 4 марта поборникъ православія и патріотизма въ Галиціи отецъ Іоаннъ Наумовичъ назначается миссіонеромъ въ Кіевскую епархію, по представленію и ходатайству высокопреосвященнаго митрополита Платона. Приѣздъ отца Наумовича ожидается, по слухамъ, въ скоромъ времени. Отецъ Наумовичъ будетъ имѣть квартиру въ лаврскихъ келіяхъ. Изъ Кіева отецъ Наумовичъ будетъ посѣщать, съ цѣлью увѣщанія, разныя сектантскія мѣста губерніи. Въ настоящее время въ Лаврѣ уже второй годъ проживаетъ миссіонеръ, рязанскій протоіерей отецъ Леоновъ. Въ осенніе мѣсяцы отецъ Леоновъ былъ командированъ духовнымъ начальствомъ въ село Косяковку, зараженное штундой. Своимъ проповѣдничествомъ отецъ Леоновъ оказалъ благотворное вліяніе на православныхъ и штундистовъ Косяковки. Желательно, замѣчаетъ газета, чтобъ и въ другія штундистскія селенія производились періодически и чаще такія командировки.

— Въ газетахъ встрѣчаемъ извѣстія о замѣчательныхъ церковныхъ постройкахъ, предпринимаемыхъ въ Кіевѣ. „Правит. Вѣстн.“ сообщаетъ, что съ первыхъ чиселъ мая сего года въ городѣ Кіевѣ предполагается приступить къ сооружецію пристроекъ къ Лукьяновской св. Феодоровской церкви, въ которыхъ будутъ воспроизведены

въ точныхъ копіяхъ два драгоцѣнныхъ христіанскихъ памятника: пещера св. гроба Господня и пещерный храмъ св. Климента, папы Римскаго, Инкерманскаго мученика. Къ осени постройка будетъ окончена вчернѣ, полная-же отдѣлка предполагается, какъ передаетъ „Кіевское Слово“, ко дню празднованія 900-лѣтія христіанства въ Кіевѣ.

— Въ „Кіевлянинѣ“ напечатано: Изъ всѣхъ Кіевскихъ святынь Трехсвятительская церковь принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ воздвигнутымъ въ первые годы введенія христіанства въ Россіи. По преданію, церковь эта построена великимъ княземъ Владиміромъ на томъ холмѣ, съ котораго былъ низвергнутъ въ Днѣпръ Перунъ и гдѣ совершались языческія жертвоприношенія. Въ настоящее время церковь эта пришла въ крайне обветшалый видъ. Причтъ и прихожане Трехсвятительской церкви чрезъ своего уполномоченнаго обратились въ городскую управу съ ходатайствомъ, въ которомъ указываютъ, что древнѣйшая изъ церквей кіевскихъ, вслѣдствіе недостатка средствъ, пришла въ крайне обветшалый видъ, не соответствующій храму Божию; между тѣмъ, въ будущемъ году предстоитъ празднованіе 900-лѣтняго юбилея крещенія Св. Владиміромъ Кіевлянъ, а потому они ходатайствуютъ о ремонтіровкѣ названнаго храма на городской счетъ. Ходатайство это будетъ доложено думѣ.

— Военное министерство въ настоящее время серьезно озабочено рѣшеніемъ вопроса объ улучшеніи быта военнаго духовенства и объ уравненіи его служебныхъ правъ съ правами другихъ военно-служащихъ лицъ, вслѣдствіе того, что до настоящаго времени права первыхъ были несравненно ниже правъ послѣднихъ. Для всѣхъ военныхъ лицъ есть полная возможность возвышаться въ своихъ служебныхъ правахъ и матеріальномъ обезпеченіи по мѣрѣ выслуги лѣтъ; военный-же священникъ, поступая на службу съ самыми ограниченными правами и на ограниченное содержаніе, сколько-бы онъ ни служилъ и какое-бы образованіе онъ ни получилъ, навсегда остается, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, съ одними и тѣми-же правами и на одномъ и томъ-же содержаніи; такъ что не болѣе, какъ черезъ 10—15 лѣтъ онъ, по служебнымъ правамъ и преимуществамъ, отстаетъ даже отъ лицъ произведенныхъ въ первый классный чинъ одновременно съ его рукоположеніемъ въ священныи санъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ таковаго ненормальнаго положенія бываетъ то прискорбное явленіе, что лучшіе кандидаты священства въ настоящее время не особенно охотно поступаютъ къ военнымъ церквамъ, предпо-

читая кочевой жизни въ полкахъ службу въ епархіальномъ вѣдомствѣ, какъ совершенно осѣдлую и болѣе обеспеченную. А между тѣмъ, въ виду возвышенія уровня образованія войска, вслѣдствіе введенія всесловной воинской повинности, если когда, то особенно въ настоящее время настѣитъ крайняя необходимость, чтобы въ среду военнаго духовенства призывались лучшія духовныя силы, не только лучшіе воспитанники духовныхъ семинарій, но по возможности и получившіе высшее богословское образованіе въ духовныхъ академіяхъ. А для этого прежде всего необходимо возвысить служебное положеніе и матеріальное благосостояніе военнаго духовенства,—о чемъ и былъ возбужденъ въ военномъ министерствѣ вопросъ въ концѣ 1883 года. Инициатива этого добраго дѣла и самый проектъ о возвышеніи служебныхъ правъ военнаго духовенства принадлежитъ одному изъ его представителей—протоіерею А. А. Ставровскому; оффиціальное-же представленіе проекта въ военное министерство взялъ на себя нынѣ управляющій всѣмъ военнымъ духовенствомъ главный священникъ арміи и флота П. Е. Покровскій, принимавшій всегда самое живое участіе въ подвѣдомомъ ему духовенствѣ и изъ долготѣтяго своего управленія лично убѣдившійся въ ненормальности его служебнаго положенія. Ходатайство главнаго священника, съ приложеніемъ самаго проекта, военнымъ министерствомъ было разослано по всѣмъ военнымъ округамъ на предварительное заключеніе военныхъ начальниковъ и по всестороннемъ разсмотрѣніи въ теченіи 1884—85 годовъ, было всѣми единогласно одобрено. „Нов. Вр.“ слышало, что и въ самомъ военномъ министерствѣ, благодаря особой заботливости нынѣшняго военнаго Министра о благѣ всѣхъ военнослужащихъ, проектъ принять также весьма сочувственно, такъ что есть полная надежда, что новое положеніе о служебныхъ правахъ военнаго духовенства и новые оклады содержанія, съ пятилѣтними, установленными для военныхъ врачей прибавками, будутъ введены съ 1-го января 1888 года.

— Въ напечатанныхъ въ „Екатеринославскихъ Епарх. Вѣд.“ протоколахъ обще-епарх. съѣзда записано слѣдующее интересное постановленіе. Однимъ священникомъ сдѣлано заявленіе о выдачѣ пособій дѣтямъ лицъ духовнаго званія, не могущимъ почему-либо воспитывать ихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Заявленіе это мотивируется тѣмъ, что въ приобрѣтеніи средствъ на содержаніе училищъ принимаютъ участіе всѣ чины причтовъ безъ исключенія, а пользуются пособіемъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей только тѣ, чьи

дѣти могутъ воспитываться въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Съѣздъ нашелъ эту мысль прекрасною и въ принципѣ согласился съ предложеніемъ, но въ виду совершенной новости его не постановилъ рѣшенія, а нашелъ нужнымъ, предварительно ознакомивши съ этимъ предложеніемъ духовенство чрезъ епарх. вѣд., разсудить о немъ на благочинническихъ съѣздахъ, а затѣмъ уже внести на обсужденіе окружныхъ и епархіального съѣздовъ.

— „С.-Петербургскія Вѣдомости“ сообщаютъ: Тульскіе и Владимірскіе кустари рѣшили окончательно сбросить съ себя тяжелую ошеку всевозможныхъ посредниковъ и кулаковъ на Нижегородской ярмаркѣ; съ этою цѣлью они устраиваютъ въ Нижнемъ-Новгородѣ собственные склады кустарныхъ произведеній. Въ этомъ предпріятіи имъ оказываетъ матеріальное содѣйствіе одинъ изъ извѣстнѣйшихъ московскихъ коммерсантовъ, согласившійся выдать въ ссуду артелямъ кустарей 500000 р. на необходимые расходы по сооруженію торговыхъ помѣщеній и складовъ. Заемъ этотъ сдѣланъ на весьма выгодныхъ для кустарей условіяхъ, причемъ погашеніе ссуды разсрочено на 25 л. Если найдено будетъ подходящее готовое помѣщеніе, то кустари предпочтутъ пріобрѣсть его въ собственность, чтобъ избавиться отъ проволоочки времени, связанной съ сооруженіемъ новаго зданія. При открывающихся торговыхъ складахъ кустарныхъ произведеній будутъ устроены: постоянный музей и справочно-коммисіонерское бюро, на обязанности котораго будетъ лежать посредничество между кустарями и заказчиками, а также оптовыми покупателями.

— Въ „Новостяхъ“ сообщаются весьма интересныя свѣдѣнія, касающіяся предполагаемаго преобразованія мѣстнаго управленія. Въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, предполагается учредить должность земскихъ начальниковъ, въ число обязанностей которыхъ войдутъ слѣдующія предварительныя распоряженія по судебнымъ дѣламъ: 1) земскій начальникъ, получивъ просьбу или жалобу по судебному дѣлу, будетъ имѣть право въ случаѣ, когда объ этомъ будутъ просить тяжущіеся, а также если это будетъ признано нужнымъ земскимъ начальникомъ по собственному его усмотрѣнію сдѣлать надлежащее распоряженіе о производствѣ по дѣлу предварительнаго дознанія, обыска, осмотра или освидѣтельствованія на мѣстѣ, а также о собраніи всѣхъ нужныхъ къ дѣлу свѣдѣній и доказательствъ. 2) Всѣ вышеуказанныя дѣйствія земскій начальникъ будетъ имѣть право производить лично или поручить производство таковыхъ мѣстнымъ чинамъ полиціи, волостному

или сельскому начальству. 3) Обыски, осмотры и освидѣтельство-
ванія будутъ производиться въ присутствіи не менѣе двухъ поня-
тыхъ и тѣхъ изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ, которыя явятся,
обыски-же, кромѣ того, должны быть произведены въ присутствіи
хозяина обыскиваемого имущества или кого-либо изъ домашнихъ.
4) Если для точнаго уразумѣнія встрѣчающихся въ дѣлѣ обсто-
ятельствъ необходимы какія-либо спеціальныя свѣдѣнія или опыт-
ность въ какомъ нибудь промыслѣ или занятіи, то земскій началь-
никъ имѣетъ право требовать письменнаго заключенія отъ специали-
стовъ и свѣдущихъ людей. 5) За неявку къ обыску, осмотру или
освидѣствованію по вызову земскаго начальника, а также за
неприсылку по его требованію письменнаго заключенія, земскій на-
чальникъ будетъ имѣть право подвергнуть понятыхъ и свѣдущихъ
людей денежному штрафу не свыше пятнадцати рублей. 6) При
неисполненіи законныхъ требованій и порученій земскихъ началь-
никовъ по судебнымъ дѣламъ, эти послѣдніе по отношенію къ во-
лостнымъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ будутъ пользоваться
правомъ собственною властью налагать взысканія и штрафы адми-
нистративнымъ порядкомъ, а о дѣйствіяхъ полицейскихъ чиновъ
сообщать подлежащему исправнику. 7) Въ ускоренномъ порядкѣ
будутъ разсматриваться у земскихъ начальниковъ дѣла о восстано-
вленіи нарушеннаго владѣнія, о правѣ участія частнаго, о потра-
вахъ и о вознагражденіи за убытки въ недвижимомъ имѣніи, а
равно и дѣла о неисполненіи договора о наймѣ рабочихъ; по всѣмъ
этимъ дѣламъ разбирательство будетъ происходить внѣ очереди.
Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ положеніи о земскихъ начальникахъ поста-
новлено, что если по дѣлу представляются издержки на вознагра-
женіе свидѣтелей и свѣдущихъ людей или какія-либо другія, то
онѣ возлагаются по уголовнымъ дѣламъ на обвиняемую сторону
или на обвинителя, если обвиненіе будетъ признано недобросо-
вѣстнымъ, а по гражданскимъ дѣламъ—на ту сторону, требованія
которой будутъ отвергнуты. Вознагражденіе свидѣтелей и свѣду-
щихъ людей, явившихся по вызову, не можетъ, однако, превышать
3-хъ руб. на cadaго свидѣтеля и 15-ти руб. на свѣдущее лицо.
